

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ

Н. Н. ДИКОВ

БРОНЗОВЫЙ ВЕК
ЗАБАЙКАЛЬЯ

УЛАН-УДЭ — 1958 год

Н. Н. ДИКОВ

БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЗАБАЙКАЛЬЯ

Ответственный редактор
проф. А. П. ОКЛАДНИКОВ

ОТ АВТОРА

Представьте себе Забайкалье, далекому историческому прошлому которого и посвящена эта книжка. Вообразите глухую тайгу и степные просторы, дикие скалистые сопки, то пустынные и голые, то заросшие лесом, полноводные быстрые реки и величественно-угрюмый Байкал с его мрачными утесами — огромное как море озеро, за которым на тысячу километров раскинулась эта земля. По берегам ее самых больших рек — Селенге и Онону — монгольская ковыльная степь смело вступила в царство дремучей сибирской тайги, раздвинула ее, где могла широко, или врезалась узкими клиньями, уступив встречному натиску леса. Труднопроходимый таежный Становой хребет пересекает страну с юго-запада на северо-восток и делит ее на две почти равные части — западную и восточную; степь не смогла одолеть его и слиться в единую полосу, она так и осталась разорванной надвое. На западе ее щупальцы, остановленные хребтом Хамар Дабаном, едва не дотянулись по Селенге до Байкала и вверх по селенгинским притокам — Джиде, Хилку, Уде и другим — проникли на сотни километров вглубь тайги, а по Уде, встретив на пути отроги Станового хребта, распространились вширь, образовав знаменитые хоринские степи. На востоке, за Становым хребтом степь расстилается почти сплошным массивом по рекам Амурского бассейна — Онону, Ингоде, Шилке. Особенно роскошны и плодородны здесь т. н. агинские степи, всюду сочная степная растительность — настоящее раздолье для колхозных табунов и отар.

В наше время Забайкалье — Бурятская АССР и Читинская область — это один из основных скотоводческих районов Советского Союза; он славится своим высокоразвитым овцеводством и коневодством. Совершите поездку по берегам какой-нибудь Забайкальской реки, хотя бы Селенги или Онона. В живописных горных распадках всюду вы увидите какие-то каменные курганчики, курганы и оградки из гранитных и гнейсовых глыб. Одни из них едва приметны, другие видны за несколько километров. Все это могилы очень древних времен, и по всему Забайкалью их бесчисленное множество. Погребенные в них люди, далекие предки бурятского и, возможно, якутского народов, еще тысячелетия назад прославили забайкальские степи коневодством и овцеводством, еще в бронзовом веке... История этих минувших поколений была давно забыта, погребена вместе с ними в земле и только теперь благодаря археологическим раскопкам начинает понемногу выясняться. В 1948 году, еще будучи студентом, я побывал в Забайкалье вместе с экспедицией известного советского археолога Алексея Павловича

Окладникова и участвовал в его увлекательных поисках. После этого, в 1953 году мною была написана кандидатская диссертация о памятниках забайкальского бронзового века. Годы работы над этой темой прошли у меня в значительной мере в полевых исследованиях в экспедициях моего руководителя А. П. Окладникова. Где только мне не пришлось быть тогда вместе с ним: и на Селенге, и в Агинских степях Забайкалья — а какие там грандиозные плиточные могилы! — и в Кудинских степях Прибайкалья, где также имеются эти погребальные сооружения бронзового века, и на зеленых ангарских островах, где столько было увлекательной работы на многослойных, как говорят археологи, поселениях минувших веков — от каменного до железного.

Особенно памятно мне мое первое «боевое крещение» — первые, можно сказать, самостоятельные раскопки плиточных могил и некоторых других памятников осенью 1948 года на берегах Селенги. Этот особый отряд Бурятской археологической экспедиции НИИК БурАССР был возглавлен директором Кяхтинского музея Р. Ф. Тугутовым, в его работах приняли участие студенты-археологи Б. А. Черномордик и Е. А. Сазонова и мне в нем была предоставлена возможность производить раскопки плиточных могил. На двух лодках мы прошли тогда от станции Наушки на монголо-советской границе до Улан-Удэ и в результате в разных местах долины Селенги раскопали немало плиточных могил, осмотрели писаницы и некоторые другие памятники... Короче говоря, в те годы я имел достаточно возможностей для ознакомления с памятниками забайкальского бронзового века.

О том, что собою представляют памятники бронзового века Забайкалья, о том как постепенно еще с XVIII в. собирались сведения о них, вы прочтете в этой книге. Она впервые обобщает археологические данные о бронзовом веке Забайкалья.

Кроме того вы найдете в предлагаемой работе небольшой культурно-исторический очерк и некоторые предположительные соображения об этнической принадлежности племен Забайкалья в бронзовом веке, а также об их генетических связях с современным населением. Я надеюсь, что в дальнейшем с помощью языковых, антропологических и этнографических материалов можно будет значительно более определенно подойти к решению всех этих этногенетических вопросов на основе предлагаемого опыта. Только тогда, очевидно, более понятным станет происхождение современных народов Забайкалья: бурят и тунгусов, а также некоторых других народов соседних областей Дальнего Востока, Сибири, Казахстана и Центральной Азии и в частности, якутов.

Какими материалами пользовался автор?

Помимо довольно многочисленных публикаций, разбросанных большей частью по областным изданиям, мною критически использовано рукописное наследство Г. П. Сосновского, а также рукописи, оставшиеся от А. К. Кузнецова и В. В. Попова. Кроме того, привлечены и впервые публикуются довольно значительные коллекции бронзовых изделий, изученные мною в музеях Кяхты, Усть-Кяхты, Читы, Улан-Удэ и Иркутска, что стало возможным благодаря любезному содействию руководителей этих музеев и, прежде всего, ныне покойной А. Н. Орловой и Р. Ф. Тугутова.

В заключение пользуюсь случаем выразить свою благодарность моему руководителю в годы аспирантуры А. П. Окладникову, заразившему меня своим горячим интересом к памятникам забайкальской ста-

рины и оказавшему мне дружескую поддержку советами и замечаниями по существу работы.

Считаю долгом выразить также свою признательность М. П. Грязнову, Т. Д. Белановской, В. Ф. Гайдукевичу, Э. Р. Рыгдылону, Г. П. Сергееву и П. И. Борисковскому за замечания, высказанные ими при обсуждении данной работы в рукописи.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗАБАЙКАЛЬЯ

Первое описание одного из самых распространенных археологических памятников эпохи бронзы Забайкалья и Монголии — плиточных могил — оставил китайский путешественник XIII в. Чжан-дэ-Хой. В своих путевых записках он писал: «Проехал через гору Хулань-чн-Чинь, т. е. Красное ухо... Тут есть река Тами (Тамир), текущая на СВ. Потом я проехал станцию до Каменного Маяка; он стоит возле почтовой дороги; высота его не более пяти футов; в окружности сорок с лишком шагов; форма его четырехугольная; стоя одиноко на равнине, он чрезвычайно выдается; издали можно принять его за большой маяк, отчего и получил он такое название»¹. Этот факт сам по себе говорит о глубокой, более, чем семисотлетней древности четырехугольных каменных оград монгольских и забайкальских степей.

В дальнейшем плиточные могилы привлекли к себе внимание русских исследователей XVIII века в первую очередь, участников великих академических экспедиций того времени.

По замыслу Петра I эти экспедиции должны были всесторонне и скорее изучать Сибирь: ее природу, этнографию и историческое прошлое с тем, чтобы можно было успешно приступить к эксплуатации ее природных богатств. На эти экспедиции возлагалась также важная для правительства задача найти путь в Индию через проход между Азией и Америкой.

Для истории Сибирской археологии чрезвычайное значение имело то обстоятельство, что в задачу этих экспедиций входило также и собирание сведений о всевозможных редкостях, «раритетах» и «антиквитах», о памятниках старины.

Из дневника натуралиста Д. Г. Мессершмидта, посланного в 1723 году Петром I в Сибирь для всевозможных научных наблюдений, мы узнаем, что на пути от Аргунского завода к озеру Далай-Нору вблизи самого озера в степи им было замечено множество каменных плит, «подобно окаменевшей армии» торчавших из земли². Должно быть это были плиточные могилы.

Много могильников было отмечено Мессершмидтом и по берегам речки Туры, в Восточном Забайкалье. Об одном из них он пишет, что могил в нем было «множество», но с виду они казались уже ограбленными³.

¹ О. Палладий, стр. 584.

² Pallas, 1782, т. 3, стр. 135.

³ Pallas, цит. соч., стр. 145.

Специальное изучение этих могил было начато участниками Каматской экспедиции Гмелина и Миллера (в 1740-х годах); они обратили внимание и на другие памятники бронзового века в Забайкалье: древние рудники и писаницы. Ими проделана громадная работа по собиранию источников к истории Сибири. При этом они собирали не только письменные источники, но и всевозможные сведения об археологических древностях, которым придавали большое значение¹.

Часть первых научных раскопок этих «курганов», или плиточных могил принадлежит одному из участников этой экспедиции, студенту академии Горланову. В 1743 году у села Городище, в 50 верстах от Нерчинска, на левом берегу Шилки по поручению Миллера он раскопал до дна 15 могил, найдя в них несколько лошадиных костей и один обломок человеческого черепа. Почти полное отсутствие в могилах человеческих костей Миллер, хотя лично и не присутствовал при этих раскопках, объяснил трупосожжением, но всего вероятней, что уже тогда была выявлена столь характерная для плиточных могил картина ограбленности².

Миллер остался неудовлетворенным результатами раскопок Горланова. Понимая важность изучения этих памятников, как исторического источника, он при первом же удобном случае, на обратном пути из Забайкалья, вместе с Гмелиным раскопал две больших могилы в нескольких верстах от реки Уды вблизи Еравнинских озер. Но результаты и на сей раз оказались немногим лучше, чем у Горланова: им «достались одни голько кости».

Несмотря на это, Миллер и Гмелин сделали тщательное описание вскрытых ими могил, из которого видно, что они так же, как и Горланов, имели дело с уже разграбленными могилами. В одной из них, обставленной более высокими плитами, под массивной каменной глыбой были обнаружены остатки скелета взрослого мужчины. Он лежал «несколько вкось, на левом боку». Черепа не было. Ориентирован скелет был ногами к западу. В другой могиле человеческие кости оказались в таком же положении. Черепа и некоторых костей не доставало. Обе могилы были очень завалены камнями, причем в первой из них среди камней сверху попадались отдельные лошадиные кости. «Мы не щадили трудов,— пишет Гмелин,— и продолжали копать еще глубже под остальными костями до тех пор пока ясно можно было видеть, что земля лежала слоями и мы, следовательно, уверились в том, что она прежде там никогда не раскапывалась»³.

Раскопанные ими плиточные могилы Миллер и Гмелин без достаточных к тому оснований склонны были считать монгольскими, и, отмечая их бедность по сравнению с богатыми могилами на Волге, Тоболе, Иртыше и на Енисее, делали отсюда вывод о первоначальной бедности народа, их оставившего, т. е. монголов, которые, как они считали, разбогатели только по мере продвижения на Запад.

Миллер обратил внимание и на другие археологические памятники: древние рудники и писаницы Забайкалья.

Однако, надо сказать, что древние медные и серебряные рудники, часть из которых, вероятно, относится к бронзовому веку, была известна русским горнопромышленникам еще задолго до Миллера по той простой

¹ С. В. Бахрушин, стр. 39. А. П. Окладников. Неолит и Бронзовый век Прибайкалья, ч. I, МИА 18, 1950.

² В. Радлов, 1891, стр. 85, 86, 90, 123.

³ В. Радлов, 1894, стр. 86—87, 90; Г. Ф. Миллер, 1937 г., стр. 518—519.

причине, что последние устраивали свои шахты на местах древних, так называемых «чудских» разработок. Так, из книги управляющего уральскими горными заводами де Геннина, обобщающей сведения об уральских и сибирских заводах начала XVIII века, но опубликованной только через 200 лет после ее написания, мы узнаем, что в Забайкалье еще в 1704 году началась «добыча руд в старинных шахтах» и что богатые агинские медные руды были «от старинного народа довольно шурфованы»¹. При этом де Геннин приводит и доказательства древности рудников. О нерчинских серебряных рудниках он говорит, например, что горны для плавки серебра, сделанные из дикого камня, уже успели осесть в землю на полтора аршина, «или же на оных толико толсто земли возросло, из чего можно знать, что оное строение в давних годах было». Вместе с тем мы узнаем, что плавили тогда плохо, «не чисто», о чем свидетельствуют остатки богатого металлом шлака. Находимые в «чудских шахтах» окремненные по причине древности деревянные стойки и лестницы тоже свидетельствуют о глубокой древности этих шахт. На это важное обстоятельство, а также полное отсутствие в шахтах железных вещей позднее неоднократно обращали внимание историков многие горные инженеры².

Что же касается забайкальских писаниц, то Миллер лично видевший их на Лене и в других местах Сибири, в Забайкалье не успел их осмотреть, хотя и слышал от «заслуживающего доверия человека», что в Западном Забайкалье в гористых местностях рек Джиды и Темника «на обрывистых скалах часто видны изображения животных и иные фигуры, хорошо известные в других местах по «писанным камням»³.

В этнографических сравнениях он находит доказательства шаманского происхождения «писаниц» Сибири и высказывает мнение о том, что языческая религия некогда во всей Сибири была одна и та же.

Археологические изыскания участников Камчатской экспедиции были важным шагом вперед в деле изучения бронзового века Забайкалья. Ими впервые была высказана идея о бронзовом веке в Сибири.

Однако эти первые археологические исследования надолго были погребены в архивах Академии, где и пребывали в неизвестности до тех пор, пока через полтора века их не извлек оттуда Радлов, опубликовавший из них кое-какие выдержки. Между тем передовые мысли все же пробивали себе дорогу.

В конце XVIII века великий революционер и демократ Радищев, брошенный царским правительством в Сибирскую ссылку, прямо и определенно высказал идею о смене культурно-исторических этапов: каменного, бронзового и железного, на территории Сибири.

Мало того, Радищев первый доказал, что и в Забайкалье был бронзовый век, указав на древние рудники, найденные в горах «Аргунских», как на памятники бронзового века⁴. Эти взгляды Радищева увидели свет тоже только после его смерти в 1810 году. А еще через двадцать лет, в 1830 году, появилась книга Верхнеудинского исправника, образованнейшего сибиряка того времени М. Геденштрёма, в которой предположение о бронзовом веке в Забайкалье подкреплялось указанием на другие, до того еще не отмеченные в литературе забайкальские древно-

¹ Вильгельм де Геннин, 1935, стр. 604, см. также стр. 601—603.

² А. Озерский, стр. 35; Павлуцкий, цит. соч., стр. 477; Радлов т. V, стр. 392; А. Словцов, стр. 306—307 и др.

³ Радлов, 1894, стр. 87.

⁴ А. Н. Радищев, стр. 1547.

сти: «топоры и стрелы из красной меди; следовательно, существовавшие здесь еще до употребления железа»¹.

«Таким образом,— пишет по этому поводу А. П. Окладников, недавно восстановивший эти забытые факты,— то важнейшее для истории первобытной культуры открытие, которое до сих пор приписывалось Томсену, по крайней мере трижды было сделано до него в России: в первой половине XVIII века участниками камчатской экспедиции, в конце этого века Радищевым и, наконец, в начале 30-х годов XIX века— Геденштромом, и все три раза в далекой Сибири»².

Необходимо при этом подчеркнуть, что это открытие у Радищева, и особенно, у Геденштрёма непосредственно относилось к древностям Забайкалья. Существование в далеком прошлом у забайкальского населения культуры бронзового века становилось теперь вполне осязаемым фактом.

Заслуга Геденштрёма еще и в том, что он впервые обратил внимание на т. н. «коленные камни», правда, не называя их таким принятым сейчас названием и не зная еще, что они относятся к бронзовому веку.

Вот что он пишет в тех же «Отрывках о Сибири»: «один достопримечательный столп, памятник сего же народа, (т. е. древнего народа, оставившего могильные курганы и другие древности—Н. Д.), кажется, остался незамеченным и неописанным. Он стоит вблизи Гусиног озера, в нескольких верстах от селенгинского солеваренного завода.

Столп сей из цельного гранита, вышиной в две сажени; половина его в земле. Верх представляет выпуклой работы лице человеческое, по бокам два овальные, также выпукло высеченные украшения»³.

Впоследствии этот камень был перевезен в Троицкосавский музей⁴, где он сейчас находится. На его боковых гранях отчетливо видны стилизованные изображения оленей, которые, как видно, Геденштромом не были узнаны.

Однако после первых раскопок плиточных могил Горлановым прошло почти целое столетие, в течение которого их никто с научной целью не копал. В литературе того времени имеются лишь отдельные упоминания о том, что их видели то здесь, то там. Видел их, например, в большом количестве в 1770-х годах академик Паллас на реке Туре (правом притоке Ингоды), у деревни Гальдзы, на речке Кичик-Шибир (вблизи Читы) и в разных местах; по Селенге, Уде, Ингоде, Чикюю и Шилке⁵. Обнаружил их затем на Ононе, Ингоде, Аргуни и Шилке, Георги, отметивший находки в них остатков костей и перержавленных кусочков железа⁶. Пишет о них вскользь и Спасский в своем сибирском вестнике⁷, а также Паршин, заметивший их в двух местах возле Нерчинска⁸.

К 1883 году относится находка бронзового ножа в древней могиле доктором Фидлером. В 1858 году директор Дрезденской публичной библиотеки Клемм в письме к секретарю Русского Географического общества переслал рисунок этого ножа в Россию с указанием, что он

¹ Геденштром М., стр. 65.

² А. П. Окладников, 1950, стр. 22—26.

³ Геденштром, стр. 65.

⁴ Н. М. Ядринцев, 1892, стр. 28.

⁵ Pallas, 1773—1888, III, стр. 192—198.

⁶ Георги, 1799, стр. 31.

⁷ Спасский, стр. 114.

⁸ Паршин, стр. 126—127.

найден «в могиле, обложенной камнями, близ Нерчинска»¹. Впоследствии этот нож попал в Британский музей².

Наконец, имеются весьма неопределенные сведения о раскопках плиточных могил в Восточном Забайкалье, возле Кондуйского городка, художником Баженовым в 1840 годах. Он нашел в них «наконечники копий, оружие, бисер и металлические бляхи»³.

Со строго научной целью, впервые после Горланова раскопкой плиточных могил занялся лингвист и этнограф Кастрен, командированный Российской Академией наук в Сибирь для этнографических и лингвистических исследований, пытавшийся найти в археологических памятниках дополнительный источник для обоснования своих этногенетических гипотез.

В 1848 году в степи, возле Агинской управы, он вскрыл несколько плиточных могил из «курганов», как он их называл, с тройной плиточной оградой.

В одной из них под двумя горизонтальными каменными плитами лежал скелет без черепа, ориентированный ногами на Запад. В другой не было даже костей⁴.

Сравнивая раскопанные им могилы с могилами бурятских шаманов, окруженными тройной оградой, он высказал предположение, что плиточные могилы принадлежат бурятам «шаманского толку»⁵.

Вслед за Кастреном памятниками бронзового века в Финляндии заинтересовались Н. Аспелин, А. Гейкель, И. Гранэ и другие. Они стали привлекать сибирские древности для обоснования своих, националистических в конечном счете построений. Так, например, Эйхвальд утверждал, что т. н. чудские копи, могилы и надгробные памятники Сибири бронзового и раннего железного периодов принадлежат мифическому финскому племени чудь. Он считал, что усунь, жившие в древности на Востоке, якобы, до Байкала, тоже были чудинами-финнами.

Наконец, он говорил о финском или чудском происхождении гуннов, что уже прямо захватывало в орбиту «финнского мира» и Забайкалье⁶. Единственным основанием этих утверждений были главным образом легенды о Чуди, но, конечно, не о «Чуди-финнах», а о «чудичуждом—народе», легенды, не имеющие в Сибири никакого отношения к финнам.

Накопление фактических сведений о забайкальских памятниках бронзового века пошло быстрее тогда, когда за организацию этого дела взялись сами сибиряки.

В 1851 г. в Иркутске было учреждено Сибирское отделение Русского Географического Общества, уделявшее много внимания сибирской археологии, и с тех пор в разных местах Забайкалья было обнаружено довольно много ранее неизвестных памятников бронзового века, а раскопки могил стали производиться значительно чаще. Так, уже в 1885 г. СОРГО поручило своему члену, верхнеудинскому учителю и поэту Д. Давыдову осмотреть древности Верхнеудинского округа. Он побывал с этой целью на реке Иволге и в Хоринской степи, обнаружил там олен-

¹ Вестник РГО, 1858, стр. 79.

² A. Tallgren, 1917, стр. 23, рис. 26. См. прилож. п. 58 и табл. XIV, 1.

³ Баженов П., 1846, стр. 78.

⁴ Этнографическое путешествие Кастрена по З. Сибири, стр. 151. Из Финляндской Археологич. литературы, стр. 44—45.

⁵ Кастрен, 1860, стр. 459.

⁶ Эйхвальд, стр. 1—104.

ные камни¹ и раскопал несколько могил, одна из которых оказалась не разграбленной² (См. пункт 34). Свои раскопки Давыдов вел тщательно. Так, раскапывая могилы, он всегда углублялся ниже их древнего дна, для того, чтобы устранить, как он пишет, всякое сомнение в недоконченности работы³. Он даже выворачивал обычно стоящие возле могил т. н. «сторожевые камни» и «пытался работать под ними, в надежде открыть череп или что другое; но тут решительно ничего не падалось»⁴.

Примерно в то же время, когда Давыдов исследовал древности Западного Забайкалья, другой член СОРГО Юренский обнаруживает разные памятники и среди них плиточные могилы в Восточном Забайкалье, в долине реки Мангут, впадающей в Онон⁵.

Несколько позднее Г. Кельберг, тоже член СОРГО, неоднократно отмечает самые различные забайкальские памятники: «древние пашни, ирригационные каналы и могильные курганы», копи для извлечения металлов, медные вещи и др. древности⁶.

После Кельберга еще один член СОРГО, инженер Павлуцкий, предпринял очень интересную по своим результатам археологическую поездку по Нерчинскому Горному Округу. Им была отмечена большая древность горного «чудского» промысла по речкам Борзе, Газимуру, Унде, Алтаче и Калукче, доказательством которой по его мнению являются находимые в этих коях рудокопные инструменты, преимущественно сделанные из кварца, змеевика или литой меди, но не из железа⁷. О чуде он предпочитает не толковать совершенно справедливо, представляя это пустое, на его взгляд, занятие другим⁸.

В Урулунгуйской долине вблизи села Хутор Павлуцкий, а затем, через 20 лет и инженер Нестеров обследовали замечательную могилу «Кара-Баян», которую, по-видимому, следует отнести к типу больших плиточных могил (пункт 48).

После Павлуцкого в последней четверти XIX века раскопками плиточных могил в Забайкалье занимались Леонов (в 1875 г.⁹, см. пункт 12), Попов Н. (в 1876 г.¹⁰, см. пункт 43), Першин Д. (в 1886 г.¹¹, см. пункт 37), Залкинд А. (в 1890 г.¹²) и Стуков Г. (в 1894 г.¹³), причем Н. Попов высказал предположение о том, что обнаруженное им большое кладбище плиточных могил принадлежало различным родам монголов, кочевавших здесь в разное время.

В конце XIX века и в начале XX века в забайкальском краеведении наступил значительный подъем, связанный с деятельностью Ю. Д. Талько-Грынцевича, крупного русского антрополога, и политического ссыльного А. К. Кузнецова; они объединили всех забайкальских краеведов в организованных ими местных подотделах Сибирского отде-

¹ Д. Давыдов, стр. 90, 91, 97. А. П. Окладников. 1954-6. Описание этого камня впоследствии было сделано Гейкелем (см. Heikel H., табл. 65), 1892, табл. 65 и 66.

² Давыдов, стр. 92, 93, 94.

³ Там же, стр. 99.

⁴ Там же, стр. 99.

⁵ Зап. Сиб. Отд. РГО, 1856, кн. II, стр. 86.

⁶ Кельберг Г.

⁷ А. Павлуцкий, стр. 477.

⁸ Там же, стр. 476.

⁹ Заметка, стр. 124.

¹⁰ Н. Попов, стр. 111—114.

¹¹ Д. Н. Першин, стр. 171—173.

¹² А. Залкинд, стр. 66.

¹³ Г. Стуков, стр. 9—10.

ления Русского Географического Общества. Кроме того, ими в Забайкалье были созданы первые музеи и налажена музейная работа.

Эти два энтузиаста впервые поставили и пытались осуществить задачу систематического изучения памятников старины, достигнув в этом деле ощутимых успехов.

Ими был накоплен новый значительный материал и по эпохе бронзы. При этом областью деятельности Талько-Грынцевича было Юго-западное Забайкалье с центром в Кяхте, а Кузнецова—Восточное (Чита и Нерчинск).

С именем Талько-Грынцевича, видного ученого, работавшего с 1892 по 1908 г. окружным врачом в Кяхте¹, связано начало деятельности Троицкосавско-Кяхтинского Подотдела РГО, образованного в 1893—94 гг. по инициативе Д. Клеменца. В ведение этого научного общества сразу же перешел незадолго до того (в 1890 г.), созданный в Кяхте по инициативе политссыльных и преподавателей Городской Краеведческий музей, считавшийся тогда в глазах царской администрации учреждением неблагонадежным². С тех пор обществом и музеем уделялось немало внимания археологическому изучению края. И не только один Талько-Грынцевич, но и многие другие сотрудники музея и члены общества, особенно же, Михно, Мостиц, Моллесон и Кириллов, с большим подъемом принялись за собирание древностей. Так, например, Кириллов в 1890-х годах открывает наскальные изображения возле Бичуры и много «творильных ям», т. е. плиточных могил, недалеко от Мухор-Шибирь³. В то же время А. Мостиц, находит в окрестностях Усть-Кяхты бронзовые ножи и наконечники стрел, а также бронзовый котел «скифского» типа рядом с человеческим костяком⁴. Стали, к тому же, поступать в музей и пожертвования со стороны граждан: различные бронзовые вещи, находимые в разных местах Забайкалья. В результате в музее была собрана замечательная коллекция местной бронзы.

Сам Талько-Грынцевич каждое лето совершал археологические экскурсии по Юго-Зап. Забайкалью, систематически раскапывая самые различные древние могилы. В течение 16 лет он раскопал их около 500. В числе их оказалось и 57 плиточных могил, главным образом, в долине р. Селенги, недалеко от Кяхты (на Шаманском камне, Черном камне, на Субуктуевском мысу, в Дюрбенах, в Сухом Ключе⁵, а также на берегах Чикоя⁶, Хилка⁷ и Джиды⁸. Почти все они, кроме одной на Шаманском камне (№ 1), в которой, вместе с костяком было найдено бронзовое зеркальце, оказались разграбленными⁹.

Раскопки такого сравнительно большого количества могил дали довольно существенные находки. В своей классификации древних памятников Забайкалья, описывая плиточные могилы под «№ 3», он мог уже говорить о нахождении в них не только глиняных горшков, но бус и железных изделий¹⁰.

Однако о том, что эти могилы в значительной своей части принад-

¹ Впоследствии он жил в Кракове и занимался антропологией славян.

² Р. Ф. Тугутов, стр. 18, 19, С. У.

³ Н. В. Кириллов. Стр. 138—140.

⁴ А. Мостиц. 1894, стр. 7—8, см. его же, 1897, стр. 5—9.

⁵ Ю. Д. Талько-Грынцевич, 1898, стр. 85—42, 66—69.

⁶ Там же, т. I, в 3, стр. 46 и след.

⁷ Там же, т. III, в. 1, 1902, стр. 20 и след.

⁸ Там же, т. III, в. 2 и 3, 1900, стр. 9 и 10.

⁹ Ю. Д. Талько-Грынцевич, 1905, стр. 495.

¹⁰ Там же, 1928, стр. 9.

лежали к бронзовому и к самому раннему железному веку, он даже и не подозревал. Что касается эпохи бронзы в Забайкалье вообще, то в этом отношении он высказывался довольно робко.

По его предположению в Забайкалье была медная эпоха, «которая могла существовать после каменной или рядом с нею и была вытеснена пришедшей сюда из Китая еще в глубокой древности эпохой бронзы и железа. Нельзя также отрицать того,— писал он,— что эпоха бронзы и железа могла здесь существовать рядом с каменной и медной»¹.

Эти высказывания Талько-Грынцевича отражали модные тогда на Западе представления о южном происхождении Сибирской культуры, принесенной в Сибирь, якобы в готовом виде из Индии или Китая.

А. К. Кузнецов начал свою археологическую деятельность в Забайкалье на несколько лет раньше Талько-Грынцевича. В 1886 г. после каторжных работ на Каре, он был поселен в Нерчинске, где сразу же организовал городской музей — первый в Забайкалье. Уже там, в Нерчинске, он начал знакомиться с местными памятниками старины.

В 1889 году Кузнецов переехал в Читу, основал там в 1895 г. Забайкальский отдел РГО и музей и развернул археологические изыскания по всему Восточно-забайкальскому краю, привлекая к этому делу самых различных людей, заигрывая их своим интересом.

«Из его переписки,— пишет его биограф И. И. Михалкин,— можно увидеть, что десятки людей, начиная с бедняка-крестьянина, из глухой забайкальской деревушки, кончая чиновником, священником или ученым, принимают участие в его работах и часто работают по его заданию»².

Так, он сумел заинтересовать коллекционированием бронз даже купца Голдобина, деятельность которого имела немалое значение в накоплении данных о бронзовом веке. «Голдобин,— как узнаем мы от А. К. Кузнецова,— заинтересовался археологией и нашел оригинальный способ для сбора археологических коллекций. В один прекрасный день по всем кабакам было разослано распоряжение, что за старинные вещи — топоры, ножи, посуду, оружие и т. д. каменные, бронзовые, железные, серебряные и золотые — будут платить водкой от шкалика до штофа и больше, в зависимости от ценности вещи, определяемой на глаз кабатчиком. И вот, к нему потекли через кабаки самые разнообразные вещи, и в сравнительно короткое время у Голдобина образовалась целая кунсткамера»³. Собранная Голдобиним таким способом богатая коллекция забайкальской бронзы не имела никакой этикетировки. Вещи отмечались только по рекам: из долины Селенги, Чикоя, Хилка и т. д. В таком виде они попадали в Читинский музей, где и сейчас находятся.

Огромную роль в возбуждении интереса к забайкальской старине сыграла культурно-просветительная деятельность местной разночинной интеллигенции, политссыльных и в их числе А. К. Кузнецова.

Сам Кузнецов значительную часть своего времени деятельно экскурсировал, собирая для музея археологический и геологический материал. В 1905 году его деятельность была прервана новой ссылкой на каторжные работы в Акатуй и возобновилась только с 1913 года.

Кузнецов не успел при жизни опубликовать все свои богатые наблюдения по археологии края, в частности, по интересующим нас па-

¹ Ю. Д. Талько-Грынцевич, 1899, стр. 63.

² Михалкин И., 1929, стр. 58 и след.

³ Там же.

мятникам. Он опубликовал только две археологические статьи, одну в 1892 году¹, другую в 1925 г.²

Кроме того в нашем распоряжении имеются две рукописи, содержащие сведения о распространении плиточных могил («маяков») в Агинской степи и в Нерчинском и смежных округах. Обе хранятся в Читинском музее, а копии их имеются в Архиве ЛОИИМК АН СССР³. Из этих публикаций и рукописей явствует, что плиточные могилы были обследованы Кузнецовым более, чем в 100 пунктах по берегам рек Онона (ст. ст. Чиндантской до Монгольской границы), Или, Торги, Унды, Улятуя, Урлюнгую, в р-не Кондуя, Аргуни, Ингоды, Куэнги, а также в Агинской степи⁴ и возле озера Бальзино. Некоторые из них (возле Нерчинска и в окрестностях Кондуя) он подверг раскопкам. Кроме того, им были обнаружены новые писаницы (на р. Торге) и возле Кондуя⁵ и несколько оленных камней (на реке Ононе), возле Кыринского караула и в др. местах, причем изображенных на них оленей он называет «пи-галицами»⁶.

Его полевые исследования отличались исключительной для того времени тщательностью и тонкой наблюдательностью. Прежде, чем начать копать внутри могилы, он выкапывал с внешней ее стороны, по стенке, контрольную траншею глубиной 1,5 м., дающую продольный разрез могилы, а затем аккуратно, вершок за вершком, извлекал землю из могилы, отмечая мельчайшие детали. Благодаря такой методике, он установил, что могилы, как правило, не просто беспорядочно завалены камнями и плитами, а перекрыты одним или двумя настилами из горизонтальных плит. Наблюдение очень важное, т. к. дает точный признак для определения состояния могилы: ограблена она или нет. Очевидно, что если настил цел, то могила не ограблена, хотя бы в ней и недоставало многих костей, которые могли просто сгнить, тем более, если могила была вырыта в сырой земле. Две такие неразграбленные могилы с нетронутыми плиточными настилами попались Кузнецову. Обе около села Кондуй⁷. (См. пункты 46, 47, рис. II, 13).

Такие же горизонтальные настилы из одного ряда плит были обнаружены Кузнецовым и в могилах возле Нерчинска. К сожалению, точное описание этих могил утеряно, и мы не знаем, в каком состоянии были их плиточные перекрытия.

В Читинском музее сохранился бронзовый нож, найденный А. К. Кузнецовым в одной из этих нерчинских могил возле Усть-Куэнги вместе с 30 бронзовыми овальными обоймицами-бляшками на небольшом кожаном ремне. В этой могиле костяк был обнаружен в полуист-

¹ А. К. Кузнецов, 1892.

² А. К. Кузнецов, 1925.

³ Первая рукопись называется: «Маяки в Агинской степи». Списана с рукописи, взятой из дел А. К. Кузнецова через Ш. Ш. Тих. Архив ЛОИИМК АН СССР, фонд 42, № 44. Вторая рукопись называется: «Дополнение к статье «Чудские бугры. Сведения о курганах и маяках, встречающихся в Нерчинском и смежном округах (собранные в 1889 г.)»; Архив ЛОИИМК АН СССР, фонд 42, № 44.

⁴ Особенно много могил обнаружил А. К. Кузнецов по дороге из Аги в Чирон и между улусами Быркой и Хольбодзой. Замечены им цепочки могил и по берегам речек Бырки (в 2 пунктах), Уерама (в 1 пункте), Хольбоджи (в 2 пунктах), Шазогойтуя (в 1 пункте), Берен (в 2 пунктах), Шаратая (в 4 пунктах), Аги (в 22 пунктах), Барун-Учжичи (в 1 пункте), Усату-Хилы (в 4 пунктах) и Братского Могойты (в 6 пунктах). См. рукопись А. К. Кузнецова: «Маяки в Агинской степи».

⁵ А. К. Кузнецов, 1925, стр. 55.

⁶ Он же, 1925, стр. 12.

⁷ Он же, 1925, стр. 49—50.

левшем состоянии¹. Указание, имеющееся на этикетке при ноже о том, что нож «лежал у левой руки человеческого костяка», допускает предположение, что в этой могиле скелет лежал целым в анатомическом порядке и, возможно, не был потревожен грабителями.

О другой могиле, раскопанной А. К. Кузнецовым в районе Нерчинска, читаем у К. Д. Логиновского:

«Близ Буренинского караула имеются высокие курганы, огражденные плитами. В одном из них найден костяк, камень, костяные бусы в виде кружочков и отличный нефритовый браслет диаметром 16,3, шириной 2,4 см.»².

Трудно переоценить значение раскопок Кузнецова, как и вообще всей его деятельности в области изучения Забайкальской старины. Тем не менее Императорское Археологическое общество не давало ему специального разрешения на проведение раскопок, и до Революции он должен был преимущественно ограничиваться описанием внешнего вида памятников. Наиболее же значительные раскопки, а именно уже рассмотренные выше у с. Кондуй, были произведены им только при Советской власти.

Заканчивая обзор исследований в досоветский период, необходимо упомянуть еще о раскопках швейцара Про-Пеллера, в 1915 г. в окрестностях Нерчинска, возле Катарганы, где им были обнаружены могилы особого устройства «со двором» (пункт 40), которые он называет «могилами монгольских вождей»³.

Подводя итог исследования в досоветский период, надо отметить, что они носили характер, в основном только лишь собирания фактов и не ставили совершенно вопросов абсолютной датировки памятников и их исторического осмысления. Между тем и несмотря на это уже тогда многие исследователи пытались связать те или другие древние памятники, и в их числе памятники бронзового века, с тем или другим народом. Так, например, Миллер, а вслед за ним и Попов и Про-Пеллер считали, что плиточные могилы оставлены монголами; представители реакционного панфинизма (Аспелин, Гранэ, Гейкель, Кельберг) относили их к предкам финнов, к т. н. чуди, а Талько-Грынцевич видел в них памятники киргизов-тюрков. Все это были, однако, только догадки.

В заключение надо отметить, что все те исследования в области изучения археологии в Сибири и в частности Забайкалья, о которых говорилось выше, так или иначе находились в связи с историей Сибири и общественным движением в России. А. П. Окладников, рассматривая историю изучения памятников неолита и бронзы Прибайкалья, на конкретных фактах показал, что сибирская археология всегда была полем оживленной идейной борьбы, в конечном счете выражавшей классовую борьбу⁴.

То же самое, конечно, относится и к истории археологических исследований в соседнем Забайкалье. Так, уже вся деятельность академических экспедиций XVIII века была отмечена высокими прогрессивными идеями, например, о смене трех культурно-исторических этапов в первобытной истории, направленными против феодального клерика-

¹ Эти сведения почерпнуты из этикетки к упомянутому бронзовому ножу, хранящемуся в Читинском музее за № 326.

² К. Д. Логиновский, 1898. Упомянутый Логиновским «камень» хранится в Читинском музее за № 364.

³ Про-Пеллер, стр. 55—57.

⁴ А. П. Окладников, 1950, стр. 12—50.

лизма, и вся в целом была большим прогрессивным вкладом передовой русской науки того времени¹.

«Само собой понятно,— пишет А. П. Окладников,— что одних новых этнографических открытий для таких решительных заявлений было недостаточно, если бы авторы их не ощущали постоянной поддержки нового восходящего класса буржуазии, боровшейся в то время против устаревших феодальных порядков и феодальной идеологии»². Наиболее яркой в этом отношении была революционная направленность взглядов, связанных с Сибирской древней историей, и в частности, с археологией Забайкалья, у великого революционера и демократа XVIII века А. Н. Радищева, выдающегося общественного деятеля и мастера русской культуры. «Радищев выступает и здесь, как последовательный мыслитель-революционер, чуждый компромиссам, как активный носитель передовых взглядов. Он стоит и здесь гораздо выше официальных представителей академической науки своего времени, видит своим орлиным взором несравненно шире и дальше их. Даже и после трагического урока, полученного от самодержавия, он смело и решительно излагает на бумаге свои мнения об историческом прошлом человека, находившиеся в противоречии с библейской традицией и официальной церковной идеологией»³. Выше было показано, что именно А. П. Радищев наиболее прямо, смело и решительно высказал свою гениальную мысль о смене культурно-исторических этапов, что именно он придавал такое важное значение изучению истории народов Сибири, которые тогда, да и долгое еще время после А. Н. Радищева реакционеры считали народами «отсталыми» и неспособными иметь свою историю.

В этом отношении важно отметить, что круг сторонников революционных и прогрессивных идей в науке того времени в России был очень широк, особенно в Сибири, «получавшей из России постоянный прилив самого энергичного и часто самого развитого населения, т. е. политических ссыльных»⁴.

Мы видели, что круг этой разночинной интеллигенции, с горячим интересом изучавшей свой родной сибирский край, и в том числе Забайкалье, в XIX в. был очень обширен и значителен. Мы уже отмечали в этой связи плодотворную деятельность А. К. Кузнецова, Ю. Д. Талько-Гринцевича, Мостица, Моллесона и других представителей местной интеллигенции: преподавателей и врачей.

После Великой Октябрьской революции в развитии русской археологии и, в частности, в изучении памятников забайкальской бронзы, наступил новый качественно отличный этап. Впервые в Забайкалье были предприняты специальные археологические экспедиции Академии наук; они осуществили новые, гораздо более многочисленные, чем за все предшествовавшее время раскопки. В этих экспедициях приняли участие и все более крепнущие местные научные силы и научные учреждения, главным образом научно-исследовательский институт культуры Бурятской АССР⁵, Улан-Удэнский республиканский и Кяхтинский музеи.

«Развитие партийного и советского строительства, экономический и

¹ А. П. Окладников, 1950, стр. 14.

² Там же, 1950-а, стр. 14.

³ Там же стр. 26.

⁴ Н. Г. Чернышевский, полн. собр. соч., т. VIII, СПб, 1906, стр. 70; А. П. Окладников, 1950-а, стр. 27.

⁵ П. И. Хадалов и Г. Н. Румянцев, 1954, стр. 60.

культурный подъем, начавшийся после победы Советов в Сибири, осуществление ленинской национальной политики уже в те годы (1921—1923) обусловили небывалый рост интереса к истории молодой автономной республики», отмечено в «Истории Бурят-Монгольской АССР»¹, и в дальнейшем вплоть до настоящего времени все успехи советской археологии вообще, и в частности в Забайкалье, органически связаны с советским строительством, с огромной работой Советской власти и коммунистической партии Советского Союза.

При этом надо иметь в виду, что археологическое изучение Забайкалья в советское время как и вообще развитие советской археологии прошло через три этапа: 20-е годы — интенсивные раскопки археологических памятников и эволюционистские исторические построения; 30-е годы — продолжения накопления материала и переход к марксистской методологии и борьба с ошибками и извращениями социологизаторского порядка; послевоенные годы — развертывание конкретно-исторических исследований и постановка общих исторических проблем в марксистско-ленинском плане.

Что касается специальных достижений в этой области, то именно только в советский период впервые была поставлена задача классификации и исторического осмысления, на основе исторического материализма, всего накопившегося материала.

Надо иметь в виду, что изучение памятников бронзового века за Байкалом долго значительно отставало от изучения бронзы более западных районов Сибири. Западно и средне-сибирские памятники эпохи бронзы давно уже обратили внимание ученых. Уже и Воцель и Ворсо отметили их своеобразие и резкое отличие от европейских бронз². Через несколько лет Аспелин опубликовал богатый подъемный материал и высказал свою панфинистскую теорию о бронзовой культуре, проникшей с Алтая на Урал и имеющей свой центр возле Минусинска³. Весь последующий 40-летний период был ознаменован влиянием этой урало-алтайской теории Аспелина. Были, правда, горячие споры о происхождении урало-алтайской культуры, сталкивались противоположные мнения по этому и другим частным вопросам. Одни считали, например, что ее корни в Индии и в Китае, куда она пришла все-таки из Индии⁴; другие, что она впервые возникла в Передней Азии, затем через Венгрию проникла в Сибирь⁵, некоторые говорили о влиянии Китая на Сибирскую культуру⁶, другие оспаривали это.⁷ Но все были за ее единство и, кроме разве Монтелиуса,⁸ за ее продвижение с Енисея на Урал.

Следующему периоду положили начало Тальгрэн и особенно, Городцов⁹. Они ввели новый критически исследованный материал и расценили столь долго рассматриваемую лишь в целом урало-алтайскую культуру (и даже русско-сибирскую бронзовую культуру), как в пространственном отношении, так и во времени. Они показали локальное своеобразие и разнородность уральской и алтайской групп, причем

¹ История Бурят-Монгольской АССР, т. I, Улан-Удэ, 1951, стр. 14—23.

² J. G. Wocel, стр. 1—44.

³ Aspelin, 1874, стр. 1—25.

⁴ Worsaal J.

⁵ Muller S., стр. 323—355.

⁶ P. Reinecke, 141—163.

⁷ B. Zaufer.

⁸ Montellius, 1900. Этот автор „ввел“ обратное движение из России в Сибирь и Китай.

⁹ A. Tallgren, 1916, 1917.

Тальгреном были выделены три главных хронологических этапа Минусинской бронзы: ранний, до 1000 г. до н. э. с китайскими ножами — деньгами, средний и поздний, «скифский» (после 500 г. до н. э.). Мерхарт подверг дальнейшей критике теорию урало-алтайского единства и, производя дальнейшее расчленение сибирской бронзы, выделил еще одну ее локальную группу, представленную кельтами красноярского типа¹. Это было полезное дело, но вместе с тем, это было типичное для западной, буржуазной, археологии формально-вещеведческое исследование с сильным привкусом реакционной теории культурных кругов, теории, отрицающей эволюцию, прогрессивное и самобытное развитие культур. Недаром Мерхарт был представителем Венской культурно-исторической школы.

В этой связи надо отметить, что еще задолго до Мерхарта убежденные эволюционисты Витковский и М. П. Овчинников указывали на своеобразие прибайкальской бронзы, имея в виду бронзовые вещи из метляевского клада². Так что Мерхарту принадлежит, собственно, не сама идея о своеобразии, а ее обоснование в зарубежной литературе.

В первые годы после революции, когда в русской археологической науке продолжали господствовать идеи эволюционизма, в начале 1920-х годов, в Минусинских степях начал производить раскопки и С. А. Теплоухов, известный археолог Сибири, поставивший перед собою задачу хронологической классификации минусинских древностей.

Забайкальская же бронза к тому времени в основном не была вовлечена в научный оборот. Только Тальгрэн опубликовал немногие бронзовые ножи из Забайкалья и среди них замечательный нож, хранящийся в Британском музее, найденный в свое время Фидлером в плиточной могиле около Нерчинска³ (рис. IX). Однако никаких попыток исторического осмысления этих немногих опубликованных данных о бронзе Забайкалья Тальгреном сделано не было.

Использование забайкальской бронзы в качестве исторического источника по настоящему началось только в советский период. Так, например, в 1923 г. возникла гипотеза Петри о связи бронзовой культуры Сибири и, в частности, Забайкалья со скотоводством и следовательно со степными местностями. В тайге согласно этой гипотезе бронзолитейное производство не получило самостоятельного развития, оно было там, якобы, привнесенным из степей⁴. Такое предположение просуществовало недолго, т. к. было «основано» только лишь на отсутствии в то время находок бронзовых вещей в Прибайкальской и Забайкальской тайге, что контрастировало с обилием их в степях Забайкалья. Открытие А. П. Окладниковым погребений бронзового века в тайге⁵ показало несостоятельность гипотезы Петри⁶.

В результате исследований Г. П. Сосновского и Мерхарта (I) вскоре с бесспорностью было доказано наличие там — на Севере, в тайге — своеобразного очага бронзовой культуры. Тем самым гипотеза Петри об отсутствии в тайге самостоятельной культуры бронзы была окончательно подорвана.

¹ В. А. Городцов, 1914.

² Витковский, стр. 158; Овчинников, стр. 332.

³ Tallgren A., 1917, стр. 23, рис. 26.

⁴ Петри Б. Э., 1922.

⁵ А. П. Окладников, 1940.

⁶ Петри Б. Э., 1922, 1923, стр. 15; Г. П. Сосновский, 1923, стр. 18—19.

В то же время были собраны новые факты, подтверждавшие положение о наличии здесь и в степях своеобразного очага бронзолитейного производства¹.

Но для того, чтобы обосновать такое выделение забайкальской бронзы в особую группу необходимо было прежде всего подвергнуть тщательному анализу довольно значительный и совсем еще не опубликованный материал, скопившийся к тому времени в музеях Читы, Улан-Удэ, Кяхты и Иркутска.

Задача классификации обильного подъемного материала, хранящегося в этих музеях, впервые была поставлена Дебецом. В его сводной статье о состоянии изучения археологических памятников Забайкалья им было отмечено наличие среди забайкальских бронз наряду с типами, сходными с минусинскими также и несомненно своеобразных вещей; им было обращено внимание также и на сравнение забайкальских бронз с бронзами Китая. В той же статье он справедливо писал, что решительный ответ на вопрос о самобытности бронзы Забайкалья может дать только выяснение культурного комплекса, в котором встречались бы орудия, увязка их с соответствующей керамикой, погребениями, пока еще не открытыми и проч. «И здесь,— писал Дебец, как во многих других случаях остается ждать пока кто-либо из исследователей не наткнется на благоприятное для раскопок место»².

Случилось так, что на один из таких интереснейших памятников «наткнулся» инженер Артемьев. В 1925 году около ст. Оловянной им было разрыто без точного описания погребение, отмеченное на поверхности камнями, по-видимому, в ранней плиточной могиле. Вместе с женским скелетом он нашел там «золотое шейное украшение в виде дуги или полулуния» (длина 32 см., ширина до 1,8 см) и два височных кольца из медной проволоки в три оборота (диам. 3,2 см)³. Теплоухов, расклассифицировавший к тому времени минусинскую бронзу по четырем хронологическим стадиям, отнес эти находки Артемьева к карасукскому времени⁴.

Задача классификации забайкальских бронз, поставленная Дебецом, заинтересовала в то же время и М. П. Грязнова.

Подвергнув точному и всестороннему типологическому анализу замечательнейший бронзовый нож с изображением головы горного козла на рукояти, найденный в 1925 г. К. И. Пантелеевым на озере Котокель, тщательно сравнив его с минусинскими бронзовыми ножами, М. П. Грязнов установил его сходство в отдельных чертах с минусинскими изделиями среднего этапа бронзовой культуры, т. е. карасукского времени и вместе с тем его своеобразие в целом⁵.

Так был сделан первый значительный шаг в деле научной систематизации забайкальской бронзы. На примере одного только ножа было показано, что в то время, когда в Минусинском крае существовала карасукская культура, здесь в Забайкалье также была своя, оригинальная культура среднего бронзового века.

Открытие своеобразной культуры позднего бронзового века Забайкалья стало возможно только в результате специальных раскопок почти

¹ Б. Петри, 1926; Г. Дебец, 1926, стр. 21.

² Г. Дебец, стр. 103.

³ Б. И. Артемьев, стр. 39—45.

⁴ А. В. Попов, 1926, стр. 26.

⁵ Г. Дебец, 1926, стр. 20—21; М. П. Грязнов, 1929.

единственных комплексных памятников забайкальского бронзового века — плиточных могил.

Первые из них после революции были предприняты, правда, не в самом Забайкалье, а в соседних районах. Так, в 1920-х годах П. Хороших исследовал плиточные могилы на СЗ берегу озера Байкал, против острова Сльхон (у деревни Тырган) и разрыл там три могилы, которые не дали находок¹. Несколько могил было раскопано в Сев. Монголии на р. Толе. Одна из них, в устье р. Джиргаланта, оказалась хотя и бедной, без вещей, но неграбленной; лежавший в ней под горизонтальными плитами человеческий скелет был обнаружен целым. В другой из них. имеющий так называемую фигурную насыпь, была найдена бронзовая пуговица скифского типа². Эта пуговица в сопоставлении с такой же пуговицей и железным пропеллеровидным псалом (трейзелем), найденными еще Талько-Грынцевичем на Ихерике, позволила Боровке сделать первую попытку археологического обоснования датировки плиточных могил. Он датировал их, а также и оленные камни скифским временем³. Однако в остальном Боровка не смог прийти к правильным выводам. Используя эти новые данные, он включил теперь Центральную Азию вместе с Забайкальем в круг призрачной якобы этнически единой «скифо-сибирской» культуры.

Весьма интересные сведения о плиточных могилах Агинской степи собрал в 20-х годах В. В. Попов. Вблизи ж. д. станции Могойтуй и возле Аршана он обнаружил также несколько интересных оленных и сторожевых камней с различными знаками⁴.

Большие и удачные раскопки плиточных могил осуществил в 1928—29 гг. Г. П. Сосновский, возглавлявший специальную археологическую экспедицию Академии наук. Всего им было вскрыто 50 могил в разных пунктах долины Селенги: у с. Саянтуй, у горы Тапхар, в районе Селенгинской Думы, в Сосновой пади, а также в местности Суджи и на р. Чикое⁵.

Эти раскопки дали обильный вещественный материал. Было обнаружено несколько почти уцелевших от разграбления погребений (№№ 10, 99 и 103), в одном из них был найден бронзовый кельт и кинжал. Во многих других могилах также были найдены оставленные грабителями бронзовые и костяные вещи и черепки от глиняной посуды. Сосновскому посчастливилось найти одну даже совсем не сграбленную могилу (см. пункт 16, могила 93).

Раскопки, произведенные Сосновским, дали новый материал, позволивший ему уточнить и более убедительно обосновать датировку плиточных могил, впервые предложенную Боровкой. Решающее значение для датировки приобрели теперь две вещи из могилы № 10 у села Саянтуй; бронзовый кельт без ушков «красноярского типа» и кинжал без эфеса, с вырезами у основания рукоятки, северного, таежного типа, а также бронзовый нож тоже таежного типа. Сосновский отмечает, что

¹ П. П. Хороших, стр. 24; Н. И. Агапитов, стр. 81—86.

² Сев. Монголия, 1927, стр. 56—63.

³ Там же, стр. 78.

⁴ Рукопись В. В. Попова: „Отчет о деятельности Бурят-Монгольского научного общества с 1/X—26 по 1/XII —29 г.“ хранится в архиве ЛОИИМК АН СССР, ф. № 42, № 44.

⁵ Г. П. Сосновский, 1940, стр. 36 и след.; Г. П. Сосновский, 1941, см. также его в сб. „Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г.“, т. II, Л; Г. Н. Румянцев, 1949, стр. 241—243.

эти предметы принадлежат к особому локальному варианту поздней сибирской бронзы. Наличие карасукских архаизмов у этих предметов: вырезы лезвия кинжала, орнамент из треугольников на его рукоятке и на кельте, своеобразная форма ножа с изогнутой рукояткой, а также сравнительный анализ других вещей позволили Сосновскому датировать плиточные могилы VII—II вв¹. до н. э. Впоследствии он передатировал их VI—II вв. до н. э². Вместе с тем он выделил три типа могил: могилы без «насыпи», с «насыпью» и «фигурные». Могилы без «насыпи» он считал более древними, чем могилы с «насыпью» и «фигурные». Нигде будет доказана недостаточная обоснованность такой периодизации и датировки плиточных могил. Однако положительное значение работ Г. П. Сосновского, добывшего много новых материалов по бронзовому веку Забайкалья, бесспорно.

Используя данные своих раскопок в качестве исторического источника, руководствуясь марксистской методологией, Сосновский впервые, правда, в самых общих чертах, реконструирует картину жизни скотоводческих, как он доказал, племен, оставивших плиточные могилы: их хозяйство и общественный строй. Он далек от мысли, высказанной Боровкой, об этнической общности этих кочевников, которых он предположительно считал динлинами, и скифов, но подпадая под влияние господствовавшей в те годы в советской археологии стадияльной концепции Н. Я. Марра, декларативно заявляет о том, что древнее население на берегах Селенги прошло через «общие для Ц. Азии и В. Европы стадии исторического развития»³. В 30-х годах М. М. Герасимовым (в 1934 г.), Г. П. Сергеевым и Э. Р. Рыгдылоном (1936) в результате раскопок были добыты новые материалы из плиточных могил, до сих пор еще нигде не опубликованные. М. М. Герасимов открыл самый северный на Селенге могильник у деревни Татаурово; Г. П. Сергеев вскрыл 14 могил у деревни Сотниково на Селенге, обнаружил одно бедное, вероятно, неграбленное погребение и другое с парным захоронением мужчины и женщины. Э. Р. Рыгдылон раскопал несколько могил в Селенгинском аймаке (в Жиргалантуйском Сомоне), причем ему удалось найти еще одно такое же парное погребение. Кроме того, Сергеевым были замечены наскальные изображения, а Рыгдылоном обнаружено высеченное на угловой плите плиточной могилы изображение четырех животных, идущих по дороге, возможно, как полагает он, навьюченных⁴.

После работы М. П. Грязнова о котокельском кинжале, установившей наличие в Забайкалье своеобразной культуры среднего бронзового века, во многом сходной с карасукской на Енисее, и после статей Сосновского о плиточных могилах, выявивших за Байкалом скотоводческую культуру позднего бронзового века, для того края все еще оставался совсем неясным только начальный период бронзового века. Для этого времени не было известно никаких археологических памятников и нельзя было поэтому ответить на важнейший вопрос о том, как

¹ Сосновский, 1941, стр. 282. Он же, 1940, стр. 36—42.

² Там же, 1941, стр. 308.

³ Г. П. Сосновский, 1940, стр. 36. Кроме того Г. П. Сосновским были написаны еще две работы о бронзовом веке Забайкалья, до сих пор еще не опубликованные. Эти рукописи хранятся в Архиве ЛОИИМК АН СССР в Л-де. Одна из них в 20 стр. называется: „Забайкальский Карасук“ (ф. 42, № 50). Другая на 12 стр. „Плиточные могилы Восточного Забайкалья“ ф. 42, № 43.

⁴ Г. П. Сергеев, Селенгинская Археология. Эксп. 1935—36 гг. (стр. 3—48) хранится в Улан-Удэнском Респ. музее; Э. Р. Рыгдылон. Археол. разведки в БМАССР летом 1936 г. В архиве ИИМК, ф. 42, № 77.

произошла здесь скотоводческая культура, представшая перед археологами сразу во вполне зрелом виде.

Такое положение сохранялось вплоть до недавних исследований А. П. Окладникова.

Возглавляя в 1947—51 гг. вторую после Г. П. Сосновского специально археологическую экспедицию ИИМК АН СССР, он произвел раскопки того самого могильника на высоком Селенгинском мысу возле деревни Фофаново, где еще когда-то в 1927 году им были исследованы неолитические и энеолитические погребения¹, и где тогда же им был найден среди могил, на песках, замечательный бронзовый кинжал, украшенный исполненными в скифской манере оленьими головками².

И на этот раз на древнем кладбище в 1948—50 гг. им были раскопаны неолитические погребения, но вместе с тем и более позднее, сопровождаемые не только каменными и костяными изделиями, но и бронзовыми, или медными. Были обнаружены листовидные ножи глазковского времени, а также кинжал ранне-карасукского типа. Тем самым найдены следы наиболее ранней медно-бронзовой культуры Забайкалья³.

Почти в то же время А. П. Окладниковым была раскопана древняя стоянка километрах в 100 выше по Селенге на правом берегу мыса при впадении в Селенгу речки Нижней Березовки. Стоянка эта известна была и раньше, но как неолитическая. Однако теперь в верхнем ее слое были найдены, кроме каменных и костяных, также и бронзовые вещи (обломки ножей и полушаровидные бляшки с перекрестием). Вместе с ними были встречены кости домашних животных: лошади и быка. Тем более интересно и знаменательно, что в нижних слоях сохранились остатки типичного поселения рыболовов с костями рыб, грузилами, рыболовными крючками и т. п. вещами из камня и кости. Так был открыт еще один памятник бронзового века, довольно ярко свидетельствующий, о важнейшем хозяйственном переломе — о возникновении скотоводства в долине реки Селенги, — который произошел, очевидно, в период перехода от камня к металлу⁴.

Найденные в верхнем слое Нижнеберезовского поселения обломки глиняной посуды, повторяющей по форме и отделке поверхности древнекитайские сосуды — триподы «ли», свидетельствуют, что уже тогда, в период ранней бронзы, население Забайкалья имело далеко идущие культурные связи, достигающие даже до Китая.

Таким образом исследованиями А. П. Окладникова впервые была приоткрыта завеса, скрывавшая самое начало бронзового века в Забайкалье.

Много нового дали исследования последнего времени и в отношении развитого, позднего бронзового века. Некоторые из раскопанных А. П. Окладниковым плиточных могил (на Селенге, Уде, в Агинской степи и в Прибайкалье) дали новый материал, который еще не вполне опубликован. Кроме плиточных могил не малое внимание было обращено А. П. Окладниковым на исследование древних наскальных изображений в долине Селенги, на Джиде и в Агинской степи. Им впервые были выделены те из них, которые относятся к бронзовому веку.

Используя все эти данные в качестве исторического источника, А. П. Окладников еще в 1947—1950 гг. пришел к выводу о своеобразии

¹ А. П. Окладников, 1927, стр. 102—104.

² Хранится в Иркутском музее.

³ А. П. Окладников, 1951-в, стр. 36, 1951-б, стр. 445; 1955, стр. 142.

⁴ А. П. Окладников, 1951-б, стр. 445—446.

культуры забайкальских скотоводов и о ее связи с культурой земледельческого Китая. Этот вывод был направлен прямо против псевдо-марксистских стадийных схем, нивелировавших исторический процесс; он явился подлинным выражением конкретно исторического марксистского направления, возобладавшего в советских археологических исследованиях в послевоенные годы.

Такова, в общем, история изучения памятников бронзового века в Забайкалье.

Учитывая результаты этих исследований, мы можем поставить следующие основные задачи: а) свести памятники в одну общую картину, б) расклассифицировать их, в) сделать хотя и небольшие, но определенные исторические выводы.

КЛАССИФИКАЦИЯ И ДАТИРОВКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Плиточные могилы являются важнейшими достоверными комплексными памятниками бронзового и раннего железного века в Забайкалье, Монголии и, по-видимому, в Тибете.

Поэтому, с плиточных могил и следует начать рассмотрение и классификацию памятников забайкальского бронзового века. Остальные памятники: оленные камни, писаницы и случайные находки будут рассмотрены в указанной последовательности после плиточных могил.

I. Общая характеристика плиточных могил

Могилы этого типа обильно распространены в степях на обширной территории, включающей сплошным массивом, кроме Забайкалья, почти всю Монголию: от верховий реки Кобдо¹ до озера Далай-Нор², и от Байкала до Гобийской пустыни. Отдельные, очевидно, обособленные районы их распространения известны к югу от Гоби (в предгорьях Нань-Шаня³, в Суйюани к северу от Хуанхе⁴ и, вероятно, даже в Тибете⁵), а также в Прибайкальских степях⁶, отделенных от забайкальских степей Байкалом и полосой тайги.

На всей этой громадной территории обнаружены могилы, устроенные, судя по имеющимся данным, в основном, по единому принципу: неглубокие четырехугольные ямы обставлены изнутри, по сторонам, неотесанными каменными плитами, торчащими над поверхностью почвы в виде прямоугольных часто довольно высоких оградок. Далеко заметные на фоне однообразного степного ландшафта, они так и называются по местному: «маяки», «дворы», или же просто «куцоны», что значит — торчащие камни.

Забайкальские плиточные могилы являются наиболее изученными. Здесь их раскопано уже свыше 250, между тем как за пределами СССР едва два—три десятка.

В Забайкалье они встречены преимущественно по степным долинам двух изолированных речных систем: Селенги (с притоками Джидой, Чикоем, Хилком, Удой) — в Западном Забайкалье и истоков Амура (Шилки и Аргуни с такими притоками как Онон, Ингода, Нерча, Ага,

¹ Grano, 1912.

² Pallas, 1782, стр. 135.

³ Birger Bohlin, стр. 24 и след.

⁴ Maringer, стр. 32, 13—14.

⁵ И. Н. Перих., стр. 9—18.

⁶ П. П. Хороших, стр. 24; Н. И. Агапитов, стр. 81—86; А. П. Окладников, 1937, стр. 283.

Урулунгуй и др.) — в Восточном Забайкалье. Эти два района разделены Становым хребтом, но оба они на юге сливаются с беспредельными монгольскими степями и каждый из них является только частью этих монгольских степей.

Характерно, что почти все известные забайкальские плиточные могилы, за исключением Ихерикских и некоторых агинских, располагаются вблизи воды, недалеко от берега.

Обычно они встречаются в живописных распадках у скалистых выступов. Естественные обнажения гранитных или сланцевых пород обеспечивали близким строительным материалом для их сооружения.

В Западном Забайкалье, там, где распространены керексуры (каменные курганы более позднего времени), плиточные могилы часто располагаются совместно с ними, на одном и том же могильном поле. В отдельных случаях, как, например, в Капчеранке (пункт 22), квадратные или круглые ограды керексуров пересекают плиточные могилы. Подобное «наслоение» керексуров на плиточные могилы известно и в Монголии¹.

Во многих случаях, вблизи могил на скалах замечены писаницы, исполненные красной охрой (у деревни Сотниково, Б. Ботый, Кибалина, Шалутай и Абонин и в других местах).

В Восточном Забайкалье могилы обычно располагаются цепочками, рядами, вытянутыми с С на Ю. Типичным в этом отношении являются могильники Агинской степи, состоящие часто из нескольких десятков могил, расположенных параллельными рядами. В одном случае, у озера Бальзино, большое скопление могил (свыше 100) образует круги и четырехугольники (пункт 43).

В Западном Забайкалье цепочки встречаются изредка, большей частью могилы располагаются сообразно конфигурации местности, опоясывая склоны возвышенностей, или же просто беспорядочными скоплениями. Как в Восточном Забайкалье, так и в Западном, могильники, как правило, не большие: по 5—10, реже по 15—20 могил. Упомянутые выше большие могильники — исключение.

Могилы рассматриваемого типа несколько различаются между собой формой и устройством оградок, а также их размером и ориентировкой (см. табл. IV). У большинства могил оградки имеют форму вытянутого прямоугольника, но иногда встречаются и совсем квадратные: Дорбены № 1, Ара-Суджи № 2 и № 4, Капчеранка № 31, Сахюрта № 3, Ихерик № 7 и некоторые могилы Агинской степи (пункты 4, 20, 22, 28, 32, 44).

Ориентированы могилы своей продольной осью обычно в направлении с востока на запад. Из 93 могил, ориентировка которых известна, 53 могилы были ориентированы на В—З; 14 — на ВЮВ—ЗСЗ; 12 — на ЮВ—СЗ; 5 — на ВСВ—ЗЮЗ; 4 — на ЮЮВ—ССЗ и 5 — на С—Ю.

Наиболее крупные могилы имеют длину до 4—6 м и ширину до 3—5 м (№ 1 у Тохоя, № 7 на Ихерике, № 2 на Тамире, № 24 на Капчеранке и еще около 15 других из числа раскопанных). Возможно также, что самой большой плиточной могилой является «Кара-Баян», погребальное сооружение Урулунгуйской долины, имеющее ограду не менее 9 м длиной и 6 м шириной (см. пункт 48, рис. III, 2, 5). Особенно много больших могил замечено в Агинской степи. Остальные могилы, составляющие их основную массу, значительно меньше (3x2, 2,5x1,3; 2x1 м и

¹ „Северная Монголия“, стр. 69.

т. п.), а некоторые по своей длине даже не достигают величины среднего роста взрослого человека и, явно, предназначены для детей.

Некоторые могилы обставлены по сторонам двойными и даже тройными рядами плит (№ 61, у горы Тапхар и могилы, раскопанные Кастреюм, возле Агинской управы). У большинства могил крайние камни продольных стенок, особенно на головной стороне могилы, выше остальных камней ограды и выступают за обрамление поперечных сторон. Обычно эти угловые камни островерхие и порой очень значительных размеров, особенно в Восточном Забайкалье, где они достигают даже трехметровой высоты. На наружной стороне некоторых таких плит (на Санном Мысе, пункт 36 и в Агинской степи, пункт 44) обнаружены стилизованные изображения оленей. Для устойчивости высокие угловые плиты обычно укреплены контрфорсами. Остальные плиты могильных оград менее высокие, возвышаются, в среднем, на 10—15 см. над уровнем почвы, будучи врытыми в землю (см. на 30—90).

Во многих случаях возле могил, с восточной стороны, находятся т. н. «сторожевые камни», т. е. каменные столбы или плиты высотой часто свыше метра, врытые в землю в вертикальном положении. Иногда они имеют следы отесывания, и на некоторых из них, особенно в Восточном Забайкалье, высечены какие-то загадочные знаки в виде опоясывающих и дугообразных линий, в виде треугольников или кружков с точкой в середине (орхонский знак)¹ и другие. В отдельных случаях они имеют грубо выраженную антропоморфную форму (возле оз. Бальдзы, пункт 43).

Интересен в этом отношении большой некрополь недалеко от Аршана. На высоком камне одной из могил (высотой 1,63 м) с наружной стороны высечено изображение «лопаты с ручкой» (тамга). Длина «ручки» 56 см. размер самой «лопаты» 14x15 см². На сторожевом камне возле другой могилы (высотой 1,3 м) высечена тамга в виде повторяющегося пять раз знака III (высота черточек 5 см). На одной из плит этой могилы едва заметно изображение оленя с «птичьим клювом». Подобные стилизованные изображения оленей выбиты в некоторых случаях и на высоких могильных плитах. Одно из них высечено, например, на плите большой могилы (4,5x2 м), находящейся в 3 км к СВ от станции Могойтуй (в группе из 8 могил). Эта плита стоит в СВ углу могилы, с наружной стороны. Ее размеры: высота 2 м, шир. 2,26 м. Диаметр кружка, образующего голову оленя с глазом—5 см, длина верхней части клюва—26 см., нижней—24 см., длина спины—26 см, длина брюха—44 см. На наружной стороне рядом стоящей плиты также имеется высеченное изображение оленя, менее отчетливое³.

Большинство могил имеет ясно видимые даже снаружи признаки ограбленности: разрушенные ограды и грабительские выбросы, образующие нередко вокруг оградки довольно большие насыпи из земли и камней. У многих могил вертикальные плиты выдраны местным населением для строительных и различных хозяйственных нужд. Поэтому

¹ В. В. Попов. Бурят-Монгольское научное общество. Отч. о деятельности с 1/X—26 г. по 1/XII—26 г. Рукопись хранится в архиве ЛОИИМК АН СССР, фонд 42, арх. № 44.

² Там же.

³ В. В. Попов. Бурят-Монг. научное общество, стр. 52. Интересно отметить, что В. Попов называет эти изображения оленей изображениями птиц. Это обычная ошибка. «Пигалицами», как известно, и многие другие исследователи ошибочно считали оленей на «оленных камнях» Монголии.

нередко можно встретить могилы, едва отмеченные на поверхности невысокими камнями (рис. VII, 2—4). Но их общие прямоугольные очертания, а иногда и одна—две плиты, врытые вертикально и уцелевшие на краю могилы, выдают их принадлежность к типу плиточных могил.

Внутри все могилы обычно заполнены не только землей, но и камнями разных размеров вплоть до громадных плит, величиной до 1,5 м, лежащих почти всегда горизонтально и часто несколькими слоями. В некоторых случаях они попали внутрь могилы, очевидно, при ограблении, обвалившись с боков. Во всех остальных являются остатками плиточного настила, которым был перекрыт покойник (рис. II, 4).

Такие настилы полностью сохранились, по крайней мере, в четырех могилах: в могиле на горе Мухуйте (в долине Уды), раскопанной Давыдовым, в двух могилах, раскопанных А. К. Кузнецовым, в Чиндачах и Барун-Кондуе и, наконец, в могиле № 93 у села Саянтуй, исследованной Г. П. Сосновским (пункты 34, 46, 47 и 16). В могиле на горе Мухуйте под настилом был обнаружен целый человеческий скелет и при нем черепки от горшка; от погребения, бывшего под настилом, сохранился только череп и два обломка костей. Каменный настил могилы в Барун-Кондуе четко разделял могильную засыпку на два слоя: над настилом — чернозем с камнями, под настилом — глина с примесью гальки, в которой и был погребен покойник с поджатыми ногами (пункт 46, рис. II, 1, 3). В другой могиле, в Чиндачах под настилом были найдены только следы разрушившихся человеческих костей и отпечаток от железного перержавевшего предмета на куске глины (пункт 47). Обе последние могилы имели внутреннюю ограду из мелких плиток. Наконец, в могиле № 93 у села Саянтуй три горизонтальные плотно прилежавшие одна к другой плиты были укреплены каменными плитками — клиньями (вставленными острым концом вниз, * между плитами и стенками ограды). Под этим настилом сохранился полностью скелет ребенка. Все перечисленные четыре погребения, обнаруженные под каменными плитами, можно считать не тронутыми грабителями. Почти все остальные могилы ими потревожены.

Из 164 могил, только в 27 найдены человеческие черепные кости, в том числе целые черепа в 14 могилах. Нередко в ограбленных могилах уцелели только кости ног (в 16 случаях). В 47 могилах вообще не сохранилось человеческих костей. Только относительно 33 могил сохранившиеся человеческие кости позволяют судить о положении покойников (табл. I, II).

В большинстве могил были обнаружены одиночные захоронения: мужские, женские и детские; покойники в этих могилах лежали на спине, с вытянутыми ногами и руками, протянутыми вдоль бедер, или слегка согнутыми в локте, с кистями в области таза (рис. VIII, 1—7).

В Западном Забайкалье такое трупоположение устанавливается для 25 могил (при самой различной степени сохранности костяков).

В Восточном Забайкалье вытянутые на спине покойники очевидно не типичны для плиточных могил. В одном из немногих известных там погребений скелет находился в полусидячем скорченном положении (см. пункт 46).

Наконец еще тремя, очевидно, разновидностями одиночных погребений Западного Забайкалья являются: 1) скорченный скелет с руками, как бы натягивающими лук (в могиле № 3, Мондогор-Хапчагай, раскопки Рыгдылона), 2) кости ног, согнутые в вертикальном положении, из могилы № 45 у Верхне-Килгатуйского улуса (см. пункт 26) и 3) полу-

истлевший скелет, лежавший на левом боку с подогнутыми ногами в могиле № 1 у деревни Сотниково (пункт 18).

В последней могиле была найдена железная пуговица. Еще три могилы в Западном Забайкалье заслуживают особого внимания. В каждой из них наверху, над плиточным настилом лежало по одному скорченному (на правом боку) человеческому скелету. Ниже в них находилось по одному человеческому костяку, вытянутому на спине. (Саянтуй 91, пункт 16; Тологой 8, пункт 15, см. рис. VIII, 8). Тот факт, что все верхние и нижние скелеты лежали в одной определенной позе, очевидно, не случаен и позволяет с уверенностью предполагать, что здесь мы имеем дело не с впускными погребениями, а с совместными, тем более, что скорченное трупоположение на правом боку неизвестно в плиточных могилах ни для одного одиночного погребения. Находка бронзового дисковидного зеркальца с боковым ушком в могиле № 91 у села Саянтуй рядом с костями верхнего скорченного скелета, во-первых, датирует эти верхние погребения тем же временем, к которому относится большая часть других вытянутых погребений в плиточных могилах, во-вторых, допускает предположение, что по крайней мере часть верхних трупов была женского пола.

Кроме этих совместных погребений известно еще, пожалуй, три парных. Во всяком случае бесспорны два из них, разнополюе: № 12 у деревни Сотниково (пункт 18) и № 4 на горе Мондогор-Хапчагай. Оба с трупоположением на спине, причем в последнем был найден кусок железного шлака.

Остатки двух костяков в могиле № 8 у горы Тологой найдены в разбросанном состоянии и могут принадлежать и разновременным погребениям. В этой могиле сохранились в неповрежденном состоянии только согнутые в коленях кости ног одного покойника. Судя по ним, этот покойник был погребен в сильно скорченном виде на правом боку. Фаланги ноги от другого покойника, лежащие непосредственно возле бедра первого покойника, единственное свидетельство в пользу одновременности захоронения двух этих покойников. Тот факт, что значительная часть костей, и в том числе череп лошади находились значительно ниже согнутых ног первого покойника, делает более вероятным предположение о разновременности погребений. В таком случае упомянутые фаланги, очевидно, были брошены грабителем в могилу при ее засыпке после ограбления. Третье погребение, в могиле № 88 у Саянтуя можно считать парным тоже только весьма предположительно. Единственным основанием для такого предположения является очевидная несоразмерность величины могилы (4,7х3 м) с ее назначением служить только для погребения ребенка, кости ног которого в ней только и обнаружены. Можно предположить, что в такой большой могиле был погребен еще и взрослый, тем более, что детские кости находились там не в середине могилы, а с краю.

Во всех случаях покойники лежат вдоль оград плиточных могил, ориентированы головой на Восток с соответствующими указанными выше отклонениями. Предположение Попова Н., что в раскопанной им возле деревни Бальзино большой могиле костяк будто бы лежал поперек ограды головой на юг, глазами на север (к озеру)—неосновательно, так как человеческих костей в этой могиле вовсе не сохранилось, а попались ему там только обломок челюсти и шейный позвонок быка, обломок бараньей челюсти и несколько глиняных черепков (см. пункт 43).

Дно всех могил не глубокое (0,5—1,5 м) и, как правило, образова-

но материковой породой (только в одном случае было выставлено тонкими каменными плитами—Сотниково, 12). Посреди его, а иногда ближе к одной из продольных сторон во многих могилах обнаружены продолговатые овальные углубления (до 30 см), специально вырытые для покойников,—т. н. могильные ямы. В могиле № 10 у Саянтуя такое углубление было небольшим по площади и круглым (диаметром 70 см). Оно было заполнено золой и углями и скелет лежал в нем на спине только своей средней частью. Такая же зольная ямка имелась также в могиле № 91 у Саянтуя (пункт 16) с той только разницей, что там она находилась не под покойником, а несколько в стороне от него (возле бедра, очевидно, слева).

Кроме того, угольки и зола были встречены в 10 погребениях, в некоторых случаях они находились в области груди и живота покойницы (Саянтуй, № 16 и № 3, Ара-Суджи, № 1—пункт 20, Хара-Усу, № 3—пункт 30), в одном случае (в могиле № 12 Сотниково, пункт 18) в западной и восточной стороне могилы вместе со скоплениями черепков и с расколотыми костями животных. В могиле № 42 у Верхне-Килгантуйского улуса (пункт 26) они встречались по всему могильному заполнению, а в двух случаях (в могиле № 106, Енискей, пункт 12 и в могиле Дэре-Хара-Тологой) были обнаружены только в верхней его части. В пяти остальных случаях их точное местонахождение неизвестно (Капчеранка 24, Мухуйта А и Б, Паган-Кондуй и Кара-Баян, пункты 22, 34, 35, 48). Во всех случаях нигде вместе с углями и золой не встречались обожженные кости человека и животных.

Из 164 раскопанных могил 70 оказались ограбленными начисто и, кроме разрозненных человеческих костей и костей животных, не дали вещественных находок.

Предметы из бронзы уцелели в 22 могилах, из железа в четырех, из золота — в двух, из костей и рога — в 18, из камня — в 5. (См. таблицу III). Чаще всего встречены в могилах черепки от глиняных сосудов (обычно, в верхних слоях могильной засыпки), вместе с расколотыми костями животных они найдены в 81 могиле. Среди костей преобладают черепные кости лошади и овцы. Изредка встречаются и кости ног этих животных, а также кости быка, козы, оленя.

О различии погребального инвентаря мужских и женских могил можно сказать пока не много.

В определенно мужских погребениях изредка встречены осколки глиняной посуды (обломки большого сосуда в могиле № 1 у Шаманского камня, пункт 6), железные удила (Ихерик 10, пункт 32), костяные наконечники стрел (Сотниково 12, пункт 18), бронзовая пуговица (Убур-Билютай 99, пункт 9), бронзовая бляшка-зеркальце (Шаманский камень 1), очевидно, такая же бляшка, пастовые и сердоликовые бусы (Керексурин-Ури № 1, пункт 2), бирюзовые бусы, квадратная роговая пряжка и костяная застежка с выгнутой спинкой, халцедоновые пластинки, кусочек красной охры и осколки двустворчатой раковины речного моллюска (Сотниково 12).

В определенно женских погребениях, кроме черепков от посуды (Черный Камень 6,— большой сосуд, Тологой 19 и Ихерик 2, пункты 8, 15, 32) встречены также следующие вещи: костяной игольник с костяными иглами (Саянтуй 80, Тологой 19, пункты 15, 16), костяное шило, скорлупа яйца водоплавающей птицы (Сотниково 12, пункт 18), пастовые, костяные, яшмовые и бирюзовые бусы (Тологой 19, Саянтуй 90, Ихерик 4, Хара-Усу 2, пункты 15, 16, 32, 30).

В трех детских погребениях встречены «пастовые» бусы (Саянтуй 88, 93, пункт 16) и черепки (Наушки 2, пункт 1).

Относительно других вещей, к сожалению, нельзя сказать с полной определенностью были они найдены в мужских или в женских погребениях. Не всегда, как мы это увидим ниже, возможна и их хронологическая классификация.

2. Местные особенности плиточных могил

В завершение общей характеристики плиточных могил следует рассмотреть вопрос об их местных разновидностях.

К сожалению, почти ничего нельзя сказать о местных особенностях плиточных могил за пределами СССР — слишком мало они там изучены.

Несколько больше можно сказать о местных вариантах плиточных могил Забайкалья. Было бы естественно искать различие между могилами Западного и Восточного Забайкалья, этих двух степных районов, глубоко вдающихся в тайгу и отдаленных друг от друга таежным труднопроходимым Становым хребтом. Действительно, кое-какие различия здесь улавливаются. Прежде всего примечательно, что в Восточном Забайкалье пока не обнаружены т. н. «фигурные» могилы, отличающиеся наличием плоских каменных насыпей, обрамленных четырехугольной «фигурной» оградкой с вогнутыми сторонами (рис. IV, 2). Они встречены только в долине Селенги, в Западном Забайкалье, причем там они ориентированы не на В-З, как в Монголии, а на С-Ю головной частью на С. Всего в Западном Забайкалье раскопано 6 фигурных могил разных размеров (от 3,5 и до 9,5 в длину). В двух из них часть костей была обожжена.

Далее, в Восточном Забайкалье чаще, чем в Западном можно встретить высокие величественно вздымающиеся кверху погребальные сооружения с колоссальными, достигающими часто трехметровой высоты и заостряющимися кверху могильными камнями, стоящими по углам ограды. Только в Восточном Забайкалье встречены такие большие погребальные сооружения, как Кара-Баян и «могилы со двором» возле Катарганы (см. пункты 48 и 40). Ничего подобного в Западном Забайкалье пока неизвестно. Однако надо иметь в виду, что принадлежность этих памятников ко времени плиточных могил еще находится под вопросом. Исследователи кургана Кара-Баяна — Павлуцкий и Нестеров — оставили нам, к сожалению, довольно противоречивые описания. В могиле под четырьмя слоями гнейсовых плит (рис. II, 4) было обнаружено два человеческих скелета и положение одного из них не вполне ясно. Но другой лежал на спине головой на Восток, что характерно для плиточных могил; рядом с ним была бирюзовая бусина. Наличие вблизи могилы, очевидно к СВ от ее ограды (по Павлуцкому — к С, по Нестерову — СВ) двух каменных столбов (с крестообразными знаками) тоже характерно для плиточных могил — эти столбы могут рассматриваться, как «сторожевые камни» (рис. III, 3). Так что до новых раскопок остается какая-то доля вероятности, что могила Кара-Баян относится к типу больших плиточных могил бронзового или раннего железного века. Что касается т. н. могил «со двором» то это такие же «маяки», только со «двором», т. е. окружены еще одной низкой каменной оградой «со входом на восток». Во внутренних оградах под плитами были обнаружены скелеты «в сидячем положении с вытянутыми нога-

ми», а во «дворе» у изголовья вещи покойника: лук, стрелы и «погребение коня» со сбруей (сохранились только лошадиные зубы)¹.

Говоря о местных отличиях могил, надо иметь в виду также и то, что только в Западном Забайкалье встречены плиточные могилы с поперечными перегородками. Но они обнаружены там только в одном месте (на Джиде, пункт 29).

Наконец, как видно из приведенной выше общей характеристики могил, могилы Восточного Забайкалья отличаются отмеченными выше вариантами труположений. Этим исчерпываются в основном, известные сейчас черты отличия западных могил от восточных.

3. Периодизация и датировка плиточных могил

Крайняя скудость вещей из плиточных могил долго не позволяла сколько-нибудь правильно решить вопрос их датировки. Решающее значение имели данные антропометрии. «Не есть ли это киргизы, или одно из припыхлых тунгусских племен?» — спрашивал Ю. Д. Талько-Гринцевич, имея в виду подкороткоголовый череп из плиточной могилы².

Наводило на ложный путь некоторых исследователей также и то обстоятельство, что плиточные могилы почти всегда встречаются вместе с керексурами. Такое близкое соседство в пространстве внушало мысль о синхронности этих совершенно разновременных могил. Обычно и те и другие относились к VI—VIII вв. н. э., т. е. по времени тюрков (киргизов) в Забайкалье³.

Только Боровка, а затем Г. П. Сосновский, в основном, правильно подошли к решению вопроса датировки плиточных могил. На основе сравнительного анализа вещей они отнесли основную часть их к т. н. «скифскому» времени, к эпохе ранних кочевников, т. е. к VII—II вв. до н. э. Вместе с тем Г. П. Сосновский предложил и их периодизацию, на наш взгляд неприемлемую. Могилы без «насыпи» вокруг высокой оградки он считал более древними, чем могилы с насыпью вокруг низкой оградки. Первые он склонен был относить к бронзовому веку и датировал их VII—IV вв. до н. э., вторые с «насыпью», — к железному и датировал их III—II вв.⁴ до н. э. Впоследствии он несколько изменил их датировку, отнеся первые к VI—III, а вторые к III—II вв. до н. э.⁵. К последним он относил также и т. н. «фигурные» могилы.

Эта периодизация не может считаться достаточно обоснованной, во-первых, потому, что железные вещи встречены как раз, в основном, в могилах с высокими плитами и без «насыпей»: в могиле у Бальзино — пункт 43, в могиле на Чиндачи — пункт 47 и некоторых других. Во-вторых, потому, что т. н. «насыпь» вокруг могилы как установлено полевыми работами и непосредственным наблюдением А. П. Окладникова, является ничем иным, как грабительским выбросом и не может, следовательно, служить решающим признаком для выделения могил в особый тип. В этом можно убедиться, анализируя и каждую из 12 раскопанных Г. П. Сосновским могил т. н. 2-го типа (см. описание могил № 102, 104, 106, 107 у горы Енысей, пункт 10, в Убур-Билютай, пункт 9, № 60, 62, 68 на горе Тапхар, пункт 17 и № 20, 21, 27, 31 в Капчаранке,

¹ Про-Пеллер, 1915, стр. 55—57.

² Ю. Д. Талько-Гринцевич, 1928, стр. 9.

³ Г. Ф. Дебец, 1926-6, стр. 105.

⁴ Г. П. Сосновский, 1940, стр. 36—42.

⁵ Он же, 1941, стр. 308.

пункт 22). У всех этих могил, кроме разве могилы № 103 у горы Енысей, «насыпи», судя по сохранившимся рисункам и дневникам Г. П. Сосновского, представляют собой беспорядочные скопления камней, не равномерно наброшенных вокруг оградки, нередко очень незначительные. Во многих случаях эти грабительские выбросы окружают могилу не со всех сторон, а с двух или трех, подчеркивая тем самым их случайное, не связанное с ритуалом, происхождение (см. рис. VI).

К сказанному надо добавить, что далеко не всегда у плиточных могил т. н. I-го и II-го типа классификации Сосновского можно установить приписываемое им по Сосновскому соотношение между высотой плит и наличием насыпи — выброса вокруг оградки. По Сосновскому выходит, что более высокие угловые плиты, выступающие за края плиточного обрамления, характеризуют только I-й тип могил, т. н. маяки. Однако из рисунков, полевых дневников и опубликованных материалов самого Г. П. Сосновского видно, что такие более высокие угловые плиты (от 45 до 75 см.) были и у некоторых могил 2-го типа: у могилы № 102 (Убур-Билютай, пункт 9), 68 (Тапхар, пункт 17). С другой стороны, некоторые могилы I-го типа имеют выбросы — насыпи (Тапхар 66 и 67, Санятуй 13), и такие же низкие оградки без более высоких угловых плит (см. пункт 22, Капчеранка, могила № 14 и 15), причем у одной из этих могил (Саянтуй 15) плиты оградки были и того ниже — всего 20—30 см. (могилы 59, 73, 74, 70, пункт 26, Верхне-Килгантуйский друс, могилы 42, 43, 44, 45).

Таким образом, становится очевидным, что в Забайкалье с переходом от бронзового века к раннему железному основной тип погребального сооружения не изменился. Что же касается «фигурных» могил, отличающихся своими вогнутыми стенками и плоской насыпью, то следует признать, что бронзовая полусферическая пуговица с насечками по краю, единственная находка, сделанная в этих могилах, не дает еще достаточно веских оснований для отнесения всех «фигурных» могил к III—II вв. до н. э. Такие пуговицы встречаются и в более ранних памятниках, например, в скифских курганах V—IV вв. до н. э.¹, а в Западной Сибири в погребениях даже VII—VI вв. до н. э. (в Томском могильнике, на Большом Мысу)².

Ниже будет показано, что одна такая пуговица с насечками была обнаружена и в ранней плиточной могиле (Ара-Суджи I). С другой стороны подобные пуговицы попадаются и в более поздних по крайней мере на целое столетие Забайкальских могилах (например, в могиле № 27, в Ильмовой пади)³. За более позднее время некоторых фигурных могил как будто бы говорит их северно-южная ориентировка, характерная в Забайкалье со 2-го века до н. э. для могильных памятников, оставленных племенами хуннского союза. Однако в общем вопрос о точной датировке фигурных могил приходится оставить открытым. Бесспорно только то, что они не моложе т. н. «гуннских» памятников Забайкалья и, очевидно, в какой-то мере совпадают по времени с плиточными могилами. В качестве предположения можно считать фигурные могилы Монголии, у которых преобладает обычная для плиточных могил восточно-западная ориентировка⁴, пожалуй более ранними, чем забайкальские с северно-южной ориентировкой, где они, по-видимому, распространяются в гуннское время.

¹ А. А. Спицын, стр. 111—112.

² М. Н. Комарова, 1950, рис. 20 (19).

³ Ю. Д. Талько-Грынцевич, 1899, стр. 9 и табл. XIII.

⁴ Северная Монголия, стр. 62.

Выше было отмечено, что «скифскому» времени Г. П. Сосновский отнес, правда, основную, но все же только часть плиточных могил. Остальные плиточные могилы, а именно по крайней мере три толгойских (№ 8, 19, 89, пункт 15) и некоторые Саянтуйские (пункт 16, № 3, 5, 16, 87, 88) были отнесены им вместе с некоторыми другими толгойскими могилами в качестве особого «толгойского» типа погребальных памятников к меднокаменному периоду, к энеолиту¹. Анализ опубликованных и неопубликованных материалов этих могил не подтверждает вывода Г. П. Сосновского об энеолитическом возрасте этой группы могил.

Характеризуя все разнотипные и разновременные погребения толгойского могильника суммарно, Г. П. Сосновский наделяет их следующими признаками: 1) поверхностные могильные насыпи из камней, плоские и имеют круглую или овальную форму. 2) Погребальный инвентарь содержит энеолитическую керамику.³ 3) В могилах имеются зольники с рыбьей чешуей и с рыбьими костями. 4) Имеют вытянутые трупоположения на спине с ориентировкой головы на Восток (судя по одному, как считает Г. П. Сосновский, уцелевшему скелету в могиле № 19 на Толгое).

Перечисленные четыре признака, либо не находят подтверждения в фактическом материале, либо свидетельствуют о принадлежности могил т. н. «толгойского» типа к разряду обыкновенных плиточных могил позднего бронзового века.

Во-первых, не совсем верно, что все перечисленные выше могилы имеют овальные или круглые плоские насыпи. Сам Г. П. Сосновский отмечает, что могила № 8 (на Толгое, пункт 15) «по своему внешнему виду приближалась к плиточным могилам»². Из его собственного рисунка видно, что у этой могилы была довольно высокая прямоугольная ограда из вертикально врытых плит (рисунок VII, 1).

Остатки разрушенных оград из вертикально врытых плит сохранились и у могил 19 и 89. Насыпи остальных могил действительно плоские, округлые, часто неправильных очертаний.

Во-вторых, неверно, что в толгойских могилах имелись черепки только поздние-неолитических типов. В них были встречены и более поздние черепки бронзового и раннего железного века. Это видно даже из опубликованных Г. П. Сосновским фотографий толгойской керамики. Один из черепков, судя по фотоснимку, имеет гладкую поверхность и изгиб венчика, характерный в Забайкалье для посуды раннего железного века. На другом по краю венчика проходит выпуклый валик, а под ним круглая ямка, что типично для позднего бронзового века. Немало подобных черепков имеется и в коллекции керамики из раскопанных Г. П. Сосновским толгойских могил, хранящейся в Государственном Эрмитаже. Вместе с тем, можно считать с полной уверенностью, что наличие в толгойских могилах разбитой посуды энеолитических типов имеет случайный характер и объясняется тем, что толгойские могилы были вырыты на месте бывшей здесь в энеолите стоянки.

Доказательствами того, что на месте толгойских могил раньше была стоянка, являются следующие факты: 1) Отмечаемые Сосновским находки черепков, расколотых костей животных (могила № 7), а также зольников с рыбьими костями и чешуей (могила № 19, пункт 15) вне

¹ Г. П. Сосновский, 1933, стр. 213—215.

² Г. П. Сосновский, архив ЛОИИМК, ф. 42, № 9, л. 60.

могил, в стороне от их оградок или насыпей. 2) Совместные находки энеолитических и более поздних (бронзового и железного века) черепков внутри могил. 3) Приведенное выше мнение самого автора раскопок Г. П. Сосновского, предполагавшего здесь «ранее бывшую» стоянку.

Среди тологойских могил отчетливо выделяются две хронологические группы погребений:

1) Погребения с черепками железного века и с железными изделиями, отмеченные снаружи округлыми плоскими каменными кладками. 2) Погребения, содержащие комплекс вещей позднего бронзового века, отмеченные четырехугольными оградками из вертикально врытых плит (в большинстве случаев разрушенными).

В первую группу входят следующие три могилы: 1) Могила № 18 с частично вывороченными камнями, с разрозненными человеческими костями (на глубине 60 см), и поверх которых, а также над ними, всюду попадались расколотые кости животных, черепки (среди них один тонкий штрихованный)¹ и обломки железа (возле берцовых костей человека, лежавших на дне могильной ямы)². 2) Могила № 9, с обломками человеческого черепа и таза (на глубине 10—30 см), костями животных и многочисленными черепками, среди которых некоторые были от плоскодонных гладкостенных сосудов³ и от глиняного сосуда с поддоном⁴, встречающимися среди забайкальских древностей только начиная с развитой бронзы и раннего железа. 3) Могила № 7, с вывороченными камнями⁵, со скорченным на правом боку скелетом, головой на В, рядом с которым был железный меч и гладкостенный черепок с рубчатым валиком (рис. XIII, 21), характерный для раннего железного века (Колл. Гос. Эрмитажа, № 1347-11).

Г. П. Сосновский считает это погребение, обнаруженное на глубине 30 см. впускным⁶, что не находит подтверждения в его описании: никаких других человеческих костей под ним он не отмечает. К тому же, уже на глубине 50 см начался слой желтого материкового суглинка. Предположение же Г. П. Сосновского о том, что все погребения железного века, обнаруженные на Тологойском могильнике, являются впускными в более древние энеолитические, противоречит его собственному представлению о «тологойском» типе погребальных насыпей. По его мнению они плоские и, следовательно, мало приметные. А если так, то не было никакого смысла использовать такие древние и, конечно, чуждые забайкальским обитателям раннего железного века, к тому же невзрачные, едва отмеченные несколькими камнями могилы для второго захоронения. Впускные погребения, как известно, совершаются только в курганах и в других наиболее заметных, больших погребальных сооружениях, избавляя в таких случаях тех, кто их совершает, от большого труда создавать их заново.

Что же касается, конкретно, могилы № 7, то ее первоначальный

¹ Колл. Гос. Эрмитажа № 1347—50.

² Ф. 42, № 9, лист 53—54. В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся также под № 1347—44 и перламутровые бусы из мог. 18, но Г. П. Сосновский в указанном описании их не упоминает.

³ Колл. Гос. Эрмитажа, № 1347—22,30.

⁴ Колл. Гос. Эрмитажа (1344—21); Г. П. Сосновский, фонд № 42, № 9, лист 65.

⁵ Г. П. Сосновский так описывает внешний вид могилы: «Внешние признаки могилы установить не удалось, т. к. камни, покрывавшие ее сверху, были выворочены и увезены крестьянами. Приблизительный диаметр 5,1 м». См. фонд 42, № 9, лист 3^с

⁶ Там же.

вид до некоторой степени остается загадкой. Указание Г. П. Сосновского на то, что камни были выворочены, а также наличие в ней скорченного труположения, имеющего аналогии и в плиточных могилах, наконец, черепок с рубчатым валиком, найденный с покойником — все это как будто бы допускает возможность считать эту могилу плиточной раннего железного века.

Вторую группу тологойских могил уже вполне определенно можно отнести к типу плиточных могил. Сюда входят три могилы (№ 8, 19, 89), из подробного описания которых (см. пункт 15), видно, что они заключали инвентарь типичный для плиточных могил позднего бронзового века: бирюзовые, пироксилитовые и сердоликовые бусы (последняя боченкообразная, такой же формы, как и в плиточной могиле № 9 у села Саянтуй), костяной игольник, а также штрихованные черепки с наlepным орнаментом и с гребенчатыми отпечатками, характерные для поздней бронзы.

Кроме описанных выше двух групп тологойских могил есть и такие, которые не могут быть с уверенностью отнесены ни к той, ни к другой хронологической группе. Одна могила (№ 90)¹ вовсе не содержала никаких вещей, в другой же, отмеченной округлой каменной кладкой и заключавшей остатки костей ребенка, лежавшего на бересте головой на В, вместе с обломками костей барана и лошади была найдена керамика, только энеолитических типов (могила № 6)². В последнем случае мы имеем, очевидно, дело с черепками, попавшими в могилу из культурного слоя стоянки, сохранившимися в ней и после ограбления погребения. Важно, что своим устройством эта могила не отличается от более поздних (железного века), имеет такую же каменную кладку.

Таким образом, можно утверждать, что инвентарю этих могил присущи черты, характерные для плиточных могил позднего бронзового и раннего железного века, а также, возможно, и для более поздних погребений.

Несколько слов надо сказать о зольниках, являющихся четвертым признаком тологойских могил. Изучение материалов, хранящихся в составе фонда Сосновского в ЛОИИМКе АН СССР приводит к заключению, что их нельзя связывать с могилами. Упоминаемые Сосновским зольники, как правило, располагаются не в могилах, а несколько в стороне (см. пункт 15, мог. 19) и явно принадлежат культурному слою стоянки. Только один из них попадает как будто бы в пределы разрушенной плиточной ограды, он обнаружен на глубине 80 см и на значительном расстоянии от покойника в могиле № 19. Наличие среди погребений и даже в могиле зольников с рыбьими костями и чешуей вполне естественно, если учесть, что могилы располагаются на культурном слое поселения эпохи энеолита.

Наконец, что касается четвертого признака «тологойского типа» могил, а именно, вытянутого труположения головой на Восток, якобы сближающего его с энеолитическими погребениями, то оно отнюдь не характерно для забайкальского медно-каменного века. Известно, что в энеолите на так называемом глазковском этапе умершие помещались в могиле вдоль течения реки. В таком случае, для энеолитического мо-

¹ Г. П. Сосновский, фонд 42, № 9, лист 70.

² В могиле № 6 обломки венчиков имели наверху насечки, а снаружи были украшены косыми отпечатками стекла, расположенными горизонтальными рядами и ямками. (Государств. Эрмитаж, колл. № 1347—2, 3, 21). См. также Г. П. Сосновский, ф. 42, № 9, л. 60.

гильника на Тологое скорей можно было бы ожидать ориентировку покойников с С на Ю, по течению Селенги. Напротив, для плиточных могил восточно-западная ориентировка является типичнейшим признаком.

Допустив неправильное толкование тологойских могил, Сосновский распространил его и на некоторые Саянтуйские плиточные могилы (№ 15, 3, 16, 87, 88), отличающиеся разрушенными оградками, чем они напоминали ему «плоские каменные насыпи» тологойских погребений (см. рис. VII). Однако из подробного их описания видно, что и они отличались чертами, присущими плиточным могилам: вытянутым труположением головой на В, ВЮВ, ЮВ, наличием черепных костей лошади, пастовых бус и цилиндриков и одной серо-голубой каменной, очевидно, бирюзовой, которая в Забайкалье могла быть в употреблении только в развитом бронзовом веке (см. пункт 16, могилы на Падном Камне).

Г. П. Сосновский в основном правильно наметил некоторые вехи хронологического расчленения плиточных могил.

На основе анализа погребального инвентаря им были выделены в пределах VI—II вв. до н. э. одна, действительно, наиболее ранняя могила и несколько более поздних. Наиболее ранней могилой он совершенно справедливо считал погребение с бронзовым ножом в могиле № 61 у горы Тапхар. (К ранней дате он неправильно отнес также и могилы № 4, 10, 12, 13, 14, 15 у с. Саянтуй). Более поздними могилами, но не позднее III в. до н. э. по его мнению, были могилы № 91 у с. Саянтуй (с бронзовым зеркалом, имеющим боковую ручку) и № 63 у горы Тапхар (с обломком поддона от бронзового котла, а также другие могилы «I-го типа». Наконец, к числу самых поздних могил (III—II вв. до н. э.) он отнес, как известно, вообще все, могилы так наз. «II-го типа», среди которых могила № 8 на Ихерике действительно и бесспорно является более поздней, чем все предыдущие, так как содержит железные вещи.

Предложенное Г. П. Сосновским хронологическое разделение могил можно продолжить и дальше на основе новых и старых находок.

В настоящее время можно уверенно выделить, по крайней мере, две хронологические группы плиточных могил, бронзового века, и ориентировочно наметить третью, еще немногочисленную — раннего железного века.

К наиболее древним следует отнести могилу, раскопанную Фидлером возле Нерчинска (пункт 41). Бронзовый нож, обнаруженный в этой могиле, обладает признаком, типичным для ножей карасукской культуры: рукоять его украшена скульптурным изображением головы барана (рис. IX, 1).

Кроме этой могилы в Восточном Забайкалье была раскопана еще одна могила вероятно карасукского времени, об устройстве которой не сохранилось сведений (Оловянная, пункт 45). Вместе с женским скелетом здесь были найдены два медных спиральных кольца из проволоки, имеющие аналогии в карасукской культуре, и золотое шейное украшение в виде плоского полукольца.

Эти две могилы скорее всего, относятся к самому концу карасукского времени (к 8 в. до н. э.) и должны рассматриваться вместе с теми наиболее ранними могилами, которые уже вполне определенно выделяются в особую хронологическую группу.

Для выделения этой группы плиточных могил, относящейся к концу карасукского и началу послекарасукского времени, решающими признаками, в основном, являются два: 1) переходный облик бронзовых изделий, отличающихся некоторыми чертами средней (карасукской) бронзы

и некоторыми чертами поздней бронзы, 2) архаичность роговых трехдырчатых псалиев, характерных для более древних типов узды, известных в степях Европы и Азии только в 1-й половине I тысячелетия до н. э.

В эту первую группу входят по крайней мере 4 плиточных могилы: № 61 и 69 у горы Тапхар (пункт 17), Усть-Куэнгская могила (пункт 39), могила № 1 в Ара-Суджи (пункт 20). Все они, кроме трех последних, раскопаны давно и должны были быть известны Г. П. Сосновскому.

Нож, довольно близкий по типу к карасукским, был найден в плиточной могиле (маяке), к сожалению, не имеющей описания (Усть-Куэнга, пункт 39). Он пластинчатый, вогнутообушковый, с овальным поперечным отверстием на конце рукоятки (рис. IX, 2). Он не имеет никакого выступа между рукоятью и клинком и, кроме изогнутости обушка, характерной для карасукских ножей, всеми остальными чертами сходен с тагарскими пластинчатыми ножами. Очевидно, он относится к началу после-карасукского или к самому концу карасукского времени (к 8—6 вв. до н. э.). За последний вариант датировки свидетельствуют найденные в той же могиле скобообразные бронзовые обоймочки, в изобилии встречающиеся в карасукских погребениях Алтая и Минусинского края¹.

На то же указывают две медные полусферические бляшки, соединенные между собой перемычкой, найденные еще Ю. Д. Талько-Грынцевичем в плиточной могиле № 1 в Ара-Суджи в Западном Забайкалье². Такие спаренные бляшки являются характернейшими украшениями на Енисее и Алтае в среднем бронзовом веке, в карасукскую эпоху³.

В той же могиле на Ара-Суджи была обнаружена медная пуговица (диаметром 23 мм) с нарезками по краю, аналогичная пуговицам встреченным во многих других плиточных могилах. Эта пуговица относится к типам более характерным для поздней бронзы чем для средней и в сочетании с упомянутой спаренной бляшкой не позволяет относить могилу № 1 на Ара-Суджи к началу, или даже середине карасукского времени.

Таким образом, две плиточных могилы (Усть-Куэнга, Ара-Суджи) следует отнести либо к самому концу карасукского, либо к началу послекарасукского времени (к первой стадии тагарской культуры по С. Киселеву). Последнее более вероятно.

Остальные две могилы из числа могил, относящихся к первой хронологической группе, (Тапхар, 61 и 69), могут быть датированы началом послекарасукского времени, т. е. началом поздней бронзы (7—6 вв. до н. э.)

В могиле № 6 у горы Тапхар, рядом с вытянутым на спине скелетом лежал бронзовый вогнутообушковый нож. Его изогнутость и орнамент из поперечных линий на рукоятке явно карасукские. Но самый конец рукоятки украшен почти так же, как это обычно для ножей тагарской эпохи. В валикообразном утолщении конца рукоятки угадывается примитивно исполненное скульптурное изображение фигурки животного (рис. IX, 6). Ножи подобного типа характерны в Минусинском крае для самого раннего этапа тагарской культуры и датируются там VII—VI вв. до н. э. Ножи, близкие по форме, но с другим орнаментом на рукоятке

¹ С. В. Киселев, 1951, стр. 130—131.

² Ю. Д. Талько-Грынцевич, 1900, стр. 56, табл. IV, рис. 10.

³ С. В. Киселев, 1951, стр. 131, 152, табл. XII, 44, 43; С. А. Теплоухов, 1927, стр. 96, табл. XI, рис. 32, 34.

известны и в Ордосе, где датируются второй четвертью первого тысячелетия до н. э., т. е. примерно этим же временем¹.

В этой же могиле найдено костяное кинжаловидное орудие, (рис. X, 19), находящее себе аналогии в энеолитических погребениях Ангарты и Селенги (Фофаново), а также три костяных наконечника стрел, два из которых плоские с жальцами, сходны с костяным наконечником стрелы Большереченской культуры VII—V вв. до н. э.² (рис. X, 9, 10) третий же трехгранный, но тоже с едва заметными жальцами и со стесанным основанием для насада, отдаленные аналогии которому имеются в ранних могильниках (VIII—IV вв. до н. э.) Ананьинской культуры³.

Роговые трехдырчатые трензеля (псалии), которые служат вторым основным признаком для выделения могил первой хронологической группы, были обнаружены в могиле № 69 (Тапхар, пункт 17) и № 15 (Сотниково, пункт 18).

У каждого из этих трензелей среднее отверстие расположено поперек крайних. До тех пор известны были только такие трехдырчатые трензели, отверстия которых находятся в одной плоскости. Именно это необычное расположение отверстий, а также сравнительно небольшая толщина трензеля, найденного Г. П. Сосновским среди разбросанных костей в могиле № 69 (у горы Тапхар), были, очевидно, причиной того, что Г. П. Сосновский не решился назвать найденное им изделие трензелем, оставляя вопрос о его назначении открытым. Однако вторичная находка Г. П. Сергеевым подобного дугообразного предмета в могиле № 15 (Сотниково), несколько более длинного и тонкого (длиной около 10 см., хотя один конец обломан и толщиной 1,8 см), с тремя отверстиями, расположенными точно также, устраняет одну из указанных выше причин для сомнения в назначении подобных предметов. Очевидно, что большая толщина и грубость выделок этих изделий не противоречат употреблению их в качестве трензеля.

Вторая причина сомнения устраняется сопоставлением этих трехдырчатых загадочных предметов с двумя роговыми предметами, найденными Ю. Д. Талько-Грынцевичем в Дэрестуйском Култуке⁴. Они сделаны также грубо и представляют собой такие же толстые дугообразные стержни, длиной 13,6 см, тоже казалось бы, не имеющие ничего общего с изящными образцами роговых трензелей, известными в других культурах Сибири. Только Грынцевич так и называет их предметами неизвестного назначения.

Между тем, казалось бы, непонятная эволюция этих роговых изделий от трехдырчатых в плиточных могилах двухдырчатым в более поздних «гуннского» времени становится совершенно закономерной и исключающей всякую другую, если считать, что они были именно трензелями, сначала трехдырчатыми, а затем двухдырчатыми. Именно такую эволюцию от трехдырчатых к двухдырчатым претерпели псалии в степях Европы и Азии в первом тысячелетии до нашей эры, и Забайкалье, как видно, не было в этом отношении исключением.

¹ Lochr, табл. III, 19, табл. VII, 47.

² М. П. Грязнов, 1950-в, табл. II, 5. Плоский черешковый наконечник стрелы, но с более острыми жальцами и с суживающимся книзу черешком, найден и на Алексеевском поселении. См. Гракова О. А., рис. 49 (5).

³ А. В. Збруева, 1952, табл. XIX, рис. 1 и 23 (в Лугавском и Зуевском могильниках).

⁴ Ю. Д. Талько-Грынцевич, 1902-в, стр. 26, 27, могилы № 9 и 10.

Что же касается необычного расположения среднего отверстия у трехдырчатых трензелей (поперек крайних), то должно быть оно имело даже свои преимущества и, конечно, не может служить аргументом против именного такого их понимания. Его следует считать лишь еще одним проявлением самобытности древней забайкальской культуры.

Перечисленные четыре могилы с полной уверенностью можно датировать примерно, VII—VI вв. до н. э., а может быть и VIII—VI вв. до н. э., нижнюю границу датировки дают две ранние могилы, возможно, относящиеся еще к самому концу карасукского времени, а верхнюю могилы с трехдырчатыми трензелями, которые обычно встречаются лишь в памятниках первой половины первого тысячелетия до н. э. (не позднее VI-го века до н. э.)¹.

Есть основания считать, что эта первая группа плиточных могил принадлежит к особому культурно-историческому этапу эпохи поздней бронзы. Поэтому, для удобства его можно назвать тапхарским по названию могильника с наиболее достоверными и характерными для этого времени могилами.

Судя по более сохранившимся погребениям, для тапхарского этапа характерны индивидуальные погребения с вытянутыми труположениями на спине и реже встречающиеся двухярусные со скорченным верхним покойником (Сотниково, 15). В могилах попадаются угольки, а также кости лошадей (зубы и другие) и овцы, из вещей в них найдены костяные наконечники стрел, трензели, костяное ложило, остатки одежды и укрышения (пуговицы, бусы, бляшки), найдены в них и остатки глиняной посуды определенных типов: сосуды на поддоне с т. н. ложно-текстильной (штрихованной) поверхностью и с наlepными витыми валиками (Сотниково, 15, рис. XVII, 16) и плоскодонные сосуды среднего размера с отогнутым венчиком и с такой же штрихованной поверхностью, украшенные наlepными волнистыми валиками (Тапхар, 69, рис. XII, II).

По-видимому, к тапхарскому этапу можно отнести также еще несколько следующих плиточных могил:

1) № 1 у Шаманского камня (пункт 6) с погребением мужчины, при котором был обнаружен большой штрихованный сосуд на поддоне (рис. XII, 7) и бронзовое зеркальце с петелькой на обратной стороне;

2) могилу, раскопанную А. К. Кузнецовым близ Буренинского Караула (пункт 38) с большим каменным скреблом (рис. XI, 1) и с нефритовым кольцом (см. приложение 3);

3) № 62 у горы Тапхар (пункт 17) с раковинными и сердоликовой бусами, костяным игольником и штрихованным черепком;

4) № 19 у горы Тологой (пункт 15) с раковинными, сердоликовой и пироксилитовыми бусами и костяным игольником;

5) № 8 в Наушках (пункт 1) с костяным наконечником стрелы с расщепленным насадом, с пуговицей с перекрестием, с костяным игольником, роговой накладкой на лук, с раковиной — каури и пастовыми бусами;

6) погребение женщины в большой могиле № 6 на Черном камне (пункт 8), вместе с костями которой найдены были черепки от крупного глиняного сосуда со штрихованной поверхностью и с архаичной ornamentацией в виде мелких прямоугольных оттисков гребенчатого штампа (рис. XIII, 20). Во всех определенных случаях труположение в этих могилах было вытянутое на спине.

¹ М. П. Грязнов, 1937.

Для выделения второй группы плиточных могил, относящихся к последнему этапу поздней забайкальской бронзы,— назовем его Саянтуйским,— решающее значение имеют бронзовые изделия поздних типов (кельт, кинжал, зеркало и др.), найденные в плиточных могилах.

Бронзовый кинжал без перекрестия (рис. IX, 7) и бронзовый клиновидный кельт без ушков (рис. IX, 51, оба из могилы № 10, Саянтуй, пункт 16) имеют лишь мнимокарасукские черты (вырезы лезвия кинжала и орнамент из треугольников на кельте). Подобные типы кинжалов и кельтов, как это совершенно правильно отметил еще Г. П. Сосновский, встречаются главным образом в таежной полосе Восточной Сибири, на степных ее участках, в эпоху поздней бронзы и датируются там V—III вв. до н. э. В том же погребении обнаружены костяной трехгранный наконечник стрелы (рис. X, 1) и бронзовая решетчатая трубка (рис. IX, 8); обе эти вещи не противоречат такой дате.

Тем же временем датируется и бронзовое зеркало с боковой ручкой (Саянтуй 91, рис. IX, 12), аналогичное зеркалам из земляных курганов в Туве (V—III вв. до н. э.)¹ и некоторым образцам этого типа во второй стадии тагарской культуры Минусинского и Красноярского края², а также зеркалам из курганов этого времени на Алтае³.

Весьма возможно, что к саянтуйскому этапу относятся также и следующие могилы:

1) Могила № 13 у Саянтуя (пункт 16) и могила № 43, возле Верхне-Килгантуйского улуса (пункт 26) с гладкостенными черепками с рубчатыми валиками;

2) Могила № 68 (на горе Тапхар, пункт 17) с загадочным П-образным бронзовым предметом, аналогии которому имеются на оленных камнях, относимых к этому этапу, о чем речь будет ниже.

Погребальный обряд этих более поздних могил мало чем отличается от погребального обряда предыдущего этапа. В это время также наряду с одиночными вытянутыми на спине покойниками отмечаются двухрусные захоронения, у которых верхнее имеет скорченное труположение, а нижнее вытянутое (Саянтуй, 91).

Новым является только то, что вместо ножей здесь встречен кинжал и, очевидно, боевой топор. Наконец, в отличие от более ранних могил здесь обнаружены уже не отдельные угольки, а большие очажные ямы под скелетом (могила № 10, Саянтуй) и рядом с нижним вытянутым покойником в двухрусном погребении (Саянтуй, 91).

Вполне возможно, что эти «новые» черты — это лишь результат неполноценности наших знаний о могилах, результат ограбления могил и со временем и в более ранних могилах будут обнаружены и очажные ямы и боевое оружие.

К третьей группе плиточных могил относятся могилы, в которых сохранились железные вещи. Другого признака для выделения могил раннего железного века пока нет. В эту группу пока входят следующие могилы: 1) могила № 8 на Ихерике (пункт 32) с железными удилами (рис. XI, 6) и трензелем (рис. XI, 7); 2) могила в Чиндачах (пункт 47, с отпечатком железной пряжки на куске глины); 3) могила в Бальдзы (пункт 43) с железными перержавевшими предметами и золотой спиралью.

¹ Раскопки экспедиции АН СССР, 1929 г., у с. Туран см. ссылку у Г. П. Сосновского, 1941, стр. 306.

² Г. П. Сосновский, 1941, стр. 306; С. В. Киселев, 1951, стр. 266.

³ Устное сообщение М. П. Грязнова.

Для датировки плиточных могил раннего железного века первостепенное значение имеют: 1) форма железных вещей, допускающая те или иные аналогии с подобными вещами из других культур; 2) факт проникновения в Забайкалье с юга, примерно, в середине второго века до н. э. племен «хун-ну», что засвидетельствовано, как письменными, так и археологическими источниками.

Железные удила и железный пропеллеровидный трензель из могилы № 8 на Ихерике (рис. XVI, 9) имеют близкие аналогии в Пазырыкских курганах¹, датируемых по разному², но, так или иначе, относящихся к раннему железу Алтайского края (с 5—I вв. до н. э.). Кроме Алтая эти удила имеют аналогии и в так называемых «гуннских» погребениях Забайкалья, например, в Дэрестуйском Култуке³.

Приведенные выше сопоставления, взятые сами по себе, не дают еще возможности определить дату начала железного века в Забайкалье. Получается так, будто бы железный век в Забайкалье начался в V-м веке до н. э. Между тем мы видим, что в V—III вв. до н. э. оружие в Забайкалье делалось еще из бронзы, обнаруживая при этом сходство с таежными образцами. Да и в соседнем Китае, главнейшем очаге культуры Восточной Азии, железо входит в употребление далеко не с V-го века до н. э., а значительно позже. С учетом же этих фактов отмеченное выше сходство железных удили и трензеля с пазырыкскими формами указывает на появление в Забайкалье железодельного производства, примерно, в III—IV веках до н. э. Более точно провести границу между бронзовым и железным веком пока нельзя.

Не более определенной, очевидно, является и дата последних плиточных могил Забайкалья. Только в долине Селенги, Чикоя, в низовьях Джиды эта дата определяется более или менее точно появлением здесь с середины 2-го века до н. э. погребений нового типа: в срубах и в листовичных гробах, относящихся к эпохе преобладания хуннов.

Но в местах, не затронутых нашествием хуннов — в низовьях Селенги, на Уде и, возможно, в отдаленных степях Восточного Забайкалья, например, в районе Нерчинска — всюду могла и позже развиваться прежняя самобытная культура аборигенного населения, и плиточные могилы могли существовать там и значительно более продолжительное время.

В этом отношении большой интерес представляют результаты раскопок плиточных могил в Кудинских степях Прибайкалья (на горе Манхай), произведенных в 1952 году А. П. Окладниковым. Здесь были обнаружены самые поздние из известных сейчас плиточных могил. Судя по находке в одной из них железного наконечника стрелы хуннского типа, они относятся как раз к тому периоду времени, когда на Селенге сидели пришельцы — хунны⁴.

Таким образом плиточные могилы охватывают не VI—II вв. до н. э., как считал Г. П. Сосновский, а значительно более длинный промежуток времени, примерно с VIII—VII веков до н. э. и до начала н. э., в течение которого здесь жила какая-то большая группа родственных племен, с неизменностью хоронившая своих мертвых все в одних и тех же плиточных гробницах.

¹ С. И. Руденко, 1948, табл. 1, 2, 3.

² С. И. Руденко датирует их 5—4 вв. до н. э. (1952, стр. 258), М. П. Грязнов 5—3 вв. до н. э. (1950, стр. 43), С. В. Киселев 2—1 вв. до н. э. (1951, стр. 389).

³ Ю. Д. Талько-Грынцевич, 1902-в, стр. 27, табл. III, р¹, (могила № 10).

⁴ А. П. Окладников, 1955, стр. 9—10.

Перейдем теперь к краткому рассмотрению других памятников, оставленных этими племенами: оленных камней, писаниц и случайных находок.

4. Оленные камни

Оленными камнями принято называть каменные столбы или плоские вертикально врытые плиты, на боковых гранях которых высечены изображения оленей, большей частью своеобразно стилизованные и различные знаки (круги с точками внутри, решетчатые пятиугольники и др.). Как правило, на таких вертикально поставленных «писанных» камнях изображены опоясывающие линии (внизу и наверху) и иногда вместе с тем предметы снаряжения воина: мечи, боевые топоры, луки и т. п.

Народ называет эти камни кешо-чило (по-монгольски) и синташ (по-тюркски), что значит камень с изображением или олень-камень.¹

Обильно распространенные в Монголии² и в Тувинской Автономной области³, они и в Забайкалье известны уже по крайней мере в шести следующих пунктах: 1) в 25 км от Улан-Удэ на речке Иволге⁴, перевезен в Иркутский музей, где и хранится; 2) возле Гусиного озера, впервые замеченный там М. Геденштромом и впоследствии, как о том сообщает Н. М. Ядринцев, перевезенный в Кяхтинский музей⁵; 3) возле Гусиноозерского дацана⁶; 4) на Санном мысе, на реке Уде пункт 51; 5) в 3 км к СВ от ст. Могойтуй, в Агинской степи (пункт 61—63)⁷; 6) возле Аршана (тоже в Агинской степи). Однако надо признать, что⁸ Забайкальские оленные камни еще не получили достаточного освещения в литературе. Они большей частью еще не опубликованы⁹.

Исключение составляет только Иволгинский оленный камень, представляющий саблевидную плоскую стелу, на широких сторонах которой высечены стилизованные изображения оленей и зеркало с длинной боковой ручкой, а на узких сторонах короткий «сигмовидный» лук, два боевых топора, кинжал скифского типа и пояс со свисающим с него П-образным предметом. Этот камень был обнаружен Давыдовым в лежащем виде, причем под ним был найден скелет лошади. В непосредственной близости плиточных могил не было, но они были, по-видимому, неподалеку¹⁰. Что касается остальных Забайкальских оленных камней,

¹ Г. Н. Потанин, 1899, стр. 77; В. В. Бартольд, 1921, стр. 59.

² В. В. Радлов, 1892, 1893, 1896; А. Позднеев, стр. 217-236; Г. Н. Потанин, 1881, стр. 70; 1889, стр. 77; Н. П. Левин, стр. 49; П. К. Козлов, 1926, стр. 109; С. И. Лаптев, стр. 143; А. И. Казнаков, стр. 9; Д. Клеменц, стр. 4—47; С. М. Дудин, стр. 24-26; Н. Ядринцев, стр. 37-40, 1912; Боровка, стр. 78.

³ Евтюхова и Киселев, 1949, стр. 120; Каррутерс Д., стр. 59-60.

⁴ Д. П. Давыдов, стр. 90-91; Appelgren-Kivalo, 1912; Tallgren А. М., 1933, стр. 191, рис. 24-27: большую статью об этом славном камне написал А. П. Окладников, любезно ознакомивший меня с ее содержанием еще в рукописи. А. П. Окладников дает в этой статье наиболее подробное описание и точный эстампаж изображений Иволгинского оленного камня, а также анализ, датировку и объяснение назначения этого интереснейшего памятника. См. А. П. Окладников, 1954-6.

⁵ М. Геденштром, стр. 65; Н. М. Ядринцев, стр. 28; А. П. Окладников, 1948-6, стр. 161.

⁶ А. И. Термен, стр. 75; Г. Н. Потанин, 1889, стр. 77.

⁷ Heikel, табл. 65 и 66; В. В. Радлов, 1893, см. текст к табл. III, фиг. 7.

⁸ В. В. Попов, стр. 52 (рукопись).

⁹ Краткое упоминание оленных камней Забайкалья имеется у Г. П. Сосновского; он дает и карту их распространения. (См. Сосновский, 1941, стр. 307).

¹⁰ Давыдов, стр. 91.

то три из них (Санный Мыс, пункт 36; Могойтуй и Аршан) находились в качестве угловых плит в оградах плиточных могил, и стилизованные изображения оленей были нанесены на их наружных сторонах, а два других были найдены уже не на их первоначальных местах; возле Гусино-го озера и возле Гусиноозерского дацана. О последнем камне местный лама сообщил Термену, что он найден в горах. По словам того же ламы изображенные на этом камне рисунки имеют таинственное происхождение и сам камень поставлен в дацане в качестве коновязи для коней бурханов, «когда те приезжают сюда на цам»¹. О суеверном почитании оленных камней Монголии, кстати сказать, пишет и Позднеев, лично наблюдавший, как монголы увешивали один из них бараньими лопатками, нанизанными на веревочку².

В настоящее время можно считать установленным, что оленные камни являются сием древними памятниками, восходящими еще к I-му тысячелетию до н. э., и связанными с плиточными могилами. Об их хронологической связи с т. н. «скифо-сибирской культурой» говорил еще Боровка, имея в виду одну из каменных баб тюркской могилы в Унгету, первоначально, несомненно, бывшую оленным камнем и только впоследствии переоформленную в «бабу»³.

Об их связи с плиточными могилами т. н. первого типа писал Г. П. Сосновский, что по времени соответствует, исходя из его датировки могил, VI—III вв. до н. э. Более поздними (III—II вв. до н. э.) Г. П. Сосновский при этом считал «каменные столбы с пояском внизу», сопоставляя изображенный на одном из них подвесной П-образный предмет с таким же по виду бронзовым предметом из могилы второго типа его классификации (№ 68, Тапхар, пункт 30, рис. XIV, 3)⁴.

С наиболее ранними плиточными могилами связывает оленные камни и А. П. Окладников, несколько иначе решая при этом вопрос абсолютной датировки последних, считая возможным относить наиболее ранние плиточные могилы к VIII—V вв. до н. э., а может быть и к более раннему времени. Решающими признаками для датировки оленных камней А. П. Окладникову послужили изображения на Иволгинском оленном камне, а именно: изображение ранне-скифского кинжала, скифского сигмовидного лука, «жемчужного» пояса в виде полосы кружков, имеющего аналогию в античном искусстве, зеркала с боковой ручкой (имеющего аналогию во 2-м Пазырыкском кургане) и П-образного предмета, встреченного в плиточной могиле № 68 (Тапхар). Принята была в соображение также и композиция изображений, выдержанная по принципу заполнения всего поля, что характерно для архаичного скифского искусства, а также стилизация изображений оленей, несколько уступающая по мнению А. П. Окладникова декоративной стилизации на Алтае в V—IV вв. до н. э., что, как считает А. П. Окладников, является еще одним аргументом в пользу отнесения оленных камней к более раннему «скифскому» времени (VIII—V вв. до н. э.).

Тщательно проанализированную таким образом Иволгинскую стелу А. П. Окладников отнес к особой, третьей группе оленных камней, имеющих форму широких плит часто со скошенным верхом (что напоминает форму сабли или бритвы). Остальные две группы оленных камней также были выделены условно (оставляя в стороне переходные ти-

¹ А. И. Термен, стр. 75.

² А. Позднеев, стр. 217.

³ Северная Монголия, стр. 73.

⁴ Г. П. Сосновский, 1941, стр. 307.

пы) по признаку их внешних очертаний: круглые в поперечном сечении, т. е. цилиндрические столбы и столбы прямоугольные в сечении иногда с округленными гранями¹.

Так обстоит дело в настоящее время с вопросом классификации и датировки оленных камней Забайкалья и Монголии.

Сейчас можно, пожалуй, высказать о ней только следующие соображения.

Прежде всего следует отметить, что оленные камни, как это видно из прилагаемых рисунков (см. рис. XXI—XXIV), отличаются не только формой, но и стилем изображений, причем отличия в стиле не связаны с формой камня. Поэтому их классификация должна быть произведена исходя из стиля изображений. Руководствуясь этим признаком, сейчас можно выделить по крайней мере две основные группы оленных камней:

1) Камни с более или менее натуралистически выполненными изображениями оленей и лошадей (рис. XVI, 9, 10, 13)². На одном из подобных камней, обнаруженном на Чуйском тракте на Алтае, изображен кинжал, приближающийся, насколько можно судить по фотографии и рисунку, к раннетагарским типам (рис. XVI, 10)³, датирующий наиболее ранние оленные камни этой группы.

Наиболее поздние из этих оленных камней, очевидно, датируются изображением кинжала скифского типа, имеющемуся на другом оленном камне (рис. XVI, 13)⁴. Уже на этих оленных камнях с изображениями оленей, исполненными без орнаментальной стилизации, видны опоясывающие линии и круги с точками внутри. В Забайкалье оленные камни этой группы еще неизвестны.

2) Камни с орнаментально стилизованными изображениями оленей (с мордой на подобие птичьего клюва). Изображения «сигмовидного» лука и кинжала скифского типов, зеркала с боковой ручкой и П-образного предмета, сходного с таким же бронзовым предметом из могилы № 68 (Тапхар, пункт 17, рис. IX, 3), — все это заставляет отнести эту вторую группу оленных камней к позднему бронзовому веку, к VII—III вв. до н. э., что совпадает в общем с датировкой А. П. Окладникова и Г. П. Сосновского.

Однако Г. П. Сосновский был, пожалуй, неправ, выделив еще одну хронологическую группу «каменных столбов с пояском», якобы более поздних, чем оленные камни и одновременных с плиточными могилами т. н. II-го типа его классификации⁵.

Наличие П-образного подвесного предмета и на Иволгинском типично оленном камне, чего, вероятно, не знал Г. П. Сосновский, и необоснованность отнесения могилы № 68 на горе Тапхар, в которой был найден П-образный бронзовый предмет, к 2-му типу, т. е. к III—II вв. до н. э., устраняют основания для выделения этих каменных столбов с пояском в более позднюю группу, тем более, что им так же, как и прочим оленным камням присущи многие общие черты: наличие двух опоясывающих линий (наверху и внизу), кругов (иногда с точкой внут-

¹ А. П. Окладников, 1954-6, стр. 207—220.

² Радлов, 1893, табл. XX и II, рис. 1; Г. Н. Потанин, 1881, табл. XII, фиг. 30, стр. 71.

³ Evert, M., т. XII, табл. 13; Швецова М., стр. 4, рис. 4, 5. (Эта работа мне любезно указана М. П. Грязновым)

⁴ В. Радлов, 1893, табл. XXII, рис. 1.

⁵ Г. П. Сосновский, 1941, стр. 307.

ри) изображений предметов вооружения и «решетчатых» пятиугольных фигур (рис. XVII, 4, 9). К тому же надо учитывать, что «отсутствие» на таких столбах изображений оленей в некоторых случаях может объясняться просто тем, что эти изображения уничтожены временем, стерлись или же очень плохо сохранились и не были замечены при зарисовке камней. Во всяком случае нет оснований для отнесения этих каменных столбов «с пояском» к более позднему времени, чем обычные камни, тоже всегда имеющие пояски.

К более позднему времени можно отнести другого рода памятники, генетически восходящие к оленным камням; они находятся в качестве «сторожевых камней» возле наиболее поздних плиточных могил, содержащих уже железные вещи. Так, в Бальдзы (пункт 43) возле плиточной могилы, в которой были найдены перержавевшие железные предметы, стоял сторожевой камень, по словам А. К. Кузнецова, грубо отделанный на подобие бабы, с высеченными знаками на левой плоской поверхности¹. К памятникам этого рода, очевидно, следует отнести и упомянутый выше оленный камень переоформленный в «бабу», который находится теперь в Кяхтинском музее (перевезенный туда с Гусиного озера).

Подобно тому, как все оленные камни являются олицетворениями человека, очевидно, погребенного воина, о чем свидетельствуют изображения на них пояса и оружия, так и два последних изваяния являются изображениями человека, выполненными скульптурно, хотя и очень грубо. Этой грубостью отделки и схематичностью, в которой лишь угадываются антропоморфные черты, они отличаются от «балбалов» тюркского времени, обнаруживая с ними только самое общее сходство.

Если все сказанное здесь об оленных камнях в дальнейшем найдет подтверждение в новых фактах, то можно будет считать, что они претерпели следующую эволюцию:

1) Оленные камни с «реалистическими» изображениями оленей и лошадей, наиболее ранние, но не поддающиеся точной датировке (конец среднего — начало позднего бронзового века).

2) Оленные камни с орнаментально-стилизированными изображениями оленей (с птичьими клювами) и без них — поздний бронзовый век, скорей всего вторая его половина.

3) Каменные столбы в виде грубых скульптурных изображений человека — время поздних плиточных могил (ранний железный век).

5. Писаницы

Забайкальские наскальные изображения бронзового века входят, как это установлено исследованиями А. П. Окладникова², в более узкую в территориальном отношении группу памятников, чем плиточные могилы.

Типичные для забайкальского бронзового века писаницы, исполненные красной охрой и изображают чаще всего схематические человеческие фигурки (нередко те и другие связаны с изображениями четырехугольных рамок — оград, внутри и вокруг которых и располагаются точки и человеческие фигурки). Они изображают также птиц в полете с распластанными крыльями, довольно грубо исполненных лошадок иногда с поджарым брюхом, крестообразные знаки, рогатые человеческие фигурки. Все эти мотивы (рис. XXIII), кроме разве последнего, известны

¹ А. К. Кузнецов, 1892, стр. I.

² А. П. Окладников, 1952-6, 1954-а.

помимо Забайкалья, еще только в Северной Монголии (на реке Толс, в окрестностях Улан-Батора и в местности Хачурт).

Во всех остальных областях Монголии распространены писаницы совсем иного рода: выбитые на скалах и изображающие характерным образом стилизованных оленей с закинутыми назад ветвистыми рогами — сюжет еще ни разу не встреченный на скалах Забайкалья, известный там в несколько иной манере стилизации только на оленных камнях. В лесной полосе Восточной Сибири — на Ангаре, Лене, Енисее, подчеркивает А. П. Окладников, «распространены писаницы совершенно иного стиля, с иным содержанием»¹.

Сопоставив изображенные на забайкальских писаницах схематические человеческие фигурки (рис. XXVIII, 1—6) с подобными им человеческими фигурками на бронзовом ноже от части карасукского типа из могилы «обложенной камнями», близ Нерчинска (пункт 58, рис. IX, I), сопоставив затем изображения лошадок с «поджарым» брюхом и птиц с распластанными крыльями с подобными, или близкими изображениями на ордосско-суйюанских бронзовых ножах второй четверти 1-го тысячелетия до нашей эры и с изображениями лошадок на Иволгинском оленном камне, А. П. Окладников впервые определил время этих писаниц поздним бронзовым веком, не ранее, первой половины первого тысячелетия до н. э.

Вместе с тем, А. П. Окладников сделал первую попытку ответить на вопрос: почему забайкальские писаницы бронзового века не обнаруживают близости к «олненным камням» и к оленным писаницам Монголии, тоже относящимися к позднему бронзовому веку. На этот вопрос А. П. Окладников дал альтернативный ответ: сходства нет, либо потому, что эти памятники разновременны (писаницы красной краской принадлежат тогда первым векам до н. э. и оленные камни и оленные писаницы VII—IV вв. до н. э.), либо потому, что они имели разное назначение, а также вследствие различной техники их создания. В последнем случае они могут быть и одновременными. Именно этому последнему варианту отдает А. П. Окладников предпочтение, причем особо подчеркивает, что карасукским временем забайкальские писаницы датировать нельзя, т. к. этому противоречит «тагарская» форма упомянутых выше ордосско-суйюанских ножей, на рукоятях которых имеются выемчатые изображения птиц и лошадок близкие, по мнению А. П. Окладникова, к изображениям птиц и лошадок на писаных скалах Забайкалья².

О «скифском возрасте» рассматриваемых забайкальских писаниц (в виде магических кругов, охраняемых человечками), по мнению А. П. Окладникова, свидетельствует также и «фрагмент изображения чаши, напоминающей по форме скифский котел», сохранившийся на одной из таких писаниц, а также то обстоятельство, что эти писаницы часто находятся вблизи плиточных могил³.

Выделенная А. П. Окладниковым в Забайкалье группа наскальных изображений бронзового века, несомненно, относится к бронзовому веку, и таким образом, перестает быть «мертвым капиталом». Допустимо лишь одно сомнение, которое открывает, по-видимому, еще одну возможность объяснения несходства забайкальских писаниц с оленными изображениями. А. П. Окладников прав, когда пишет, что ряд ножей с изображениями, близкими к писаницам, имеет татарскую форму. Но

¹ А. П. Окладников, 1952-6, стр. 59.

² А. П. Окладников, 1952-6, стр. 57—62.

³ Там же, 1948-6, стр. 162.

вместе с тем А. П. Окладников приводит в параллель забайкальским «писанным человечкам» также и подобные изображения на типично карасукском, как он сам считает, ноже. Если подобными сравнениями вообще возможно датировать писаницы, то перед нами классический пример такого сравнения, когда бронзовый нож и писаницы происходят с одной и той же территории (изображения человечков на писаницах Восточного Забайкалья — типичнейший мотив; (см. А. К. Кузнецов, 1925, табл. XV, у нас рис. XVIII, 1). Поэтому вполне возможна датировка некоторых, наиболее ранних, из этих писаниц карасукским временем¹.

В таком случае и сходство изображений людей на ноже из Нерчинска с писаницами Забайкалья допускает более ранний возраст последних, тем более, что лошади писаниц, как это прекрасно видно из рисунков, опубликованных А. П. Окладниковым, гораздо менее стилизованы, чем изображения лошадей на ножах. С другой стороны, изображения лошадей на забайкальских писаницах гораздо ближе по стилю к изображению лошадей и оленей на наиболее ранних оленных камнях. Так же как и там, они исполнены очень схематично и упрощенно в той же свободной манере, что и фигуры человечков на тех же писаницах. Никакой орнаментальной стилизации здесь и в помине нет. А между тем, на указанных ножах ясно видна орнаментализация этих же образов (завитки — рис. XXVIII, 14, неестественный изгиб туловища — рис. XXVIII, 16), или же мы имеем дело с изображениями лошадей выполненными в такой грациозной и изящной манере и, вместе с тем в строго выдержанном стиле (рис. XXVIII, 17), что они не идут ни в какое сравнение с грубо исполненными фигурками лошадок на писаницах. Правда, можно ожидать возражение: нельзя требовать абсолютного сходства в стиле таких разнохарактерных произведениях искусства, как писаницы красной охрой и художественная бронза, важно то, что у тех и других есть некоторые общие черты (отмеченные А. П. Окладниковым), например, поджарое брюхо, согнутая вперед задняя нога и выпуклая грудь лошадок².

Однако из рисунков опубликованных А. П. Окладниковым, ясно видно, что на писаницах «поджарое брюхо» в строгом смысле имеется только у одной лошади (рис. XXVIII, 10, нижний). Причем и здесь оно очень умеренно «поджарое», не утрирующее в этом отношении натуру. Другая лошадка (рис. XXVIII, 10, верхний) имеет менее «поджарое» брюхо, а две другие и вовсе плоские очень схематично нарисованные животы (рис. XXVIII, 9). Нога, согнутая вперед, на опубликованных рисунках писаниц имеется только у одной лошади, у других лошадей ноги исполнены очень примитивно прямыми мазками. Более или менее выпуклая грудь тоже имеется только у двух лошадок из четырех.

Предположение о более раннем возрасте хотя бы некоторых наскальных лошадок, чем упомянутые ножи, подкрепляется еще и тем соображением, что гораздо естественнее считать, что наскальное, широко распространенное искусство, предшествует художественной бронзе и дает ей сюжеты.

Таким образом, как изображения человечков, так и лошадей на писаницах Забайкалья отчасти можно относить не только к поздней

¹ Недавно А. П. Окладников несколько изменил, очевидно, датировку этих писаниц, отнес их к I тыс. до н. э., как будто бы признав возможным т. о. их появление еще в карасукскую эпоху. (См. А. П. Окладников, 1954, стр. 151).

² А. П. Окладников, 1952-6, стр. 61.

бронзе, но и к средней. Очевидно, к этому же длительному периоду времени относятся и писаницы в виде распластанных в полете птиц, точные аналогии которых с подобными изображениями на ордосско-суйюаньских ножах поздней бронзы, впервые подмеченные А. П. Окладниковым, не вызывают никаких возражений.

После всего сказанного, на вопрос, поставленный А. П. Окладниковым: почему так несходны забайкальские писаницы с изображениями оленей на скалах и на оленных камнях, встречающимися на той же территории, можно ответить и так. Не сходны потому, что в основном относятся к более древнему времени, чем оленные писаницы и камни. Будучи более древними, как на скалах, так и на древнейших оленных камнях, все они исполнены примитивно и в свободной манере в отличие от более поздних оленных изображений, трактованных в орнаментально-стилизованном виде по твердо установившимся трафаретным образцам.

Такой вывод не исключает возможности, что традиции наскального искусства, уходящие в средний бронзовый век, продолжались и в позднем бронзовом веке, в то время, когда на их основе уже сложилось принципиально отличное от них искусство оленных камней и художественной бронзы. По-видимому в позднем бронзовом веке параллельно существовали все эти три разнохарактерные отрасли искусства: писаницы рассмотренного типа, оленные камни и художественная бронза, две последние из которых первоначально заимствовали некоторые сюжеты и образы из более древнего вида изобразительного искусства, из писаниц.

В заключение о писаницах надо сказать, что они еще очень мало известны, очень немногие из них опубликованы¹. Само собой разумеется, что накопление и публикация новых данных позволят еще не раз пересмотреть и уточнить изложенную выше их датировку и классификацию. Однако бесспорным останется установленный А. П. Окладниковым факт глубокой древности писаниц, изображающих красной охрой птиц в полете, схематично трактованных лошадей, человеческие фигуры и точки, нередко связанные с изображениями оград, бесспорной останется принадлежность по крайней мере большинства их к бронзовому веку.

3. Случайные находки

Подъемный материал бронзового века Забайкалья довольно обширен и мало до сих пор известен. Он включает в себя каменные литейные формы, бронзовое оружие (чекан, наконечники копий, наконечники стрел, кинжалы), бронзовые ножи, кельты-тесла и кельты-топоры, бронзовые шилообразные инструменты и булавки и прочие вещи из бронзы (долото, удила, сегментированные трубки, бронзовые рубчатые пронизки и фигурные бляшки). Краткие сведения о местонахождениях всех этих вещей даны в пояснительных надписях к таблицам рисунков, а приводимые ниже порядковые номера наконечников стрел, кинжалов, ножей, кельтов и шилообразных инструментов соответствуют номерам рисунков на таблицах XIX—XXXIII.

Классификация случайных находок базируется на предложенной выше периодизации плиточных могил, а также на сравнениях с вещами

¹ А. П. Окладников, 1948-6, стр. 162, рис. 7, 8; 1949-а, стр. II, 1952-6, стр. 57—62, рис. 1—6; Кириллов, 1897, табл. XXVIII, стр. 136—143; А. К. Кузнецов, 1925, табл. XV, Т. С. 1925.

из других мест Сибири, Монголии и Китайского Ордосско-Суйюанского района.

Соответственно этапам бронзового века, установленным в результате анализа погребального инвентаря плиточных могил, весь подъемный материал распадается на три хронологические группы: тапхарскую, саянтуйскую и более раннюю — среднего бронзового века. При этом бросается в глаза, что самый ранний бронзовый век пока не представлен, пожалуй, ни одной вещью из подъемного материала. Итак, приступим к изложению классификации по трем указанным этапам.

Наиболее многочисленную группу вещей карасукского этапа образуют бронзовые кинжалы (№ 1, 2, 4, 5) и ножи (№ 1—31, 35, 36, 38, 39, 41—51).

Каждый из них обладает теми или другими чертами, присущими ножам и кинжалам карасукской культуры на Енисее¹. Рукояти кинжалов заканчиваются скульптурными головами баранов (1, 4, 5), или кольцом (2). В поперечном сечении их рукояти овальные (1, 4, 5) или двояковогнутые (2). Овальные рукояти в двух случаях украшены орнаментом из колец опоясывающих линий (4, 5), на третьем кинжале гладкая (1). У кинжалов с овальной рукояткой имеется сбоку на конце ее петелька. У всех кинжалов клинок отделен от рукояти шипами и вдоль клинка проходит жилка, переходящая на рукоять. Хотя в отдельных чертах эти кинжалы сходны с карасукскими из долины Енисея, тем не менее они в целом своеобразны и не имеют точных аналогий на Енисее. Это было доказано М. П. Грязновым на примере котокельского кинжала² и относится к другим подобным ему кинжалам (1, 4, 5). Своеобразен также в целом и кинжал с кольцом на конце двояковогнутой рукояти: в месте перехода его рукояти в клинок имеется орнамент из выпуклых линий, чему неизвестны аналогии из других мест.

То же самое можно сказать и о забайкальских ножах карасукского времени: в отдельных чертах сходные с енисейскими, они в большинстве случаев отличаются неповторимым своеобразием орнаментации (6, 13, 14, 32, 33).

Ножи карасукского времени в Забайкалье значительно варьируют своей формой и размером.

Наряду с большими, очевидно, охотничьими дугообразно и вогнуто-обушковыми ножами-кинжалами (1, 2, 4, 5, 55) попадаются и совсем маленькие вогнутообушковые, с коротким косо срезанным лезвием, служившие должно быть для раскройки кожи, они очень напоминают инструменты сапожников (23, 28, 29, 30, 31, 40). Рукояти ножей двояковогнутые (желобчатые), овальные в поперечном сечении или, реже плоские (12), отделены часто от клинка шипами (1, 2, 3, 4, 5), вырезками (6) или более или менее плавными выступами лезвия. Часто на рукоятях имеется орнамент в виде выпуклых ромбов, треугольников, поперечных линий и др.

Важно, что в отличие от енисейской карасукской культуры в Забайкалье в карасукское время вовсе неизвестны столь типичные для Енисея коленчатые ножи. Не менее важно и то, что в Забайкалье очень распространены ножи с двумя колечками на конце желобчатой рукояти (№ 24—30)³, форма очень редко встречающаяся в Минусинской кара-

¹ М. П. Грязнов, 1929; В. В. Радлов, 1891, табл. VII, IX.

² М. П. Грязнов, 1929.

³ А. И. Михайлов, табл. II, 4, стр. 21.

сукской культуре (там известно только три таких ножа)¹ и более распространенная в то время на территории Монголии, в Суйюани и Ордо-се². С северо-китайскими ножами сходен и т. н. «хвостатый» нож № 5, имеющий очень изогнутый конец клинка³.

Довольно часто встречаются в Забайкалье относящиеся к этому времени дугообразнообушковые или вогнутообушковые ножи с желобчатой рукоятью, заканчивающейся кольцом или кольцеобразной петлей (1—7, 10—22).

Найдены также и литейные формы, в которых отливались такие ножи (рис. 1—2). Ножи этого типа имеют аналогии как в минусинской, так и в Монгольской и северо-китайской средней бронзе⁴.

К случайным находкам карасукского времени следует отнести также и некоторые бронзовые кельты: кельт-топор, шестигранный (№ 1), кельты-тесла со сквозной полуцилиндрической втулкой, с петелькой на задней стороне (№ 2 и № 3) и кельт-тесло с глухой цилиндрической втулкой, с петелькой на задней стороне (№ 4). Соответствующие аналогии этим кельтам имеются в Минусинском крае, в карасукской культуре, как в погребениях⁵, так и в расклассифицированном М. П. Грязновым подъемном материале⁶.

К следующему, тапхарскому этапу следует отнести прежде всего ножи из подъемного материала, которые имеют сходства с ножами из плиточных могил этого времени. Таким ножом в первую очередь является нож № 33 с такими же поперечными линиями на рукояти, как и у ножа из плиточной могилы № 61 на горе Тапхар (рис. IX, 6).

Орнамент из поперечных линий имеется также и на трех других случайно найденных ножах (№ 32, 37, 55), что позволяет и их отнести к этой же группе. Форма этих ножей не противоречит этому. Нож № 33 украшен, кроме того, выпуклыми треугольниками, что сближает с ним еще один нож, прямой, украшенный треугольниками и имеющий наверху треугольное отверстие (№ 34).

Наконец, допустимо предположение, что к этой же группе относится и нож № 67, пластинчатый, но в отличие от типично тагарских более массивный, имеющий треугольную вырезку. Такое предположение тем более допустимо, что в плиточной могиле возле Усть-Куэнги был найден бронзовый нож карасукской формы (вогнуто-обушковый), но тоже пластинчатый, с большой овальной вырезкой на конце рукояти.

К тапхарскому этапу вполне могут быть отнесены и некоторые другие вещи: прямоугольные кельты-тесла с петелькой на обратной стороне (5, 6), характерные в Минусинском крае для ранней поры позднего бронзового века⁷, каменная форма для отливки которых найдена в одном из погребений Большереческой культуры в Томском могильнике (на Б. Мысу)⁸, бронзовый чекан (рис. XXI, 1), находящий близкие аналогии в том же Томском могильнике⁹; бронзовый наконечник для копья, втульчатый, листовидный (XXI, 3), также имеющий аналогии в

¹ В. Радлов, 1888, табл. VI, 4; Д. Клеменц, 1886, табл. III, 5; Martín, табл. 13, рис. 12, 14, 30.

² С. Киселев, 1947, рис. 2; Inner Mongolia, 1935, табл. IV, 2; Andersson, табл. I рис. 2, 7.

³ Inner Mongolia табл. VI, 1.

⁴ Радлов, 1888; Киселев, 1947, стр. 359, рис. 29; Inner Mongolia, табл. XIII.

⁵ С. Киселев, 1951, табл. XI, 13.

⁶ М. П. Грязнов, 1941, табл. III и IV.

⁷ М. П. Грязнов, 1941, табл. VIII, рис. 4, 8, 10.

⁸ М. Н. Комарова, стр. 44, рис. 26.

⁹ М. Н. Комарова, стр. 37, рис. 21 (3).

томском могильнике¹, известный кроме того в погребениях этого времени на Ближних Елбанах (Алтай)², а также бронзовые наконечники стрел архаических типов: втульчатые с шипом и без шипа (№ 1 и № 2), а также и трехлопастые черешковые (рис. 5—6)³.

К тапхарскому этапу должны быть отнесены, очевидно, и некоторые бронзовые шилообразные острия с грибовидными головками (5—11), характерные в Минусинском крае в начале позднего бронзового века на I-м этапе тагарской культуры⁴, встречающиеся и в более позднее время до н. э.⁵, широко распространенные в середине первого тысячелетия до н. э. в степях Европы и Азии⁶. Надо отметить, что здесь, в Забайкалье, они имеют порой довольно своеобразные формы (№ 8, № 13 — последнее изделие скорее всего является женской головной булавкой). Наконец, к этому же этапу должны быть отнесены и бронзовые удила, очевидно, употребляющиеся, как это можно судить по их сходству с удилами Майэмирского этапа на Алтае, в уезде наиболее древних типов (кольца удил в такой узде располагались вертикально позади трензелей, два внутренних отверстия служили для надевания на «отростки» трензелей или на средний ремешок, а в другое продевался повод⁷.

В группу вещей саянтуйского этапа (V—III вв. до н. э.) входят все остальные бронзовые ножи, кельты, шилья, наконечники стрел и, очевидно, полые сегментированные трубки (рис. XXXIII, 14, 15), подобные найденной в могиле № 10 у с. Саянтуй (рис. IX, 8) и являющиеся, по всей вероятности, рукоятями (плеток?).

Бронзовые ножи этого времени (№ 5—72) представлены типами, характерными для позднего бронзового века Минусинского края. Они пластинчатые, прямые, дугообразнообушковые, или змейчатые (по терминологии С. В. Киселева). Их рукояти имеют отверстия, кольца или же, как в одном случае, представляет собой барельефное стилизованное изображение морды хищника с раскрытой пастью, из которой выходит клинок (рис. XXIX, 71) ⁸.

Бронзовые кельты этой группы (№ 7—10) имеют аналогии в Минусинском крае, в Северном Китае и в таежном Красноярском районе (на степных его участках). Они небольших размеров, прямоугольных очертаний, без «ушек», сходные с минусинскими кельтами «V типа»⁹ (№ 7—9). Один из них имеет на одной стороне орнамент из выпуклых треугольников (№ 10), сходный с орнаментом на кельтах красноярского типа¹⁰. Такой же кельт, но только с орнаментом, не с одной, а с двух сторон, найден и в плиточной могиле (№ 10 Саянтуй, пункт рис. XIV, 5).

¹ М. Н. Комарова, рис. 21 (8).

² М. П. Грязнов, 1949, стр. 113, рис. 45,1. Его же, 1950-в, табл. II, 19.

³ Киселев, 1951, стр. 289; Грязнов, 1952-а, стр. 159, рис. 16 (4); Граков и др.

⁴ Киселев, 1951, стр. 228.

⁵ М. П. Грязнов, 1950-а, табл. IV, 4; М. П. Грязнов называет с полным основанием подобное изделие, найденное в I-м Пазырыкском кургане, гвоздем. Очевидно, название подобных изделий могло быть различным, в отдельных случаях подобные шилообразные острия с головками могли быть и женскими головными булавками.

⁶ Бобринский, 1901, табл. II, I и др.; Ханенко, табл. XIII, 241. Evert, т. XI, табл. 3 7-а, т. X, табл. 82, е, д, т. VIII, табл. 132; 133 и др., Andersson, 1932, табл. 21. Arne, табл. IV, XI. Труды семиреченской экспедиции, табл. XXXV.

⁷ М. П. Грязнов, 1947, стр. 10, 3 (1).

⁸ Совершенно такой же нож хранится в Минусинском музее за № 3964.

⁹ М. П. Грязнов, 1941, табл. VII, рис. 4—10; В. В. Радлов, табл. II, 3.

¹⁰ Д. Merhart, стр. 49, рис. 2. Ряд подобных кельтов, не известных Мерхарту, хранится в Иркутском музее (№ 7540—118, 1308—8 и др.). Они найдены в Прибайкалье

Наиболее простейшие из этих прямоугольных кельтов (без выпуклой «муфточки» вокруг верхнего края втулки) находят аналогии в Северном Китае, преимущественно в долине Хуан-Хэ и реже в Ордосско-Суйюаньском районе. Эгами и Мицуно датируют их там V—II вв. до н. э.¹

Шилья этой группы без шляпок и сделаны часто небрежно (№ 1—3). Их распространение так же обширно, как и шильев со шляпками, упоминавшихся выше².

К наконечникам стрел этой группы, очевидно, следует отнести: 1) втульчатый трехгранный челночковой формы, находящий аналогии в Скифии в V—IV вв. до н. э.³, но известный также и на поздне-майэмирском этапе Алтая⁴ (см. № 3); 2) пирамидальный, черешковый, встречающийся в Скифии только с V в. до н. э.⁵ (рис. 9); 3) возможно некоторые трехгранные выемчатые, скифские аналогии которых датируются т. н. арханческим периодом, VI в. до н. э. Более поздними из них, очевидно, являются такие же наконечники, но с железными стерженьками (№ 10—13).

Интересно отметить, что все перечисленные скифские типы наконечников стрел распространяются в Восточно-азиатских степях очень далеко на Восток. Они обычно встречаются даже в Маньчжурин⁶.

Наконец, полые сегментированные трубки имеют аналогии в Северном Китае.⁷

К периоду раннего железа пока с уверенностью нельзя отнести никакие вещи из подъемного материала, кроме трехгранных выемчатых наконечников стрел с железными стерженьками (рис. 10).

ВЫВОДЫ

В результате рассмотрения вопроса о классификации памятников бронзового века, они могут быть распределены по трем большим хронологическим этапам:

1. Ранний бронзовый век. Его памятники еще очень слабо выявлены и известны, к тому же, только по частичным публикациям (Фофановский могильник⁸ и Нижне-Березовское поселение⁹). Могилы т. н. толгойского типа, ошибочно отнесенные Сосновским Г. к этому этапу, должны быть исключены из этой группы памятников. Они относятся к последующим этапам.

2. Средний бронзовый век, представленный комплексом случайных находок карасукского в общем облика и, вероятно, наиболее ранними плиточными могилами. «Карасукские» вещи Забайкалья отличаются значительным своеобразием при некотором сходстве с бронзой Северного Китая и Монголии. К этому времени относится также часть писаниц.

3. Поздний бронзовый век. Ему принадлежит основная часть пли-

¹ Inner Mongolia стр. 6. фиг. 2 (тип. А). См. также Ли Цзи, 1949, табл. XX, рис. 12, на котором изображен маленький прямоугольный кельт без ушек с едва намеченной «муфточкой», найденный в Сяо-Туне.

² Киселев, 1951, стр. 265. Гракова, стр. 109, Арне, 1933, табл. IV, XI.

³ Rau P., табл. IX, 1 А, табл., X, 2А и 3а.

⁴ С. Киселев, 1951, стр. 294.

⁵ Там же, стр. 290.

⁶ В. Я. Толмачев, стр. 44.

⁷ Inner Mongolia, табл. XI, 1—7.

⁸ А. П. Окладников, 1951-в, стр. 34.

⁹ А. П. Окладников, 1951-в, стр. 36; Э. Р. Рыгдылон, стр. 287—288; Н. П. Сосновский, 1833, стр. 211—215.

точных могил, оленные камни с орнаментальной стилизацией, писаницы красной краской и некоторые случайные находки. Памятники этого этапа образуют две хронологические группы Улан-субуктуйскую (VII—VI вв. до н. э.) и Саянтуйскую (V—II вв. до н. э.). Однако не все они могут быть распределены по этим двум группам, вследствие чего граница между этими группами условна.

К Саянтуйскому этапу следует отнести и немногочисленную пока еще группу могил, в которых уцелели железные вещи. Выделить особую группу памятников раннего железного века, и в том числе могильных, пока вряд ли возможно — слишком фрагментарен и случаен уцелевший в могилах погребальный инвентарь.

Эта классификация ложится в основу культурно-исторического очерка, предлагаемого в следующей главе.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

I. Ранний и средний бронзовый век

Речь будет идти о культуре главным образом степных племен Забайкалья, так как археологические памятники Забайкальской тайги еще почти неизвестны.

Взглянем на карту — в каком историческом окружении жили эти племена в бронзовом веке? Ясно они жили рядом с таежными племенами охотников и рыболовов, на широких степных путях в далекий рабовладельческий Китай и к первобытным племенам Южной Сибири и Маньчжурии. В Китае и у степных скотоводческих племен Южной Сибири в ту пору тоже был бронзовый век, но у обитателей Маньчжурии и Приамурья все еще продолжался век камня.

Археологические памятники говорят, что в степном и лесостепном Забайкалье издавна своими путями пошло историческое развитие.

Здесь рано возникло скотоводство, что явилось началом первого великого общественного разделения труда¹. Уже в неолитических памятниках, например, на Березовской стоянке, были встречены кости домашних животных, в том числе и лошади². Раннему приручению животных способствовали, очевидно, благоприятные, лесостепные условия края, благодаря чему уже тогда этот край был передовым, по сравнению с его лесным окружением.

При этом уже тогда обитатели его вступили в широкое общение не только с соседним населением, но и с весьма далекими странами. Оживленная меновая торговля документируется для того времени обильно встречающимися в погребениях того же фофановского могильника, топорами, сделанными из зеленого нефрита, родина которого далека от низовьев Селенги (Китай, В. Туркестан, Саяны, Бирма) и изделиями из белого нефрита — священного камня китайцев³.

При всем этом материальная культура забайкальского населения уже к концу каменного века отличалась ясно выраженным своеобразием и самобытностью. Особенно красноречиво свидетельствуют о ее своеобразии местные типы глиняной посуды, тонкостенной, с округлыми днищами, орнаментированной штамповым и гребенчатым орнаментом,

¹ Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. ОГИЗ, Госполитиздат, 1949, стр. 165.

² Г. П. Сосновский, 1933, стр. 212; А. П. Окладников, 1951, стр. 36.

³ А. П. Окладников, 1955, стр. 174—189.

не похожим на орнаментации сосудов этого времени в Прибайкалье и в других смежных районах Восточной Азии¹.

Судя по всему в Забайкалье, в частности на Селенге, издавна обитали воинственные и далеко не отсталые племена охотников, скотоводов и вместе с тем всегда рыболовов. Обильные рыбой реки были для них всем, они их поили и кормили, а когда человек умирал, они же «влекли его своей волной в таинственную «страну сна», страну «мертвых» (покойников погребали в грунтовых могилах, ориентируя их головой по течению реки)². У племен этих очень рано сложились патриархальные отношения, столь характерные и для последующих исторических эпох этого края.

Эта была та местная историческая основа, на которой развивалась здесь впоследствии культура бронзового века. При этом при современном состоянии науки вопрос о том, явилась ли эта культура дальнейшим этапом исторического развития только коренного населения, или здесь были в это время и пришлые племена, приходится пока оставить открытым. Слишком мало имеется еще фактов о неолите и начале бронзового века степного Забайкалья. Кроме упомянутых погребений и поселения таежной зоны Селенги, на степных берегах ее среднего течения известно пока только одно неолитическое погребение (в Тулту-Дабане), и немногие находки на выдувах³. Металлургия зародилась в Забайкалье, очевидно, довольно рано еще в конце II тысячелетия до н. э. Об этом свидетельствуют пока еще очень немногочисленные находки в погребениях раннего бронзового века очень древних по облику листовидных медных ножей⁴.

Подлинного расцвета достигло бронзолитейное производство на следующем, среднем этапе бронзового века, в X—VIII вв. до н. э., когда по Южной Сибири распространялась так называемая карасукская культура. Многочисленные находки различных бронзовых вещей своеобразных типов и каменных литейных форм не оставляют сомнения в том, что это производство было местным. Его сырьевой базой служили богатейшие месторождения олова в районе нынешней станции Оловянной (в Восточном Забайкалье)⁵ и повсеместно встречающиеся медные руды⁶. К этому времени достиг значительного расцвета т. н. звериный стиль художественной бронзы: ножи и кинжалы нередко украшались скульптурными изображениями баранов и горных козлов. В отдельных чертах, как мы видели выше, забайкальские изделия этого времени несмотря на некоторое своеобразие обнаруживали значительное сходство с бронзой более западных районов Сибири и особенно с бронзой Монголии и северных провинций Китая — Ордоса и Суйюани.

На этом основании можно утверждать, что культурные связи забайкальского населения еще более окрепли и расширились, их воздействие на развитие местной в корне самобытной культуры стало еще более активным, чем в конце каменного века.

Племена, обитавшие в Забайкалье в X—VIII вв. до н. э., как это видно по забайкальским памятникам этого времени, были воинственны.

¹ А. П. Окладников, 1949-а, стр. 9.

² А. П. Окладников, 1938, 1951-6, стр. 445; 1955, стр. 319—339.

³ Ю. Д. Талько-Грынцевич, 1902-в., стр. 32—35; А. П. Окладников, 1949-а, стр. 9; Толмачев, 1929, стр. 234—238.

⁴ А. П. Окладников, 1951-в, стр. 36.

⁵ Г. П. Сосновский, 1934-а, стр. 15.

⁶ А. Озерский, стр. 35; Де Геннин, стр. 602; П. А. Словцов, стр. 306; Риттер, 1879, стр. 392; Павлуцкий, стр. 477.

У них уже было бронзовое оружие (кинжалы и мечи). Они имели, очевидно, комплексное хозяйство с преобладанием скотоводства (поселения и могилы, по-прежнему, на берегах рек). Есть некоторые основания считать, что к концу этого периода они начали хоронить своих мертвых в плиточных могилах. Появление таких монументальных погребальных сооружений, говорит о том, что в это время у них уже вполне упрочился развитый культ предков, характерный для патриархально-родового общества, и начала вырабатываться сложная, очень устойчивая и единообразная религиозная обрядность, сохранившаяся с некоторыми изменениями в течение всего позднего бронзового и раннего железного веков. Большая часть этих погребальных памятников (из числа раскопанных) принадлежит позднему бронзовому веку, вследствие чего он может быть характеризован в культурно-историческом отношении гораздо более полно, чем средний этап бронзового века.

2. Поздний бронзовый век

Тапхарский и Саянтуйский этапы — VII-II вв. до н. э.

Несмотря на то, что выше были выделены две хронологические группы памятников позднего бронзового века Забайкалья, весь этот период надо пока рассматривать в целом.

Причина этого вполне понятна — нельзя еще, к сожалению, полностью расклассифицировать по двум этапам все плиточные могилы позднего бронзового века. Слишком они разграблены и часто дают только фрагментарный материал. Поэтому остается значительная их группа, которую нельзя пока с уверенностью отнести к тому или другому этапу. То же самое справедливо и по отношению к другим памятникам: оленьим камням, писаницам и случайным находкам. Частичное расчленение материала по этапам позволяет отметить лишь некоторые тенденции развития культуры позднего бронзового века, но не дает еще оснований для четкого разграничения на два периода, имевшие к тому же очень много сходного. Поэтому правильной будет ограничиться общей характеристикой позднего бронзового века Забайкалья.

а) Техника. Металлургия. Хозяйство

В позднем бронзовом веке техника в Забайкалье была значительно развита. Сами по себе могилы, порой, поистине грандиозные сооружения из громадных плит камня, свидетельствуют об ее относительно высоком уровне.

Своеобразные бронзовые предметы (наконечники, стрелы, кельты, украшенные орнаментом из треугольников, но в отличие от таежных, без усиков; решетчатая трубка и мн. др.) говорят о дальнейшем развитии металлургии, достигшей в Забайкалье высокого уровня еще в предшествующее карасукское время.

Судя по литейному шву, сбоку на кельте, литье бронзовых изделий производилось в разъемных формах из камня.

Необходимо заметить, что бронза в это время еще не вытеснила окончательно камень: наряду с бронзовыми орудиями у них широко употреблялись всякого рода скребла, скребки из кремня и халцедона.

Особенно примечательно в этом отношении большое дисковидное скреблообразное орудие из мелко-зернистого песчаника, найденное

А. К. Кузнецовым близ Буренинского караула. Круглое и плоское, толщиной 1 см, диаметром 17 см., с оббитыми краями, оно было предназначено, очевидно, для первичной обработки шкур (рис. XI, 1), один край его слегка оттянут, приспособлен, должно быть, для укрепления в деревянной рукояти — упоре, подобно эскимосским и чукотским скреблам пылюк и аланвына¹. Костяные орудия (ложило, иглы, шилья) также были в ходу. Глиняная посуда делалась от руки без гончарного круга.

Часто встречающиеся в плиточных могилах кости домашних животных свидетельствуют о дальнейшем развитии скотоводства, которым здесь занимались очень давно, задолго до рассматриваемого времени.

Скотоводство, несомненно, было основой хозяйства древних племен забайкальских степей в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Оно документировано следующим ассортиментом костей домашних животных, явно преобладающих над костями диких:

Кости лошади	— в 49 могилах,
» овцы и барана	— в 33 могилах,
» быка	— в 12 »
» козы	— в 4 »

(кости диких животных только в 9-ти могилах)².

Преобладание костей лошади и овцы может свидетельствовать о подвижности стада, а почти полное отсутствие в могилах и среди подъемного материала серпов и кос — об его подножном кормлении.

Первое было, вероятно, обусловлено, прежде всего, социальными причинами (расширением обособившегося хозяйства патриархальных семей и в связи с этим ростом стада), второе — своеобразием физико-географической среды. Последняя с того времени не претерпела значительных качественных изменений. Возможно, что травянистые степи были только более открытыми, чем теперь³.

Особенностью климата забайкальских горных степей является малоснежность зимы, вследствие чего скотоводу не обязательно заботиться о заготовке кормов для скота па зиму⁴. Еще Палласом, Кастреном и др. путешественниками было отмечено полное пренебрежение скотоводов-бурят к заготовкам кормов на зиму, несмотря на то, что она там и сурова и продолжительна. Их стада, оставленные на произвол природы, в течение всей зимы перебиваются на подножном корму. Только для ягнят сберегается небольшое количество сена⁵.

Вполне естественно, что такие жестокие условия содержания скота определенным образом отражаются на составе стада. У тех же бурят, например, главную отрасль животноводства было коневодство, а затем овцеводство. Рогатого скота у них было меньше и он давал необыкновенно мало молока⁶.

То, что такое пренебрежение к заготовкам кормов для скота объясняется в значительной степени горным характером страны и ее климатом, а не только отсталостью бурят, как можно было бы предположить, подтверждается любопытным наблюдением Гмелина. Он пишет, что даже русские крестьяне, придя в этот край, расселились по хуторам,

¹ Богораз, стр. 35, табл. XIII, 8, 9.

² Подсчет произведен суммарно по данным всех плиточных могил.

³ Есть некоторые основания предполагать, что в междуречьи Селенги и Хилка прежде на местах нынешних песков, покрытых борами, были степи с каштановыми почвами. См. Берг Л. С., 1947, стр. 51.

⁴ Г. П. Сосновский, 1940, стр. 41; 1941, стр. 308.

⁵ М. А. Кастрен, «Магазин земледения и путешествий», стр. 440—441.

⁶ К. Риттер, 1859, т. V, стр. 147.

подобно бурятам стали скотоводами и жили зажиточно, несколько не заботясь о зимнем корме для скота и не запасаясь сеном¹.

В свете этих этнографических наблюдений вряд ли следует предполагать сколько-нибудь значительные заготовки кормов у населения Забайкалья в интересующую нас эпоху поздней бронзы. Очевидно, скот содержался круглый год на подножном питании и по мере исчерпания кормовых ресурсов местности перегонялся на другое пастбище. Несомненно, что с этим было сопряжено и перемещение хотя бы части населения, о чем и свидетельствует разоросанность могил небольшими группами. При этом средством передвижения мог служить верховой конь. На наличие всадничества в эту эпоху ясно указывают находки в могилах удила и трензелей.

Для того, чтобы решить вопрос о том, какой характер носило это кочевание, было ли оно непрерывным или только сезонным, необходимо привлечь другие данные о хозяйстве.

В этом отношении чрезвычайно интересны обломки глиняных сосудов — триподов древнекитайского типа с полыми внутри ножками-резервуарами, обнаруженные А. П. Окладниковым в плиточных могилах в Агинской степи в 1950 г.² Фрагменты подобных глиняных сосудов с тремя ножками-подставками (см. рис. XIV), получившие название керамики типа Хара-Бусун (по местности, где они были впервые найдены, на правом берегу Селенги), обнаружены, кроме того, в поздне-неолитических стоянках на Селенге (Н. Березовская и др.)³ и часто встречаются в Забайкалье просто на выдувах.

Таким образом эта керамика, несомненно, бытовала в Забайкалье не только в поздне-неолитическое время, но и в рассматриваемую эпоху. Глиняные триподы этого типа (ли) также, как и другие их разновидности, являются специфической особенностью древнейших земледельческих культур Китая, Южной Монголии и Южной Маньчжурии⁴.

Появляясь в неолитическое время в качестве сосудов, специально предназначенных для варки каши, они существуют там до конца эпохи Чжоу, сменяясь бронзовыми триподами, культовыми по назначению. Факт употребления этих сосудов, столь удобных в земледельческом быту, вносит новый важный штрих в картину жизни древних селенгинцев и позволяет предполагать, что их хозяйственная деятельность, очевидно, была значительно более многогранной, чем это казалось раньше, что, возможно, они занимались не только скотоводством, но и земледелием, тем более, что исторические и археологические данные подтверждают наличие земледелия даже у хуннов, кочевников по преимуществу⁵.

С гораздо большей достоверностью документирована охота. Концевые роговые накладки, обнаруженные в трех могилах, принадлежат прекрасным коротким лукам сложного типа из дерева и рога (они близки по форме скифским сигмовидным).

¹ К. Риттер, 1859, т. V, стр. 178.

² А. П. Окладников, 1952-а, стр. 6.

³ Там же, стр. 45.

⁴ А. П. Окладников, 1951-в, стр. 36; М. В. Воробьев, 1954 стр. 442.

⁵ В китайской летописи сказано: „В северных странах служба рано настает, хотя неудобно сеять просо, но в земле гуннов сеяли“. См. Бичурин, т. I, стр. 76, примечание 4. О находке проса на Нижне-Иволгинском хуннском городище, см. след. литературу: А. П. Окладников, 1951-в, стр. 48; 1951-б, стр. 448; 1952-а, стр. 44; А. В. Давыдова и В. П. Шилов, 1952, стр. 115.

Встречены в могилах и кости убитых на охоте диких зверей:

оленья	— в 5 могилах
лисицы	— в 1 »
а также птицы	— в 1 »

Но любопытнее всего находка двух гарпунов (в плиточной могиле № 8, раскопанной особым отрядом экспедиции А. П. Окладникова в 1948 г. в пади Посадной к северу от г. Селенгинска) и нижней челюсти рыбы (порода не определена) в могиле № 18 у дер. Сотниково (пункт 18). Они свидетельствуют не столько о рыбной ловле, сколько об охоте на крупных рыб, наверно с помощью приманок в виде тех скульптурных изображений рыб, какие часто встречаются в памятниках более раннего времени. При этом объектом охоты мог быть омуль.

Гарпуны и кости рыбы красноречиво говорят о том, что селенгинцы в эпоху плиточных могил далеко не были только кочевниками-скотоводами, всегда с презрением относящимися к рыбе, называемой ими не иначе как червяком, и считающими ее непригодной для еды, нечистой пищей.

О том, что река по-прежнему играла значительную роль в жизни древних забайкальских племен, об их стремлении быть ближе к ней и нежелании заходить слишком далеко вглубь безводной страны трав, свидетельствует, возможно, и расположение могильников близко от берега и их полное отсутствие на водоразделах.

О некоторой оседлости древних забайкальцев может свидетельствовать архитектура самих погребальных памятников. Обставленные по сторонам монументальными каменными плитами, они всем своим видом говорят, что людям, соорудившим эти порой грандиозные домовины, гораздо ближе была идея жилища с вертикальными стенами, чем идея полусферической юрты кочевников. Керексуры, имеющие, очевидно, своим прообразом юрту, появляются на Селенге в значительное более позднее время (VI—VIII вв. н. э.). Плиточные могилы сооружались на подобие обставленных плитами землянок с очагом внутри. О наличии очага в такой землянке свидетельствуют очажная яма, заполненная угольками в могиле № 10 у села Саянтуй и неоднократно встречающиеся в могилах угли и зола.

Ближие им по устройству жилища в виде землянок известны в более позднее время в Прибайкалье у курумчинских кузнецов¹. То, что подобного рода землянки являлись одним из весьма стойких и обычных типов жилища в этой части Сибири, находит свое подтверждение и в некоторых преданиях, связанных с плиточными могилами. Буряты утверждают, что это самозахоронения монголов в землянках, специально для того вырытых, при приближении русских завоевателей. Не желая живьем попасть в руки врага, они сами заживо погребли себя, завалив крышу землянки камнями и подрубив затем подпорки².

В другой версии это самозахоронения не монголов, а мифического дикого племени «чудь», еще не знавшего употребления железа и жившего в землянках³.

Могилы «гуннского» времени с погребениями в срубах⁴, вероятно воспроизводят другой тип жилищ с вертикальными стенами у древних

¹ Б. С. Петри, 1923, стр. 3.

² Н. Попов, 1877, стр. 112 и след.

³ А. Залкинд, 1890, стр. 67.

⁴ Ю. Д. Талько-Грынцевич, 1899, стр. 14 и след.

селенгинцев — в виде рубленых построек, бревенчатых изб (находка бронзовых кельтов свидетельствует, что обрабатывать дерево они умели).

Все вышеприведенные соображения могут служить лишь косвенными указаниями для разрешения вопроса о характере кочевания. Но за неимением прямых они должны быть приняты во внимание. В свете их древние забайкальцы в эпоху поздней бронзы, по всей вероятности, совершали сезонные перекочевки на небольшие расстояния, подобно бурятам до прихода в Забайкалье русских. Основой их хозяйства было скотоводство с сезонными перекочевками, без заготовок кормов на зиму. При этом рыболовство и охота и, возможно, земледелие также имели не малое значение. На зимниках они жили в постоянных жилищах в виде землянок, обставленных плитами камня, с очагом внутри. Возможно, что они жили также и в землянках, обложенных дерном, или строили деревянные постройки. На летниках они могли иметь просто шалаши. Их оседлость была не стойкой и в поисках, новых обильных пастбищами и дичью земель, они часто бросали свои поселения и устраивались на новом месте. Их домашняя утварь отражает эту двойственность быта. Наряду со «скифскими» бронзовыми котлами и толстостенной грубой, не бьющейся при перекочевках глиняной посудой они имели менее портативные, тонкостенные, горшки, предназначенные для употребления в стационарном домашнем хозяйстве.

Железные удила и трензеля (псалии) из более поздних могил на Ихерике (на территории, позднес, со 2 в. до н. э., оккупированной хуннами), свидетельствуют о том, что население долины Селенги перешло к употреблению железа еще в предхуннский период. Железные руды, в изобилии имеющиеся в бассейне р. Селенги (возле Тарбагатая, на р. Джиде, у Коротково, возле Петровск-Забайкальского и в других местах)¹, а также древние рудники и древние железоплавильные мастерские² позволяют предполагать, что металлическое производство, по-прежнему, было местным.

Такое крупное техническое достижение, как обработка железа, сопровождавшееся, несомненно, и другими изменениями в жизни древнего общества, населявшего степи Забайкалья. Некоторые из них мы можем усмотреть по данным плиточных могил.

По-прежнему, основой хозяйства было скотоводство, но тот факт, что могильник на Ихерике находится далеко от берега, может рассцениваться, как свидетельство о начавшемся более широком освоении степей. Появляется и усовершенствованная уздечка с железными удилами и двухдырчатыми трензелями (псалиями).

б) Общественный строй

Что касается общественного строя древних забайкальцев в рассматриваемую эпоху, то по данным плиточных могил он характеризуется двумя основными чертами: 1) военным укладом, 2) господством патриархальных отношений в рамках родового строя.

На их воинственность указывает прекрасное боевое оружие, уцелевшее в некоторых погребениях, изображенное также на оленных каменных (табл. XV, 2)³ и известное по случайным находкам. Их лук, по

¹ Карта железных ископаемых Лено-Байкальского р-на, составленная сектором фонда ПРУ в 1930 г.

² К. Риттер, 1859, т. V, стр. 395.

³ А. П. Окладников, 1954-6, стр. 207—220.

типу близкий скифскому сигмовидному, был коротким, удобным для конного боя. О военных столкновениях может свидетельствовать также наконечник стрелы, застрявший в бедренной кости погребенного в одной из могил (Сотниково 12, пункт 18).

Неоднократно находимые бусы из драгоценных камней (сердолика и бирюзы), а в одном случае даже случайно уцелевшая при разграблении могила золотая нашивная пластинка красноречиво говорят о том, что эти воинственные скотоводы понимали толк в предметах роскоши. Свои возросшие потребности они могли удовлетворять обменом, но, конечно, предпочитали просто грабить.

Отцовский род, так прекрасно гармонирующий со скотоводческим хозяйством, зачатки которого здесь прослеживаются еще в конце каменного века и необычайно стойкий в этой части Сибири, в рассматриваемое время был в совершенно развитом зрелом состоянии. Мы знаем на этой территории родовые могильники, состоящие обычно из нескольких небольших групп могил (по 5—10 не больше в каждой). В каждой такой группе имеются могилы разного размера с одиночными мужскими, женскими и детскими захоронениями. Нередко они располагались цепочками. Возможно, что такими группами представлены отдельные патриархальные семьи. Возле наиболее крупных могил, принадлежащих, очевидно, главам патриархальных семей, как правило, возвышаются «сторожевые» и «оленные камни».

Отмеченные выше черты общественного строя присущи военной демократии. Они являются общими и для других племен, населявших степи Европы и Азии в скифское время. Очевидно, некоторой особенностью общественного строя забайкальцев, отличавшей его от скифского, было отсутствие столь значительной, как у скифов Причерноморья, социальной дифференциации, хотя окончательные суждения об этом в настоящее время недопустимы — богатые погребения еще могут быть обнаружены. Сейчас мы располагаем лишь немногими и недостаточно определенными данными о социальном неравенстве забайкальцев в эпоху поздней бронзы.

О вероятности наличия рабов в эту эпоху у забайкальского степного населения свидетельствуют, возможно, некоторые двухярусные погребения (например: Тологой 8, пункт 15) со скорченными верхними скелетами. При этом известен случай, когда такой верхний скорченный скелет принадлежал, очевидно, женщине рабыне или паложнице (Саянтуй, 91, пункт 16). Наверху в этой могиле на глубине 60 см. находились кости ног, согнутые в коленях и вместе с ними бронзовое дисковидное зеркало с боковым ушком (рис. IX, 12) внизу на дне могилы (на глубине 81 см.) — вытянутые кости ног и около бедра овальное зольное пятно (75х47 см.).

Однако следует иметь в виду, что положение женщин в этом обществе не было абсолютно приниженным — одиночные захоронения устраивались в таких же больших могилах, как и мужские (см. таблицу могил, приложение). Особенно почетными, очевидно, были к концу бронзового века погребения в так называемых фигурных могилах. Очертания каменной насыпи этих могил очень напоминают распластанную шкуру животного (скорее всего чепрак быка или коровы) и это может расцениваться как указывание на глубокую древность широко распространенного в позднейшие времена у тюрков и монголов обычая употреблять в погребальной обрядности шкуры животных. Кроме отличия в устройстве оградки, фигурные могилы отличаются от обычных плиточных и своей ориентировкой (с севера на юг). Погребенные в таких фигурных могилах чаще всего подвергались сожжению, а это, как известно, яв-

ляется у первобытных (да и не только первобытных) народов знаком особой почести покойнику, которая оказывается обычно далеко не всякому.

в) Религия

О религии древних забайкальцев, судя по их погребальному обряду, мы можем составить себе следующее представление.

Прежде всего погребальный обряд плиточных могил свидетельствует о вере в загробную жизнь. Покойник снабжен всем необходимым. Могила должна была служить ему жилищем. Она сооружалась в виде землянки, обставленной по сторонам каменными плитами. В жилище мертвого устраивался очаг, о чем свидетельствуют неоднократно встреченные в могилах обожженные камни, зола и угли при полном отсутствии следов трупосожжения. На дне могилы № 10 у с. Саянтуй под непотревоженными костями скелета была обнаружена даже очажная яма с сохранившимися в ней угольками. Покойника укладывали в могилу нарядно одетым с его орудиями труда, личным оружием, домашней утварью и принадлежностями туалета. Снабжали его также говядиной, бараниной, дичью и рыбой, и, возможно, молочной и растительной пищей (о чем может свидетельствовать нагар на некоторых обломках горшков).

По принципу «часть вместо целого» вместе с ним погребалась и голова коня в некоторых случаях, возможно, с уздечкой, или только уздечка, на что указывают часто находимые в могилах черепные кости лошади, а также уцелевшие в некоторых случаях удила и трензели (Ихерик 8), или только трензели (по одной штуке: Сотниково 15 и Тапхар 69).

Заслуживает внимания особая, но пока еще не совсем понятная в данном случае роль стрелы в погребальном обряде плиточных могил. Стрела была обнаружена в специально вырытой для нее ямке на глубине 10 см. глубже прекрасно сохранившегося и совсем не потревоженного скелета воина в могиле № 10 у села Саянтуй.

Покойников боялись и чтобы они не тревожили живых, их не только засыпали землей, но плотно закладывали каменными плитами. Очевидно, именно оградительное магическое значение имеет уцелевшая часть ограды могильника из врытых в землю плит в местности «Боо», на берегу Селенги.

Погребальный обряд плиточных могил свидетельствует о религиозных представлениях, присущих патриархально-родовому обществу с большими патриархальными семьями.

Наличие в могилах следов разведившегося в них огня при полном отсутствии в этих могилах признаков трупосожжения объясняется важным и безусловно не только практическим, но и культовым значением очага в жизни патриархальной семьи.

На существование культа предков,* родовых или семейных богов указывают, очевидно, упомянутые «сторожевые камни» в виде вертикально врытых столбов находящихся обычно, возле наиболее крупных могил. Один из таких «сторожевых камней» имел эмбриональную форму, а в верхней части изображение глаза¹.

Все эти сторожевые камни, надо полагать, поставлены для того,

¹ А. П. Окладников, 1948-б, стр. 161.

чтобы охранять жилище мертвых подобно тому, как римские пенаты или греческие лары охраняют дома живых.

О почитании духов-охранителей рода свидетельствуют также, очевидно,— как впервые предположил А. П. Окладников — известные на Селенге в большом количестве наскальные писаницы в виде магических кругов, охраняемых человечками, исполненные красной минеральной краской (охрой) и датируемые изображенным на одной из них скифским котлом временем плиточных могил¹.

Плиточные могилы и одновременные им памятники культового искусства отчетливо рисуют и другую важнейшую черту религиозных представлений рассматриваемой эпохи — расцвет в связи с развитием скотоводства культа стихий и природы, сказавшийся в ориентировке погребений по восходящему солнцу, а в культовом искусстве в появлении характернейшего для степных культур этого времени изобразительного сюжета, т. н. «скифских оленей».

Своеобразные изображения таких оленей «с птичьими клювами», (возможно, стилизация раскрытой пасти), неоднократно встречены на т. н. оленных камнях». Известные в Забайкалье пока лишь в отдельных случаях, они широко распространены в степях Северной Монголии.

Есть основания предполагать, что именно там, в Северной Монголии, вблизи живописнейшего озера Косогол находился в бронзовом веке религиозный центр забайкальского и монгольского населения. Поражающим памятником такого общеплеменного, по всей вероятности, солнечного культа, можно считать грандиозное (200х20 м) сложное каменное сооружение дольменного характера на глыбе Кыттык, состоящее из каменных жертвенников и вертикальных плит с «оленным» орнаментом, группирующихся вокруг главного жертвенника, окруженного двойной плиточной оградой — круглой и четырехугольной. Кроме стилизованных изображений оленей, на прямостоячих камнях этого культового сооружения имеются также «изображение солнца, у которого вместо лучей нарисованы бараньи рога, изображение кинжала, напоминающее минусинские бронзовые кинжалы, своеобразные геометрические орнаменты и, наконец, превосходное изображение горного козла»².

3. Культурные связи

Рассмотренный выше этап развития культуры забайкальского населения: поздний бронзовый век и ранний железный совпадают по времени с эпохой ранних кочевников в степях Европы и Азии.

Характернейшим явлением эпохи ранних кочевников были широкие культурные связи, с неизбежностью возникшие, как следствие первого значительного общественного разделения труда. Конкретное историческое окружение, сравнительная близость степных долин Забайкалья к крупнейшему политическому объединению Востока — земледельческому Китаю, а с другой стороны, тесное соседство с тайгой, где в те времена процветала своеобразная культура охотников и рыболовов, определили направления культурных связей населения этой территории, особенно: долины Селенги, еще недавно являвшейся средоточием знаменитой кяхтинской чайной торговли — несомненно, бывшей и в ту эпоху важнейшим путем из земель древнего Китая вглубь тайги, к Северному морю³.

¹ А. П. Окладников, 1948-б, стр. 162.

² Б. Петри, 1926, стр. 24.

³ „Северным морем“ древние китайцы называли озеро Байкал.

Связи селенгинцев с этими странами прослеживаются довольно отчетливо.

Их можно уловить и в сходстве орнаментальных мотивов домашней глиняной утвари, украшенной валиками с зашипами и ямками и распространенной в рассматриваемую эпоху, как в таежной Прибайкальской области¹, так и в Ордосе²; и своеобразном облике кинжала без эфеса (рис. IX, 7), типичного для таежной зоны³ (в степных ее участках) в III—V вв. и в не менее оригинальном облике клиновидного кельта без ушков с отверстием сбоку; он украшен орнаментом из треугольников и принадлежит к типам, распространенным в тайге в Эпоху поздней бронзы. Сходные типы кельтов (без орнамента) известны и в Северном Китае⁴.

На примере этих кельтов выясняется посредническая роль древних забайкальцев между китайской цивилизацией и обитателями тайги. Сами воспринимая от китайцев многое полезное, они приобщали к нему и своих северных таежных соседей. Именно этим объясняет А. П. Окладников поразительное сходство «таежных» кельтов с более древними китайскими⁵. Посредниками между тайгой и Китаем забайкальцы, очевидно, были и в более древние времена. Так называемая «харабусунская керамика», т. е. глиняные горшки на трех ножках, имеющие своей родиной Иньский Китай, встречаются еще в неолитических таежных стоянках на Селенге и даже в Прибайкалье⁶. Встреченная неоднократно в степной ее зоне, она с бесспорностью факта подтверждает посредническую роль степных селенгинцев и в более глубоком прошлом.

Фрагменты подобных триподов, найденные в плиточных могилах в Агинских степях⁷ и многочисленные случайные находки обломков триподов (см. рис. XIV) отчетливо говорят о том, что население Забайкалья находилось в каком-то общении с Китаем и в рассматриваемую эпоху.

Однако есть данные, свидетельствующие, что такого рода заимствование культурных достижений не было односторонним. А. П. Окладников в свое время доказал, что важнейшее изобретение того времени — сложный составной лук имел своей родиной тайгу. Об этом красноречиво говорят роговые накладки от такого лука, обнаруженные им в одном из таежных погребений бронзового века Прибайкалья (на р. Цзпань)⁸.

Этот удобный охотничий лук, благодаря опять-таки посреднической роли селенгинцев, (о чем свидетельствуют роговые накладки из плиточных могил) вскоре стал достоянием многих племен, обитавших не только в Забайкалье, но и в степях, примыкавших к нему с юга — у хуннов⁹. Не менее значительными были тогда культурные связи забайкальского населения и с кочевническими племенами Запада.

¹ Сборник музея Антропологии и Этнографии, т. II, 1916, табл. XIII—7; Бортвин, 1915, табл. XVI—7; Е. И. Титов, 1926, стр. 165.

² *Archeologia orientalis*, т. I, 1929, pl XXIV, XXIII.

³ Merhart, 1926, стр. 65, рис. 38; Радлов, 1891, табл. XI, 7, XI, 5, XI, 6; Martin, 1893, табл. 21—5. (Эти аналоги были отмечены еще Г. П. Сосновским).

⁴ Кельты этого типа найдены у деревни Верхне-Метляевой (в 60 верстах к СЗ от Балаганска и в 8 верстах от прав. берега р. Ангара); Б. Э. Петри, 1928, рис. 33, 34; Сосновский, 1926 г. Merhart, 1926, стр. 40—53. Возле деревни Соколовой найдена бронзовая форма для отливки подобных кельтов. (См. указ. сочин., стр. 55, рис. 24).

⁵ Inner Mongolia, 2-A; Ли Цзи, 1949, табл. XX, рис. 12.

⁶ А. П. Окладников, 1949-б, стр. 169, табл. XXVII.

⁷ Материалы раскопок Ангарской Арх. эксп. 1952, на Сосновом о-ве.

⁸ А. П. Окладников, 1952-а, стр. 46.

⁹ А. П. Окладников, 1940, стр. 112.

¹⁰ Ю. Д. Талько-Грынцевич, 1899, табл. XIV—1,4, XV—8.

Это видно хотя бы из некоторого сходства внешнего вида плиточных могил с Минусинскими «маяками».

Некоторые вещи из плиточных могил также напоминают минусинские (бронзовый нож¹ и зеркальце с петелькой на оборотной стороне²).

Уже отмечалось выше, что железные удила, «пастовые бусы-цилиндрики»³, а также пропеллеровидный трензель (псалий) имеют много общего с пазырыкскими⁴. Подобные трензеля, а также и бронзовые котлы (поддон которого найден в одной из плиточных могил — № 63 на г. Тапхар) имеют аналоги и на более далекой территории — в Скифии.

Забайкальцы в эпоху ранних кочевников были вовлечены в самое широкое общение и с другими, порой очень далекими землями. Сердоликовые бусы, сверленные алмазным сверлом, могли по всей вероятности, добываться только с юга — из Индии⁵. Бусины же из бирюзы указывают на какие-то сношения со Средней Азией и Ираном, где имеются месторождения этого самоцвета⁶. Эти уцелевшие в некоторых могилах бусинки являются лучшим, ярчайшим свидетельством интенсивности, размаха культурных связей забайкальцев.

4. Самобытность культуры и этническая принадлежность населения Забайкалья в бронзовом веке

Взятые в Забайкалье в качестве более изученных, плиточные могилы распространены на обширном ареале от Китайского Алтая до Б. Хингана, от Гоби до самой тайги, иногда довольно далеко проникая в нее. За пределами этой территории они не известны⁷. Своеобразие погребального обряда, очевидно, указывает на то, что в этих степях жила группа племен в этническом отношении отличная от других. Об этом же говорит и своеобразная керамика, сосуды с гладкими стенками, с налепными валиками и пальцевыми или ногтевыми защипами.

В связи с этим приобретают значение и другие черты своеобразия. Бронзовый кинжал и бронзовый кельт из плиточных могил, принадлежат северным типам (район Канска и Красноярска). Они отличаются от минусинских; на это указал еще Г. П. Сосновский⁸. Не имеет себе подобных и бронзовый наконечник стрелы с продольными нервюрами.

¹ Теплоухов, 1927, стр. 96, табл. XI—37.

² Теплоухов, 1927, стр. 96, табл. XI—35.

³ С. И. Руденко, 1948, табл. XXIV—8.

⁴ С. И. Руденко, 1948, табл. II; М. П. Грязнов, 1950, рис. 20. Железный пропеллеровидный псалий, известен мне также в одном из курганов близ Смелы (раскопки Бобринского), см. Бобринский, 1901, т. III, табл. XX, рис. 10. (Бронзовый, тоже пропеллеровидный псалий был обнаружен в свое время и на Алтае, возле Бийска), см. Martin, 1893, табл. 28, рис. 15—16.

⁵ А. Е. Ферсман, 1921, стр. 27.

⁶ А. Е. Ферсман, 1954, стр. 286.

⁷ Как, например, могилы у д. Тырган на северо-зап. берегу оз. Байкал, против острова Ольхон. Хороших П., 1924, стр. 34.

⁸ Минусинские «маяки» и «плиточные» могилы в Казахстане, в местности Бегазы, существенно отличаются от центрально-азиатских плиточных могил. У них оградка из вертикально крытых плит имеет самостоятельное, возможно, магическое оградительное значение, окружая одну или несколько могильных ям. У плиточных же могил «оградка» из поставленных на ребро плит такого самостоятельного значения не имеет, а образует стенки гробницы. Этого же мнения придерживается и М. П. Грязнов, убедительно датировавший бегазинские могилы карасукским временем. См. М. П. Грязнов, 1952.

⁹ Г. П. Сосновский, 1940, стр. 38; 1941, стр. 300—303.

Нигде до сих пор, кроме Монголии, не встречены загадочные П-образные литые предметы. Между тем, здесь они, судя по находке и изображению на «оленном камне», были широко распространены. О своеобразии изобразительного искусства свидетельствуют уже упомянутые выше изображения оленей с необычными для скифского звериного стиля «птичьими клювами».

Что касается вопроса об антропологической принадлежности этих племен то, судя по находкам пока еще немногих человеческих черепов из селенгинских плиточных могил Сотниково № 2, Наушки № 1, Керексурин-Ури № 1, их обладатели были не европейцами, а типичными монголоидами. Череп из могилы в Керексурин-Ури, уже исследованный Г. Ф. Дебецом, относится к северной (сибирской) ветви монголоидной большой расы. Он близок к палеосибирскому типу из неолитических могил Прибайкалья и хуннских погребений Забайкалья. Вместе с тем он резко отличается от европейского типа, преобладавшего в позднем бронзовом веке в Минусинском крае и на Алтае¹. Таким образом гипотеза о европейности динлинов², поскольку она касается Забайкалья не находит в Забайкалье подтверждения фактами. Скорее всего в Забайкалье в бронзовом веке жили не динлины, как в последнее время обычно предполагали³, а какие-то другие племена.

Поразительное сходство культуры в степях в I тыс. до н. э. дало повод сторонникам стадильной концепции Н. Я. Марра говорить о единой для всех степных племен Евразии т. н. «скифской стадии» исторического развития, сменившей т. н. кимерскую стадию⁴. О племенах, населявших в это время степи Южной Сибири и Центр. Азии, куда входит Забайкалье, говорили, что они находились на одинаковой стадии развития, что у них скифо-сибирская культура. Г. П. Сосновский, например, утверждал, что население долины Селенги прошло через особые «общие для Азии и Восточной Европы стадии исторического развития»⁵. Нет сомнений, что Сосновский имеет в виду именно «скифскую стадию». Иначе он не употребил бы слова «Восточной Европы».

Такой взгляд на историческое развитие древних племен Забайкалья господствовал, как уже было сказано выше, до исследований А. П. Окладникова.

Последний еще до известной дискуссии по вопросам языкознания и до выхода в свет работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» обратил внимание на своеобразные черты культуры забайкальцев в скифское время и пришел к выводу о том, что в Забайкалье т. н. скифской стадии не было.

Он считал, что уже в своей основе забайкальская культура несколько отличалась от типично скифской: хозяйство было своеобразным, в нем наряду со скотоводством некоторую роль играло и земледелие. Но главное, у забайкальцев в скифское время, по мнению А. П. Окладникова, не было столь ярко выраженной, как у скифов, социальной дифференциации и патриархальный род был прочен и далек от своего разложения, а следовательно и не было оснований говорить о какой-то «скифской стадии» развития населения Забайкалья в «скифское время».

¹ Г. Ф. Дебеч, 1952, 1948, 1951.

² Грум-Гржимайло, 1909, 1926, Дебеч, 1931, Ярхо А. Н.

³ Г. П. Сосновский, 1941, стр. 308; А. П. Окладников, 1951-а, стр. 54 (в гл. III, написанной Г. Н. Румянцевым).

⁴ Гольмстен, 1933; Киселев, 1938.

⁵ Г. П. Сосновский, 1941, стр. 274.

Само сходство культуры в степях в это время было очень и очень ограниченным и относительным. Об этом свидетельствуют отмеченные выше черты своеобразия материальной культуры и изобразительного искусства древних забайкальцев.

Некоторые самые обыденные вещи (котлы, уздечки, стрелы) действительно очень похожи у всех этих племен. Но что это означает?

А. П. Окладников пришел к выводу, что это означает только культурные связи. Действительно с выделением в доклассовом обществе пастушеских племен обмен стал обычным явлением. «Пастушеские племена производили не только больше, чем остальные племена, не перешедшие к скотоводству, но и производимые ими средства к жизни были другие. Они имели, сравнительно с теми, не только молоко, молочные продукты и мясо в гораздо больших количествах, но также шкуры, козий пух и все возраставшее с увеличением массы сырья количество пряхи и тканей.

Это впервые сделало возможным регулярный обмен. На более ранних ступенях развития мог происходить лишь случайный обмен, после выделения пастушеских племен, напротив, мы находим готовыми все условия для обмена между членами различных племен для его развития и упрочения»¹.

К тому же обмен был очень легко осуществим. Имелся верховой конь. При этом заимствование культурных достижений могло происходить не только путем обмена. Племена степей переживали в это время эпоху, когда обмен был неотделим от войны, когда грабеж и война были обычными средствами обмена.

Само собой разумеется, что могли быть и другие, в каждом конкретном случае, нам еще пока не известные формы общения, культурных влияний и культурного взаимодействия. Неудивительно поэтому, что всякое сколько-нибудь полезное и удобное для степного быта практическое изобретение, скажем, в роде «скифского» котла, быстро становилось достоянием многих, если не всех степных племен. Вместе с тем, детальное рассмотрение культуры племен Забайкалья в эпоху поздней бронзы и раннего железа и при чрезвычайной скудости данных подтверждает справедливость мысли А. П. Окладникова о том, что эта культура была глубоко самобытной. Эти племена, несомненно, имели свою, глубоко самобытную культуру и вместе с другими племенами составляли этнически особую группу племен Центральной Азии.

Возможно, что отзвуки и их героического прошлого дошли до нас в китайских летописях чжоусского времени, упоминающих о каких-то воинственных северных варварах — «динлинах»².

Возможно, что эти племена, подлинное название которых забыто историей и нам неизвестно, были далекими предками тюркской группы народов. Вероятность такого предположения вытекает из сопоставления погребальных обрядов тюрков³ с погребальным обрядом плиточных могил. И те и другие погребения ориентированы на Восток и имеют „балбалы“, или их прообразы в виде „сторожевых“ или „оленших“ камней. Этот погребальный обряд резко отличается от принесенного позже в Забайкалье хуннами. У хуннских погребений ориентировка строго на

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1949.

² Шиобин-В-Чжан, стр. 166—171. (В частности стр. 170, где говорится о нападении динлинов на посольство Соо-Бу).

³ Бартольд В., 1921.

север, обычная для монгольской группы племен и они не имеют никаких «балбалов» или их прототипов. Погребальный обряд хуннских памятников, особенно древнейших, распространенных еще до образования хуннского племенного союза, во многом остается загадкой¹.

Нам известны только их поздние могилы в северной Монголии и в Забайкалье. Однако и при нынешнем состоянии наших знаний вполне очевидно, что обширные степи Монголии и Забайкалья до образования хуннского племенного союза и до продвижения хуннов после этого на север были заселены не хуннами и не их предками, а обширной группой родственных между собой племен, оставивших плиточные могилы, чуждых во многом в отношении культуры, и в частности погребального обряда хуннам. Достаточно взглянуть на карту распространения плиточных могил, чтобы понять, что население, оставившее плиточные могилы не могло быть предками хуннов. Не могло быть потому, что еще в раннем железном веке, уже когда типично хуннские могилы типа ноин—улинских или дэрестуйских распространились до своих крайних северных пределов, еще севернее их, в низовьях Селенги (Сотниково) и в Прибайкалье (Манхай) продолжали существовать все те же обычные плиточные могилы. В одной из них был найден даже типично «хуннский» наконечник стрелы из железа. Не могли и потому, что в той области, где китайские источники помещают древнейших, досоюзных хуннов (в Чахаре и в Ордосе)², плиточные могилы не распространены. Если принять в соображение все эти сопоставления археологических памятников, то, пожалуй, к давнему спору об этнической принадлежности хуннов³ можно подойти с более определенным критерием, чем анализ хуннских имен в китайской транскрипции. С таким подходом к вопросу более вероятным оказывается считать хуннов предками монголов, а население, оставившее плиточные могилы, предками тюрков.

При таком взгляде на этническую принадлежность населения, оставившего плиточные могилы, и хуннов некоторые отдельные, изредка встречающиеся черты сходства хуннских погребений Забайкалья с плиточными могилами (каменные ящики в хуннских могилах № 5 и 7 в Дэрестуйском Култуке)⁴ вполне объясняются частичным смешением хуннской культуры с культурой коренного населения Забайкалья, часть которого осталась там и после захвата этой страны хуннами. Другая часть этого забайкальского прото-тюркского населения, возможно, была вытеснена хуннами в Прибайкалье, о чем могут свидетельствовать плиточные могилы, раскопанные в 1952 году А. П. Окладниковым в Кудинской степи на горе Манхай, а также плиточные могилы, давно известные на острове Ольхон и в Прибайкалье возле деревни Тырган, в том случае, конечно, если они окажутся такими же поздними, как и на горе Манхай⁵.

Эти вытесненные хуннами переселенцы из Забайкалья могли впоследствии войти в качестве одной из составных частей в группу

¹ Вероятнее всего, хунны хоронили покойников и в мало приметных могилах (так же, как и монголы).

² И. Бичурин, стр. 46.

³ Иностранцев К., 1900. См. в этом сочинении исчерпывающую библиографию и обзор различных теорий тюркизма, монголизма, финнизма и даже славянизма хуннов-гунов.

⁴ Г. П. Сосновский, 1935 г., Ю. Д. Талько-Грышцевич, 1902-а, стр. 35—41.

⁵ А. П. Окладников, 1955, стр. 10.

тюркских скотоводческих племен курыканов — древних предков якутов¹. К такому выводу о возможности переселения, под натиском хуннов, части забайкальского скотоводческого населения в Кудинские степи пришел и виднейший советский исследователь якутской истории А. П. Окладников, открывший столь замечательные в историческом отношении манхайские плиточные могилы, первым обративший на них должное внимание и в полной мере оценивший их важное значение для правильного понимания происхождения якутского народа².

Большой интерес представляют в этой связи его соображения о том, что строители манхайских плиточных могил принесли с собой в долину Куды вместе со скотоводством даже и семена типично степной травы — дырисуна, столь характерной для монгольских и забайкальских степей³.

Вывод о тюркской принадлежности населения позднего бронзового века Забайкалья и о монголоязычности хуннов идет в разрез со старым и преобладавшим еще недавно в советской науке мнением, о тюркоязычности хуннов⁴, а также и с недавно высказанным предположением Г. Н. Румянцева о монголоязычности забайкальского населения в эпоху бронзы⁵. Он основан только на археологических фактах и требует еще проверки со стороны лингвистов и антропологов. Преимущество его перед точкой зрения Румянцева, ставшего на сторону монголизма также и хуннов, заключается, пожалуй, в том, что он дает объяснение смене на территории Забайкалья и Монголии во 2 в. до н. э. важнейшего этнического признака — погребального обряда, чему Г. Н. Румянцев вовсе не уделяет внимания.

Анализ памятников бронзового века показал, что в Забайкалье и Монголии процветала высокая культура бронзового и раннего железного века. Ее носителями были, если оправдается наше предположение, в основном, племена тюркской группы народов.

Обитавшие в то время к югу от них на границах с Китаем хунны принадлежали к совсем другой группе племен, генетически не связанной с населением, оставившим плиточные могилы. Очевидно, они относились к монголоязычной группе народов Восточной Азии. Продвижение их на север в область Забайкалья привело к тому, что процветавшее до их прихода местное население было частично изгнано из своей родины, а оставшееся настолько подавлено, что сохранились лишь немногие следы его культуры. Только в далеком Прибайкалье, в безопасном отдалении от агрессивных хуннов там, где спаслась часть прежнего Забайкальского населения продолжала еще некоторое время существовать эта своеобразная высокая культура скотоводов, впоследствии давшая, очевидно, начало развитой культуре «курумчинских кузнецов», Прибайкалья, т. е. курыканов, предков якутов.

Но как ни разрушительно было нашествие хуннов, нельзя сказать все же, что после него в Забайкалье исчезли всякие следы прежней культуры. Не смогли их начисто смыть и последующие волны сяньбийцев, жуань-жуаней, киргизов и монголов. И не только скотоводческое хозяйство, утвердившееся здесь по-настоящему в бронзовом веке, сохра-

¹ То, что курыканы являются предками якутов доказано было в свое время А. П. Окладниковым, 1951-г, 1949-6, стр. 299—335.

² А. П. Окладников, 1955, стр. 10, 1954-в, стр. 11—15.

³ А. П. Окладников, 1954-в, стр. 13.

⁴ А. Н. Бернштам, 1951 г.

⁵ Г. Н. Румянцев, 1953 г.

нилось, непрерывно развиваясь, до наших дней. Наследием последующих поколений стали и некоторые более специфические стороны культурной жизни забайкальского населения эпохи бронзы — кое-что пережиточно удержалось от того далекого времени, например, в области религии и искусства. Мы уже говорили выше, что хунны в некоторых случаях совершали погребения в каменных ящиках (Дерестуй, могилы 5 и 7)¹, что до некоторой степени напоминало погребальный обряд забайкальцев бронзового века. Но и для эпохи более поздней, когда в Забайкалье господствовали киргизы, хоронившие своих мертвых под большими каменными курганами-керекурсами, также известны здесь иногда отдельные погребения, устроенные под курганами «в гробах, обставленных плитами» (Сухой Ключ¹ и 4)². Еще более схожими с плиточными оказываются могилы тюрков-тукюэ, обнаруженные в Монголии на реке Орхон (см. рис. II, 2)³. Самыми поздними могилами, устроенными по образцу плиточных бронзового века являются могилы, обнаруженные экспедицией НИИК БМАССР, работавшей под общим руководством А. П. Окладникова в Аларской степи, в Прибайкалье и оказавшиеся старинными бурятскими⁴. Но поразительней всего в связи с этим установленное недавно А. П. Окладниковым сходство наскальных изображений птиц, характерных для искусства забайкальского бронзового века с орнаментальным мотивом «орел» на шерстяных чулках ольхонских бурят. Это стилистическое сходство бесспорно свидетельствует, как справедливо отмечает А. П. Окладников, о глубоких корнях бурятского искусства, уходящих еще в бронзовый век⁵ и тем самым так же, как и отмеченные выше поздние «плиточные» погребения, говорит о важной роли прямых потомков первых забайкальских степных скотоводов в процессе образования бурятского народа.

¹ Ю. Д. Талько-Грынцевич, 1902-в, стр. 21—31, 32.

² Ю. Д. Талько-Грынцевич, 1896, стр. 22—31.

³ В. В. Радлов, 1893, табл. LXXI, 1, 2.

⁴ А. П. Окладников, 1948-6, стр. 163.

⁵ А. П. Окладников, 1954-а, стр. 151.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агапитов Н. И. 1881. Археологические исследования в Иркутской губернии. Труды 2-го Арх. съезда в Тифлисе.
- Артамонов М. И. 1931. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками. ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 108—125.
- Артемьев Б. И. 1925. Новые данные об ононском оловянно-рудном районе. Вестник геологического комитета № 1.
- Баженков Н. 1846. Две поездки. Казань.
- Бартольд В. В. 1921. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. Зап. Вост. отд. Имп. Русского географического общества, т. XXV, в. 1—4.
- Бахрушин С. В. 1937. Г. Ф. Миллер, как историк Сибири. (Предисловие к книге Миллера Г. Ф. «История Сибири»), т. I, 1937.
- Бернштам А. И. 1951. Очерк истории тунгусов. Л.
- Бичурин Н. Я. 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. М.-Л.
- Бобринский А. А. 1901. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы, т. III, СПб.
- Богораз В. Г. 1901. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекции Н. Л. Гондатти, находящихся в этнографическом музее АН, СПб.
- Бортвин Н. 1915. Из области древней Сибирской керамики. Зап. Отдел Русск. и слав. археологии Имп. Русск. Арх. О-ва, т. XI, II.
- Веселовский Н. 1915. Современное состояние вопроса о «Каменных бабах» или «балбабах». Записки Имп. Одесского О-ва Истории и древностей, т. XXXII. Одесса.
- Вестник РГО. 1858, часть XXII, отд. V (смесь), стр. 69.
- Витковский Э. К. 1892. Отчет о деятельности ВСОРГО в 1890 г. Изв. ВСОРГО, т. XXIII, № 4 и 5, Иркутск.
- Владимирцев Б. Я. 1927. Кастрен-монголист. Сб. памяти Кастрена к 75-летию со дня его смерти. Л.
- Воробьев М. В. и Р. Ф. НТС. 1954. Работы китайских археологов. Обзор сборников «Тянье каогу баогао» (I, 1936) и «Чжунго каогу сюэбао» (№ 2—4, 1947-1949, Шанхай), «Советская археология», XXI, стр. 430—458.
- Геденштром М. 1930. Отрывки о Сибири. СПб.
- Де Геннин Вильгельм. 1935. Описание уральских и сибирских заводов. Георги. 1799. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, СПб, ч. III.
- Гольмстен В. В. 1933. Из области культа древней Сибири. Известия, ГАИМК, в. 100.
- Городцов В. А. 1914. Культура бронзовой эпохи в средней России. Отчет Русского Исторического музея за 1914 г. М.
- Граков Б. М. 1930. Техника изготовления металлических наконечников стрел

у скифов и сарматов. Труды секции археологии РАННОН, № 5.

Грум-Гржимайло. 1909. Белокурой раса в Средней Азии. Зап. Имп. Русс. Геогр. Об-ва, т. XXXIV.

Грум-Гржимайло Г. Е. 1926. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Л.

Грум-Гржимайло Г. Е. 1948. Описание путешествия в Западный Китай.

Грязнов М. П. 1927-а. Погребение бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки», Л.

Грязнов М. П. и Шнейдер Е. Р. 1927-б. Древние изваяния Минусинских степей. Материалы по этнографии, т. III, в. 2.

Грязнов М. П. 1929. Бронзовый кинжал с озера Котокель. Верхнеудинск.

Грязнов М. П. 1930. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казаки», Л.

Грязнов М. П. 1941. Древняя бронза Минусинских степей. I. Бронзовые кельты. Труды отдела первобытной культуры Эрмитажа.

Грязнов М. П. 1947. Памятники майэмйского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. Кр. сообщ. Ин-та истории материальной культуры, в. XVIII.

Грязнов М. П. 1949. Раскопки алтайской экспедиции на Ближних Елбанах. Кр. сообщ. ИИМК АН СССР, вып. XXVI.

Грязнов М. П. 1950-а. Первый пазырыкский курган. Л. 1950.

Грязнов М. П. 1950-б. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми материалами. Советская археология, XII.

Грязнов М. П. 1950-в. Из далекого прошлого алтайского края. Барнаул.

Грязнов М. П. 1952-а. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. Советская археология, XVI.

Грязнов М. П. 1952-б. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби. Кр. сообщ. ИИМК АН СССР, вып. XV.

Давыдов Д. 1856. О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Забайкальской области, Верхнеудинского округа. Зап. Сиб. отд. Имп. русск. Геогр. Об-ва, кн. II, СПб.

Давыдова А. В. и Шилов В. П. 1952. Предварительный отчет о раскопках Нижне-Иволгинского городища в 1949 г. Зап. Бурят. Монгольск. Научно-Исследоват. Ин-та Культуры, XIII и XIV, Улан-Удэ.

Давыдова А. В. и Шилов В. П. 1953. К вопросу о земледелии у гуинов. «Вестник древней истории» № 2, стр. 193—201.

Дебец Г. Ф. 1925. Следы доисторического человека в долине р. Уды (Забайкалье). Бурятияведение, № 1. Верхнеудинск.

Дебец Г. Ф. 1926-а. Отчет об археологических разведках на оз. Котокель. Бурятияведение, № 2.

Дебец Г. Ф. 1926-б. Итоги и задачи доисторической археологии в Зап. Забайкалье. Жизнь Бурятии, № 4—6.

Дебец Г. Ф. 1931. Еще раз о белокурой расе в центральной Азии. Сов. Азия, № 5—6.

Дебец Г. Ф. 1948. Палеоантропология СССР. М.-Л.

Дебец Г. Ф. 1951. Антропологические исследования в Камчатской области. Труды Северо-Восточной экспедиции, т. I. Труды Института Этнографии АН СССР, новая серия, т. XVII.

Дебец Г. Ф. 1952. Череп человека из плиточной могилы в Керексурии-Ури. Записки научно-исследовательского института культуры и экономики, в. XIV, Улан-Удэ.

Дудин С. М. 1892. Предварительный отчет о поездке из Эрденидзу в Кяхту. Труды Орхонской экспедиции, т. I.

Евтюхова Л. А. и Киселев С. В. 1949. Саяно-Алтайская экспедиция. Кр. Сообщ. ИИМК АН, вып. XXVI.

- Евтюхова Л. А. 1952. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. Материалы и исследования по Археологии СССР, № 24.
- Залкинд А. 1890. Древние могилы в окр. Селенгинска. Изв. Вост. Сиб. отд. Имп. Русск. Географ. о-ва, т. XXI, № 1.
- Заметка без автора. 1876. О могилах около Селенгинска. Изв. Сиб. Стд. Имп. Русск. Геогр. О-ва, т. VII, в. 2—3, Иркутск.
- Из финляндской археологической литературы. Изв. Археолог. Комиссии в. 38, СПб, 1911.
- Иностранцев К. 1900. Хун-ны и гунны (Библиографич. обзор теории о происхождении народа хун-ну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих народов), СПб.
- История Бурят-Монгольской АССР, т. I, издание 2-е, 1954.
- История Монгольской Народной Республики. Москва. Издательство АН СССР, 1954.
1939. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, ч. I—II, изд. НИМК АН СССР (на правах рукописи).
- Казначев А. П. 1907. Мои пути по Монголии и Каму. «Монголия и Кам», Труды экспедиции Русск. Географического о-ва, совершенной в 1899—1901 гг. под руководством Козлова П. К., изд. РГО, т. II, вып. I.
- Каррутерс Д. 1914. Неведомая Монголия. Урянхайский край. СПб.
- Карта полезных ископаемых Лено-Байкальского района, составленная сектором фондов ГРУ в 1930.
- Кастанье П. А. 1910. Древности киргизской степи и Оренбургского края. Груды Оренбургской архивной комиссии, в. XXII.
- Кастрен А. 1860. Путешествие Ал. Кастрена по Лапландии, Сев. России и Сибири. В географическом сборнике И. Фролова «Магазин земледелия и путешествий», т. VI, собрание старых и новых путешествий, ч. II, М.
- Кельберг Г. Поливные поля в Забайкальском крае. 1860. Журнал М.-И. Внутр. Дел, часть 43, № 8, Раздел «Смесь». 1863; Отчет СОРГО за 1863 г.; Газета «Амур».
- Кириллов П. В. 1837. Несколько указаний на археологические остатки в Верхнеудинском округе. Изв. Вост. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. о-ва, т. XXVIII, № 2.
- Киселев С. В. 1947. Монголия в древности. Изв. АН СССР. Серия истории и философии, № 4.
- Киселев С. В. 1951. Древняя история Южной Сибири.
- Клеменц Д. 1886. Древности Минусинского музея. Атлас. Томск.
- Клеменц Д. 1896. Отдельная экскурсия в Вост. Монголию. Изв. Имп. Академии наук, январь, т. IV, № 1.
- Козлов П. К. 1926. Вести из Монголо-Тибетской экспедиции РГО, Изв. Гос. Русского Геогр. о-ва, т. VIII, в. II, Л.-М.
- Козловский. 1899. Заметка. Ежегодник Русск. Географ. о-ва, т. VIII.
- Камарова М. П. 1952. Томский могильник. Материалы исследования по археологии СССР, № 24.
- Кривцова-Гракова О. Л., 1948. Алексеевское поселение и могильник. Труды Госуд. Историч. музея, вып. XVII.
- Кыласов Л. Р. и Маргулан А. Х. 1950. Плиточные ограды могильника. Бегазы. Кр. сообщ. НИМК АН СССР, вып. XXXII.
- Кыласов Л. Р. 1951. Памятники поздних кочевников Центр. Казахстана. Изв. Академии Наук Казахской ССР, серия археологическая, вып. 3.
- Кузнецов А. К. 1892. Археологические изыскания в ЮВ части Забайкалья летом 1892 г. Изд. Вост. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. о-ва, т. XXIV, № 2.
- Кузнецов А. К. 1925. Развалины кондуйского городка и его окрестностей. Владивосток.
- Лаптев С. И. 1924. Археологические заметки из дневника Монгольской экспедиции 1924 г. Труды секций, Вост. отд. Русск. Геогр. о-ва, т. 51, СПб.

- Левин П. П. 1892. Предварительный отчет. Сб. трудов Орхонской экспедиции, т. I.
- Леммлейн Г. Г. 1947. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. Кр. сообщ. Ин-та истории матер. культуры, в. XVIII
- Логиновский К. Д. 1899. Древности Вост. Забайкалья. Зап. Русск. Арх. о-ва, т. XI, в. 1—2.
- Маргулан А. Х. 1951. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. Изв. Академии Наук Казахской ССР, серия археологическая, вып. 3.
- Махалов А. П. 1929. Формы для отливок и бронзовые ножи из Забайкалья. Материалы Читинского краевого музея им. А. К. Кузнецова, в. I, Археология. Иркутск, Чита.
- Миллер Г. Ф. 1937-а. История Сибири.
- Миллер Г. Ф. 1937-б. О сибирских надписях. В книге Миллер Г. Ф. История Сибири.
- Михалкин И. И. 1929. А. К. Кузнецов, как археолог. Сб. памяти А. К. Кузнецова. Чита.
- Михалкин И. И. и Хороших П. И. 1929. Опыт указателя литературы по археологии Забайкалья. Материалы Читинского краевого музея им. А. К. Кузнецова, вып. I. Археология. Иркутск—Чита, 1929.
- Мостиц А. 1894. Археологические находки в окрестн. слободы Усть-Кяхты, протоколы Троицкосавско-Кяхтин. Отд. Приамурского отд. Ими. Русск. Геогр. о-ва, № 3.
- Мостиц А. 1897. Следы доисторического человека в долине Чикоя. Протоколы Троицкосавско-Кяхтинского отд. Приамурского отд. Русск. Геогр. о-ва, № 2—3. Приложение № 2.
- Нестеров М. 1885 Заметка Изв. Вост. Сиб. Отд. Русск. Геогр. о-ва, № 1, 2, 3.
- Овчинников М. П. 1916. Отчет о командировке в г. Киренск для осмотра архивов. Труды Иркутской Ученой Архивной комиссии, в. 3.
- Озерский А. 1867. Очерк геологии, минеральных богатств и горного промысла Забайкалья. СПб.
- Окладников А. П. 1927. Предварительное сообщение об археологических разведках в окр. с. Кабанск. Бурят-Монгольская секция Вост. Сиб. отд. Гос. русск. Геогр. О-ва, Бурятоведческий сборник, в. № IV. Иркутск.
- Окладников А. П. 1937. Очерки из истории западных бурят-монголов.
- Окладников А. П. 1938. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. Вестник древней истории, № I (2).
- Окладников А. П. 1940. Погребение бронзового века в ангарской тайге. Кр. Сообщ. ИИМК АН СССР, № 8.
- Окладников А. И. 1941. Неолитические памятники, как источник по этнографии Сибири и Дальнего Востока. Кратк. Сообщ. ИИМК, вып. IX.
- Окладников А. П. 1948-а. Древние шаманские изображения из Вост. Сибири. Советская Археология, № 10.
- Окладников А. П. 1948-б. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г. Вестник древней истории, № 2.
- Окладников А. П. 1949-а. Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР. Краткие сообщения ин-та Истории материальной культуры АН СССР, в. XXVI.
- Окладников А. П. 1949-б. История Якутии. Якутск.
- Окладников А. П. 1950-а. Неолит Прибайкалья. Материалы и исследования по археологии СССР, в. 18.
- Окладников А. П. 1950-б. Археологические исследования в низовьях реки Селенги. Кр. Сообщ. ин-та «Истории матер. культуры», в. XXXV.
- Окладников А. П. 1950-в. Отчет о работах в долине р. Селенги летом 1947г. Записки научно-исследов. ин-та культуры, X, Улан-Удэ, стр. 61—76.

- Окладников А. П. 1951-а. Новые данные по древнейшей истории Монголии. Вестник древней истории, № 4.
- Окладников А. П. 1951-б. Археологические исследования в Бурят-Монголии. Изв. АН СССР. Серия из истории и философии, т. VIII, № 5.
- Окладников А. П. 1951-в. История Бурят-Монгольской АССР, т. I, Под ред. А. П. Окладникова, Улан-Удэ, Гл. I (Кр. очерк изучения Бурят-Монголии в прошлом и настоящем) написана А. П. Окладниковым и Ф. А. Кудрявцевым. Глава II. Первобытно-общинный строй на территории Бурятии (написана А. П. Окладниковым) с участием И. В. Арембовского), глава III. Прибайкалье в эпоху древних и средневековых государств центр. Азии (Рудянцева Г. Н.).
- Окладников А. П. 1951-г. Происхождение якутского народа. Известия Всесоюзного Географического общества, т. 83, № 4.
- Окладников А. П. 1952-а. Работы Бурят-Монгольской археол. экспедиции в 1947—1950 годах. Кр. Сообщ. ин-та истории материальной культуры, в. XV.
- Окладников А. П. 1952-б. О датировке забайкальских писаниц. Записки научно-исследовательского ин-та культуры. Улан-Удэ, в. XIV.
- Окладников А. П. 1954-а. Образ птицы в искусстве бронзового века Забайкалья и его аналогия в народном искусстве бурят «Советская этнография» № 1, стр. 150—153.
- Окладников А. П. 1954-б. Олений камень с реки Иволги. «Советская археология», XIX, стр. 207—220.
- Окладников А. П. 1954-в. Новые археологические открытия в Восточной Сибири и древняя история Якутии. «Доклады на пятой и шестой научных сессиях. История и филология». Якутск.
- Окладников А. П. 1955. Бронзовый век Прибайкалья, ч. III (глазковское время). «Материалы и исследования по археологии СССР». № 43, М.-Л.
- Отчет Археологической комиссии СПб, 1913.
- Отчет о деятельности Академии Наук СССР за 1928 г., т. II, Л.
- Павлуцкий А. 1867. Краткое описание т. п. чудских древностей, имеющих вблизи Ключинского серебро-свинцового рудника, с указанием нахождения их в др. местах Нерчинского округа. Зап. Сиб. Отд. Русск. Геогр. О-ва, кн. IX и X. Иркутск.
- Палладий О. 1867. Путевые записки китайца Чжан-дэ Хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия. Зап. Сиб. отд. РГО, кн. IX—X. Иркутск.
- Паршин В. 1844. Поездка в Забайкальский край, ч. I. М.
- Першин Д. П. 1866. О своей поездке на берега Ингоды. Изв. Имп. о-ва любителей Естествозн., Антропологии и Этнографии, т. X, IX, в. 3. М.
- Петри Б. Э. 1922. Далекое прошлое бурятского края. Иркутск.
- Петри Б. Э. 1923. Донесторические кузнецы в Прибайкалье. Наука и жизнь, № 1, Чита.
- Петри Б. 1926. Древности озера Косогол (Монголия). Иркутск.
- Петри Б. Э. 1928. Далекое прошлое Прибайкалья. Иркутск.
- Петряев Е. Д. 1954. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита.
- Позднеев А. 1896. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг. Позднеевым, т. I, дневник и маршрут 1892 г., Изд. РГО, СПб.
- Попов А. В. 1920. Находка меднобронзовой гробничной культуры в Забайкалье: Труды секций Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. о-ва, т. 51.
- Попов П. 1877. О древних могилах близ дер. Бальды. Изв. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. о-ва, т. VIII, № 1—2.
- Попов П. А. 1861. В. Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной общественной и частной жизни в России в первой половине прошедшего столетия. Изд. К. Солдатенкова Н.
- Потанин Г. Н. 1881. Очерк Северо-западной Монголии. СПб.

- Потапов Л. П. 1948. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск.
- Про-Пеллер. 1915. Путевые заметки Катаргана. Изв. Имп. Археологич. Комиссии. Приложение к вып. 57, а также «Забайкальская Новь», 13 августа, № 2032.
- Птицын В. В. 1896. Селенгинская Даурия. Очерки Забайкальского края. СПб.
- Радищев А. П. 1941. Сокращенное повествование о приобретении Сибири. Отрывок. Полное собрание соч., т. II. Изд. АН СССР. М.-Л.
- Радлов В. В. 1888. Сибирские древности, т. I, в. I. Материалы по археологии России, № 3.
- Радлов В. В. 1891 Сибирские древности, т. I, в. 2. Матер. по археолог. России, № 5.
- Радлов В. В. 1892. Атлас древностей Монголии, в. I «Труды Орхонской экспедиции».
- Радлов В. В. 1894. Сибирские древности, т. I, в. 8. Материалы по археологии России, № 15.
- Радлов В. В. 1896. Атлас древностей Монголии, в. III, «Труды Орхонской экспедиции».
- Радлов В. В. 1902. Сибирские древности. Материалы по археологии России, № 27.
- Рерих Н. Н. 1900. Звериный стиль у кочевников Сев. Тибета № 3.
- Риттер К. 1879. Землеведение Азии, т. V, СПб.
- Рохлин Д. Г., Рубашова А. Е. и Сергиевский Ф. П. 1934. Уровская или Кашин-Бековская болезнь в свете клиникорентгенологических и палеопатологических данных. «Вестник рентгенологии и радиологии», т. XIII, в. 2—1. Л.-М., 1934, стр. 115—129.
- Рыгдылон Э. Р. 1950. Неолитические находки на Нижне-Березовской стоянке. Советская Археология, XII.
- Руденко С. И. 1948. Второй пазырыкский курган. Л.
- Руденко С. И. 1950. Горноалтайские находки и скифы. М.-Л.
- Руденко С. И. 1953. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.-Л., изд. Академии наук.
- Румянцев Г. Н. 1949. Г. П. Сосновский. Плиточные могилы Забайкалья. Труды отдела истории первобытной культуры, т. I, 1941, «Зап. НИИК», т. IX, стр. 241—243.
- Румянцев Г. Н. 1953. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа. «Зап. Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры», XVII, стр. 30—61.
- Сборник музея Антропологии и Этнографии, т. III, Л. 1916. Северная Монголия. Предварительные отчеты Лингвистической и Археологической экспедиции о работах, произведенных в 1925 г. Л.
- Скалон В. И. и Хороших П. П. 1951. Об оленных писаницах Северной Азии. Кр. Сообщ. НИИМК АН СССР, вып. XXXIX.
- Скалон В. И. 1956. Оленные камни Монголии и проблема происхождения оленеводства. «Советская археология», т. XXV.
- Сосновский Г. П. 1953. К археологии Ангарского края. Сибирская живая старина, № 1.
- Сосновский Г. П. 1926. Заметки по археологии Прибайкалья. Изв. Вост. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. О-ва, т. II.
- Сосновский Г. П. 1929. Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г., т. II. Л.
- Сосновский Г. П. 1933. Древнейшие следы скотоводства в Прибайкалье. Изв. Гос. Академии Истории Матер. Культуры, в. 100.
- Сосновский Г. П. 1934-а. К истории добычи олова на востоке СССР. Проблемы истории докапиталистического общества № 1—2.
- Сосновский Г. П. 1934-б. Нижне-Иволгинское городище. Проблемы истории докапиталистич. общества, № 7—8.

Сосновский Г. П. 1935. Дарестуйский могильник. Проблемы истории докапиталистич. общества, № 1—2.

Сосновский Г. П. 1940. Ранние кочевники Забайкалья. Кр. Сообщ. НИМК АН СССР, в. VIII.

Сосновский Г. П. 1941. Плитошные могилы Забайкалья. Труды Эрмитажа. Отдел Первобытной культуры.

Спасеский Г. 1819. Памятники древности в Сибири, Северной и Восточной. Сибирский вестник, 1818, ч. IV, СПб.

Спафарий П. 1882. Путешествие Спафария через Сибирь в 1675 г. Записки Русск. Геогр. О-ва, т. X, в. I.

Спицын А. А. 1918. Курганы скифов-пахарей. Изв. Имп. Арх. Комис. вып. 65.

Стуков Г. 1894. Прогулка по Агинским степям. Газета «Вост. Обозрение» №117.

С. У., 1926. 35-летие Троицкосавского музея. «Бурят-Монгольская правда» №228

Талько-Гринцевич Ю. Д. 1896. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Протоколы Троицкосавско-Кяхтинского Отд. Приам. Отд. Имп. Русск. Геогр. о-ва, № 6.

Талько-Гринцевич Ю. Д. 1899. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отд. Приам. отд. Имп. Русск. О-ва, т. I, вып. 2. М.

Талько-Гринцевич Ю. Д. 1900-а. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отд. Приам. Отд. Имп. Русск. Геогр. О-ва, т. I, в. 8.

Талько-Гринцевич Ю. Д. 1900-б. Древние обитатели Центральной Азии. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отд. Приамур. отд. Имп. Русск. Геогр. О-ва, т. 2, в. 1—2.

Талько-Гринцевич Ю. Д. 1903-а. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отд. Приамурск. Отд. Имп. Русск. Географ. О-ва, т. III, в. I.

Талько-Гринцевич Ю. Д. 1902-б. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отдел. Приамурского отдела Имп. Русск. Геогр. О-ва, т. IV, в. I.

Талько-Гринцевич Ю. Д. 1902-в. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отд. Приамурск. Отд. Имп. Русск. Геогр. О-ва, т. II, в. 2—3.

Талько-Гринцевич Ю. Д. 1905. Древние памятники Западного Забайкалья, Труды XII Археолог. съезда, т. I, М.

Талько-Гринцевич Ю. Д. 1928. Население древних могил и кладбищ Забайкальских. Верхнеудинск.

Теплоухов С. А. 1927. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, т. III, в. 2. Л.

Теплоухов С. А. 1929. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Материалы по этнографии, т. IV, в. 2.

Термен А. Н. 1912. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. Очерки и впечатления, СПб.

Толмачев В. Я. 1929. Предметы «костяного века» из Восточной Сибири. Сообщение ГАИМК, № 2, Л.

Толмачев В. Я. Следы скифо-сибирской культуры в Маньчжурии. Вестник Маньчжурии, № 6, Харбин.

1950. Труды Семиреченской археологической экспедиции составленные под руководством Бернштама А. Н. Материалы и исследования по археологии СССР, № 14.

Тугутов Р. Ф. 1954. Прошлое и настоящее города Кяхты (краткий очерк). Бурмонгиз.

Ферсман А. Е. 1921. Самоцветы России. П.

- Ферсман А. Е. 1954. Очерки по истории камня, т. I. М.
- Флуг К. К. 1934. Материалы по истории Китая. Период Инь-Шань. Библиография Востока, 7.
- Хадалов П. И. и Румянцев Г. И. 1954. Бурят-монгольский научно-исследовательский институт культуры. Сб. «Материалы по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР», в. I, стр. 39—69.
- Чернецов В. И. 1947. Опыт типологии западно-сибирских кельтов. Кр. Сообщ. НИМК АН СССР, вып. XVI.
- Черников С. С. 1951-а. О работах восточно-казахстанской экспедиции 1948 г. Изв. АН Казах. ССР, серия археол., вып. 3.
- Черников С. С. 1952. Восточно-казахстанская экспедиция, 1950. Кр. Сообщ. НИМК АН СССР, вып. XVIII.
- Чернышевский Н. Г. 1906. Полн. собр. соч., т. VIII, СПб.
- Швецова. 1898. Алтайские калмыки. Зап. Сиб. отд. ИРГО, кн. XXII, Омск.
- Шнобин-В-Чжан. 1926. Следы пребывания китайцев в Сибири. Изв. Вост. Сиб. отд. Русск. Геогр. О-ва, т. 51.
- Шулунов Ф. 1948. Из древней истории Прибайкалья. Бурмонгиз.
- Эйхвальд Э. И. 1858. О чудских коях. Труды Вост. Отд. Арх. О-ва, ч. III.
- Этнографические путешествия Кастрена по Западной Сибири. Географич. Изв., в. . 2, 1848.
- Ядринцев Н. М. 1892. Предварительный отчет об исследованиях по р. Толе, Орхону и в Южном Хингане. Сб. трудов Орхонской экспедиции, т. I.
- Ярхо А. Н. 1947. Алтае-сайские тюрки. Абакан.
- Andersson J. G. —1932. Huntingmagic in the animal style the museum of far eastern antiquities. Stockholm. Bulletin № 4.
- Andersson J. G.—1933. Selected ordos bronzes. The museum of far eastern antiquities. Bulletin № 5. Stockholm.
- Arne T. J.—1933. Die Funde von Laun Ping und Hsuan Hua. The museum of far eastern antiquities. Bulletin № 5. Stockholm.
- Appelgren—Kivalo, 1912. Vogelkopf und Nirsch, als Ornamentmotive in der Vorzeit Sibiriens. Finnisch-Ugrische Forschungen, Bd. XII
- Appelgren-Kivalo N. — 1931. Alt-altaische Kunstdenkmaler. Nelsingfors.
- Aspelin —1874. Sur l'age du bronze altaico-ouralien. Compte Rendu Congr. Internat. d'Antropol. etc. Stockholm.
- Birger Bonlin—1950. Description of some Graves at the Northern Foot of the Nan-Shan. Ethnos, vol. XV.
- Evert M.—1926. Reallexikon der Vorgeschichte.
- Gmelin D. J. G. —1752. D. I. G. Gmelins Reise durch Sibirien. Zweiter Teil. Gottingen.
- Grano J. G. — 1912. Archaeologische Beobachtungen von meiner Reise in Sudsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909. Journal de la Societe Finno-Ougrienn X XVIII, Nelsinki.
- Heikel H. 1892. Inscriptions de J'Orkhon. Helsingfors.
- Inner Mongolia and the Region of the Great Wall. Archaeologia Orientalis. B Series, vol. I. 1935.
- Jettmar K.—1950. The karasuk culture and its southeastern affinities. The museum of far eastern antiquities. Stockholm. Bulletin № 22.
- Lauffer B.—1909. The Chinese Pottery of the Han dynasty. Leiden.
- Лицзи —1949. Бронзовые предметы, обнаруженные в Сютуше (Аньян). Китайский археологический журнал № 4. Шанхай
- Loehr M. —1949. Ordos Daggers Knives. Artibus Asiae, vol. XII, 1/2, Ascona.
- Loehr M. —1951. Ordos daggers and knives. New material, classification and chronology. Second Part: Knives. Artibus Asiae, vol. XIV, 112.
- Maenchen-Helfen Otto —1939. The Ting-ling. Harvard Journal of Asiatic Studies, v.4.
- Maringer—1950. Contribution to the Prehistory of Mongolia. Publication 34. VII. Archaeology 7. Stockholm.
- Martin —1893. L'age du bronze au musee de Minoussinck. Stockholm.
- Merhart G. 1926. Bronzezeit am Jenissei. Wien.
- Montelius. — 1900. Die Chronologie der altesten Bronzezeit. Arch. f. Antrop., XXV и XXVI.

Muller S. —1884. Ursprung und erste Entwicklung der Europäischen Bronzekultur. Arch. f. Antrop. XV. 3. 1884.

Pallas —1773—1788. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches. Th. III.

Pallas —1782. Neue nordische Beiträge zur physical Naturgeschichte Bd. III.

Rau P. —1929. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk.

Reinecke P. —1897. Über einige Beziehungen der Altertümer Chinas zu denen des skytisch-sibirischen Völkerkreises. Zeitschrift für Ethnologie. XXI, 5, Berlin.

Reinecke P. —1940. Report of the first scientific Expedition to Manchoukuo. Tokyo.

Salmony —1933. Sino Siberian Art in the collection of the C. T. Loc Paris.

Tallgren A. M. —1911. Die Kupfer — und Bronzezeit in Nord und Ostussland. Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft. XXV, Nelsingfors.

Tallgren A. —1916. Collection Zaccussailow. Helsingfors.

Tallgren A. M. —1917. Collection Tovostine. Nelsingfors.

Wocel J. E. —1869. Die Bedeutung der Stein—und Bronzealtertümer für die Urgeschichte der Slaven. Abhandlg. der Wissenschaften, VI. Folge, 3 Bd. Prag. 1870.

Worsaae I. I. A. — Ses ages de pierre et de bronze dans l'ancien et le nouveau monde. Mem. Soc. des Antiquaires du Norb. 1878—1883. Kopenhagen. Original 1878.

РУКОПИСИ

Кузнецов А. К. Дополнения к статье «Чудские бугры». Сведения о курганах и маяках, встречающихся в Перчинском и смежных округах (1889), собраны в 1889 г. Архив ЛОИИМК АН СССР, фонд 42, № 44.

Кузнецов А. К. «Маяки в Агинской степи». Архив ЛОИИМК АН СССР, ф. 42, № 44.

Попов В. В. Отчет о деятельности Бурят-Монгольского Научного о-ва с 1 ноября 1926 г. по 1 декабря 1929 г. Архив ЛОИИМК АН СССР, ф. 42, арх. № 44.

Рыгдылон Э. Р. Археологические разведки в БМАСР летом 1936 г. Архив ЛОИИМК АН СССР, ф. 42, арх. № 77.

Сергеев Г. П. Селенгинская археологическая экспедиция 1935—36 г., хранится в Улан-Удэнском Республиканском музее (без шифра).

Сосновский Г. П. Материалы раскопок плиточных могил Западного Забайкалья. Архив ЛОИИМК АН СССР, фонд 42, № 9, 44, 77, 183, 184, 185, 187, 188.

Сосновский Г. И. Энеолит Селенгинской Даурии. Архив ЛОИИМК, арх. № 164.

Сосновский Г. П. Плиточные могилы Вост. Забайкалья. Архив ЛОИИМК АН СССР, фонд 42, арх. № 43.

Сосновский Г. П. Забайкальский карасук. Архив ЛОИИМК АН СССР, фонд 42, арх. № 50.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЕ НАДПИСИ К ТАБЛИЦАМ РИСУНКОВ

I. Классификационная таблица памятников бронзового века Забайкалья. Слева от средней вертикальной линии — вещи из плиточных могил; справа — подъемный материал. В верхнем правом углу — плиточная могила.

II. Плиточные могилы. 1) Могила со сторожевым камнем в Чиндачах (по А. К. Кузнецову), 2) Тюркская могила в Монголии (по В. В. Радлову), 3) Могила с плиточным настилом в Барун-Кондуе (по А. К. Кузнецову), 4) Могила с настилом в Ср. Суджи (по Г. П. Сосновскому).

III. Плиточные могилы. 1) Могила возле г. Селенгинска (по Леонову); 2) Могила «Кара-Баян» вблизи Кондуя, в долине Урулюнгуя (по Павлуцкому); 3) «Ворота» возле могилы «Кара-Баян» (по Нестерову); 4, 5 — план и разрез могилы «Кара-Баян» (по Нестерову).

IV. Плиточные могилы. 1) Тапхар, 63; 2) Сосновая падь, 113; 3) Тапхар 66; 4) планы

могильников в районе Кондуя. 1, 2, 3 — по Г. П. Сосновскому; 3, 4 по А. К. Кузнецову.

V. Плиточные могилы. 1) Тапхар, 61; 2) могила на Ихерике; могила № 67. 1, 3, по Г. П. Сосновскому; 2 — по Ю. Д. Талько-Грынцевичу.

VI. Могилы «с насыпью» (II тип по Г. П. Сосновскому). 1) Тапхар, 62; 2) Енисей, 107; 3) Енисей, 104; 4) Канчеранка, 21; 5) Канчеранка, 20.

VII. Могилы толгойского типа (по Г. П. Сосновскому). 1) Толгой, 8; 2) Саянтуй, 87; 3) Саянтуй, 15; 4) Саянтуй, 16.

VIII. Наиболее сохранившиеся скелеты из плиточных могил. 1) Тапхар, 68; 2) Кереку-рин-Ури, 1; 3) Убур-Билүтай, 102; 4) Убур-Билүтай, 99; 5) Саянтуй, 16; 6) Толгой, 19; 7) Саянтуй, 10; 8) Саянтуй, 91. 1, 3—8 по Г. П. Сосновскому; 2 — по А. П. Окладникову.

IX. Бронзовые вещи из плиточных могил. 1) близ Перчинска; 2) Усть-Куэнга; 3) Тапхар, 68; 4) Тапхар, 61; 5) Саянтуй, 10; 6) Тапхар, 61; 7—8) Саянтуй, 10; 9) Тапхар, 59; 10) Сотниково, 17 (по фотографии Г. П. Сергеева); 11) Ихерик, 10; 12) Саянтуй, 91; 13) Доро-Хара-Толгой, 1; 14) Тапхар, 59; 15) Ара-Суджи, 1; 16) Шаманский Камень, 1.

X. Костяные предметы из плиточных могил. 1) Саянтуй, 10; 2, 6) Убур-Билүтай, 101; 3, 4, 7, 8, 11, 12, 15, 16, 24) Сотниково, 12) Улан-Удэнский музей; 5) Могила в долине Селенги; 9, 10) Тапхар, 61; 13—14—Сотниково, 18) Улан-Удэнский музей; 17, 20 — Тапхар, 60; 19 — Тапхар, 61; 22 — Нарын-Хундый; 23 — Тапхар, 69; 26 — Тапхар, 62; 27 — Сотниково, 2. 1, 5, 6, 10, 17, 19, 20, 23, 26 — по Г. П. Сосновскому; 8, 16, 18, 24 — по Г. П. Сергееву; 2, 3, 4, 16, 11 — 15, 22, 25, 27 — рис. автора.

XI. Каменные и железные изделия из плиточных могил. 1) Могила близ Буренского караула; 2, 3, 5 — Сотниково, 15; 6) Ихерик, 8; 7) Ихерик, 8; 8, 10 — сердоликовые бусы, Саянтуй, 4, Тапхар, 62; 9) бирюзовая бусина, Сотниково, 12; 11 — 12) пиррофилитовые бусы; 1-а реконструкция рукояти — упора к скреблу. 6 и 7 — по Ю. Д. Талько-Грынцевичу. Остальные рисунки автора.

XII. Обломки глиняной посуды из плиточных могил. 1) Саянтуй, 13; 2) Тамир, 2; 3, 7) Шаманский камень, 1; 4) Шаманский камень, 1; 5) Саянтуй, 13; 6) Толгой, 9; 8) Сотниково, 12; 9) Сотниково, 15; 10) Шаманский камень, 4; 11) Тапхар, 69; 12) Тапхар, 69; 13) Хара-Усу, 4; 1, 5, 11, 12) по Г. П. Сосновскому; 2, 13) по Ю. Д. Талько-Грынцевичу.

XIII. Обломки глиняной посуды из плиточных могил. 14) Сухой Ключ, 4; 15) Шаманский камень, 1; 16) Сотниково, 15; 17) Дюрбены, 2; 18) Сухой Ключ, 4; 19) Сотниково, 12; 20) Черный камень, 6; 21) Толгой, 7; 22) Толгой, 9; 23) То же. 14, 15, 17, 18, 20 — по Ю. Д. Талько-Грынцевичу.

XIV. Обломки глиняных сосудов-триподов. 24) Читинский музей, № 354, 1, 2; 25) Кяхтинский музей, № 3131, 42; 26) Читинский музей, № 822; 27) Долина Ингоды, Читинский музей, № 403; 28) Читинский музей, № 503; 29, 30) на выдувах возле Кяхты, Иркутский музей, № 1041 и № 7904—44; 31) долина р. Савы, Кяхтинский музей, № 3035.

XV. Оленные камни Забайкалья. 1) Плиточная могила с оленным камнем на Санном мысе, в долине р. Уды (по Гранэ); 2, 3 — Изображения на иволгинском оленном камне, находящемся ныне в Иркутском музее (по А. П. Окладникову); 4) Оленный камень возле Гусиного озера (ныне в Кяхтинском музее) рис. по Г. П. Сосновскому. Архив ЛОИМК, фонд 42, № 182, листы 10 и 33.

XVI. Оленные камни Монголии. 1) Хангай по Гранэ; 2—4) р. Орхон, по Радлову; 5—7) река Читыг, по Потанину; 8) Туранская дер., по Радлову; 9) Дани-Гуль, по Потанину; 10) Чуйский тракт (Алтай), по Эберту, Гранэ и Швецову; 11—12) река Читыг, по Потанину; 13) река Орхон, по Радлову.

- XVII. Оленные камни Монголии.** 1) Река Читыг, по Потанину; 2) Ханый, по Радлову; 3) Нарын-Гол, по Радлову; 4—5) Уюк, по Радлову; 6) Цыцырлык, по Радлову; 7) Даган-Даль, по Позднееву; 8—9) Самаглалтай (Тува), по Евтюховой и Киселеву.
- XVIII. Писаницы Забайкалья и Монголии.** 1) окр. Кондуя; 2) Хойцагорская скала; 3) Сотниково, 3-я падь; 4—6) Долина Селенги; 7) утес Сахан-Заба (р. Анга); 8) Олений камень, река Иволга; 9) Саянтуй; 10) Хачурт, Монголия; 11) скала на реке Уйур-Таргатыч, Монголия; 12—16) бронзовые ножи из Ордосско-Суйюанского района. 1) по А. Кузнецову; 2) по Кириллову; 3) по А. П. Окладникову; 4, 5, 6, 8, 9, 7 — по Т. С.; 11) по В. В. Радлову; 12—17) по Лоеру и Окладникову.
- XIX. Случайные находки — каменные литейные формы** (рис. автора). 1) недалеко от улуса Хара-Бусун, в долине Селенги; 2) выпажана около села Бехлемишева, примерно в 60 км к западу Читы (опубликована А. И. Махаловым, стр. 19). Обе формы из талькового сланца. Хранятся: 1 — в Кяхтинском музее; 2 — в Читинском музее (№ 930).
- XX. Случайные находки — каменные литейные формы** (рис. автора); 3, 4, 5 — вблизи села Бехлемишева. Хранятся в Читинском музее (№№ 931, 932, 881). Материал — тальковый сланец.
- XXI. Случайные находки — бронзовый чекан и бронзовые наконечники копий** (рис. автора). 1 — в верховьях реки Джиды, при обработке поля; 2 — в окрестностях Кяхты, на верхней Суджи; 3 — точное местонахождение неизвестно. Хранятся в Кяхтинском музее (№№ 2450, 1661—1, 3093).
- XXII. Случайные находки — бронзовые наконечники стрел, декоративная бляшка и бусы.** (рис. автора). У наконечника № 10 — железный стерженек. 1, 2, 3, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16 — точное местонахождение неизвестно; 4 — на реке Онон, у села Куранжа; 8 — в районе Кяхты; 14 — в долине Чикоя, у села Дурены. 1 — в Улан-Удэнском музее; 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 11, 12, 13, 14 — в Кяхтинском музее (№№ 529, 1255—1, 2685—7, 3065, 3046—5, 3046—4, 2920—226, 3012—137, 1033—2, 1457—21; № 982) 9 — в Читинском музее.
- XXIII. Случайные находки — бронзовые кинжалы и мечи.** 1 — в долине Онона, вблизи села Усть-Кулутай (опубликован Киселевым С. В., 1951, табл. XI, рис. 7); 2 — в Забайкалье, поступил от вдовы Овчинникова в Иркутский музей в 1921 г.; 3 — на правом берегу Онона, возле села Усть-Тулутаевского, в 18 км. ниже Акши; 4 — в 50 км. к СВ от Нерчинска в 1951 году (Опубликован С. В. Киселевым, 1951, XI, рис. 15); 5 — выпажан в районе озера Котокель, в Горячинском хошуне Баргузинского аймака, БМАССР (опубликован М. П. Грязновым, 1929, в настоящее время утерян). 1, 3, 4 — хранятся в Читинском музее (1 — № 905), 2 — в Иркутском музее (№ 7540—95). 1, 2, — рис. автора; 3 — по Г. П. Сосновскому; 4 — по С. В. Киселеву. 5 — по М. П. Грязнову. Рис. 3, 4, 5 в уменьшенном масштабе.
- XXIV. Случайные находки — бронзовые ножи** (рис. автора). 2 — на берегу Онона, вблизи села Усть-Тулутай; 4 — в Восточном Забайкалье; 5 — вблизи села Дурены; 6 — в пади Харганатай, вблизи села Усть-Иля; 9 — в долине Хилка. 1, 3, 7, 8, 9-а — точное местонахождение неизвестно. 1, 3, 7, 8 — в Улан-Удэнском музее. 2, 6, 9 — в Читинском музее (№ 906, 875, 992); 4 — утерян, но в Читинском музее имеется фото, а в архиве ЛОИМК рисунок Г. П. Сосновского — ф. 42, № 42, лист 39. 5 — в Кяхтинском музее, № 3127—2. 9-а по рисунку М. П. Грязнова.
- XXV. Случайные находки — бронзовые ножи** (рис. автора). 11 — в долине р. Хилка; 12 — в долине Хилка, возле улуса Ара-Киреть; 13 — в долине Онона; 14 — в Восточном Забайкалье; 16 — в окр. озера Котокель, возле с. Гремячего, в Баргузинском аймаке; 18 — в В. Забайкалье; 19 — в долине р. Джиды, у с. Торей;

20 — в долине Селенги, между Усть-Кяхтой и Караванкой; 21 — в долине Хилка; 23 — на выдувах, вблизи Усть-Кяхты (в долине Селенги). 10, 22 — в Улан-Удэнском музее; 11, 13, 14, 15, 21 — в Читинском музее (991, 998, 993, 990); 12 — в Усть-Кяхтинском музее; 16, 17, 19, 20, 23 — в Кяхтинском музее (№№ 7788—138, 1881—3, 796—1, 1277—1, 419—1); 18 — утерян, в Читинском музее имеется фото.

XXVI. Случайные находки — бронзовые ножи (рис. автора). 25 — в окр. Усть-Кяхты; 27 — в В. Забайкалье; 29 — возле с. Покровка, в бассейне Селенги; 30 — в долине Хилка (опубликован Махаловым, стр. 21); 33 — на пашне, возле с. Тарбагатай, в 40 км. от Улан-Удэ; 34 — на глубине 4,2 м. в наносном грунте по р. Черный Урюм, у разъезда № 4 Амурской ж. д.; 35 — под мостом через р. Тарбагатай в бассейне р. Хилка (вблизи села Тарбагатай). 24, 26, 28 — в Улан-Удэнском музее; 5 — в Иркутском музее (№ 1101—1); 27, 30, 32, 34 — в Читинском музее (27 — без номера, остальные №№ 126, 877, 994); 29, 31, 33, 35 — в Кяхтинском музее (33, 35 — №№ 484—, 1183—1).

XXVII. Случайные находки — бронзовые ножи (рис. автора). 36 — в В. Забайкалье; 37 — в долине Онона, возле с. Усть-Тулутай; 38 — в Исток-Котокеле, в Баргузинском аймаке; 39 — в окр. с. Тункинское, в долине р. Туники; 41 — в дол. р. Хилки, у дер. Подлопатка; 42 — в обрыве р. Савы, возле Усть-Кяхты; 43 — в долине Чикоя, возле с. Большой Луг; 44 — в долине Онона; 45 — в долине Чикоя, на выдувах выше с. Дурены; 46 — на берегу Чикоя, возле с. Красный Яр; 47 — в Ара-Цзокуй. 48 — в долине Селенги, возле с. Никольского; 50 — в долине Онона. 36 — утерян, в Читинском музее — фото; 37, 44, 49, 50, 51 — в Читинском музее (37, 51 — номера не имеют; остальные №№ 982, 999, 996); 38, 40 — в Улан-Удэнском музее (38 — № и-к 1—51); 39, 48 — в Иркутском музее (№№ 1394—1, 1132—1); 41, 42, 43, 45, 46, 47 — в Кяхтинском музее (41, 47 — без №; остальные номера — 1037—1, 3024—1, 2920—223; 450—1).

XXVIII. Случайные находки — бронзовые ножи (рис. автора). 53 — в долине Чикоя, у деревни Поворотной; 55 — на реке Исток-Котокель, вблизи озера Котокель; 56 — в окр. Усть-Кяхты; 57 — в долине Онона, возле с. Усть-Тулутаевского. 58 — в долине Хилка; 52, 53, 56, 59, 60 — в Кяхтинском музее (№№ 3223, 954—1, 793—1; 59, 60 — без номеров), 54—55 — в Улан-Удэнском музее (55—№ н—К 1—51), 57, 58 — в Читинском музее (номера 994, 995).

64—1

XXIX. Случайные находки — бронзовые ножи (рис. автора). 62 — в долине Чикоя, у с. Большой Луг; 64 — в долине Чикоя, на песчаных выдувах возле с. Дурены; 66 — в долине Онона; 67 — на выдувах возле дер. Фофаново, на берегу Селенги; 68 — в бассейне Чикоя, недалеко от Кудары; 70 — в долине Хилка; 72 — в долине Селенги, на выдувах возле дер. Фофаново. 61, 71 — в Улан-Удэнском музее (71—№ 6); 62, 64, 65, 68, 69 — в Кяхтинском музее (номера 1041—1, 197—1, 1345—3, 596—1, 3064); 63, 66, 70 — в Читинском музее (63 — без №; 66, 70 — номера 986, 987); 67, 72 — в Иркутском музее (67—№ 1002—6, 72—без №). Оба последних ножа найдены А. П. Окладниковым.

XXX. Случайные находки — бронзовые нельты (рис. автора). 1 — в долине Джиды, у с. Ключи; 2—3 — точное местонахождение неизвестно. 1 — в Кяхтинском музее (2506—1); 2, 3 — в Улан-Удэнском музее.

XXXI. Случайные находки — бронзовые нельты (рис. автора) точное местонахождение неизвестно. 4, 6 — в Читинском музее (№№ 972, 973). 5 — в Кяхтинском музее (номер 3064).

XXXII. Случайные находки — бронзовые нельты (рис. автора). 7 — в долине Чикоя, у с. Дурены. 8 — в 40 км. от Улан-Удэ; 9 — на поверхности земли, в лесу, в

25 км. к СВ от Усть-Кяхты; 7, 8 — в Кяхтинском музее (№№ 1881—1, 483—1, 10 — в Читинском музее № 973); 9 — в Усть-Кяхтинском музее.

XXXIII. Случайные находки — бронзовые проколни, шилья, руноятни, долото и удила (рис. автора). 2 — в окр. Кяхты; 3 — в Зап. Забайкалье; 4 — в Вост. Забайкалье; 5 — там же; 8 — у с. Харацай, на р. Джиде; 9 — в Зап. Забайкалье; 10 — в Вост. Забайкалье; 11 — в Зап. Забайкалье; 12 — в долине Хилка, возле с. Подлонатка; 13 — в Зап. Забайкалье. Точное местонахождение остальных вещей неизвестно. 1, 4, 5, 10, 15, 16 — в Читинском музее (5 — без №; остальные — № № 978, 134, 980, 975, 984); 2, 3, 6, 7, 8, 11, 12, 13, 14 — в Кяхтинском музее (1033—1, 205—8, 1881—2, 1881—4, 1216—1, 1317—1, 3012—138, 1884—54, шило № 11 хранится без номера); 9, 71 — в Улан-Удэнском музее (без этикеток).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

МОГИЛЫ У ДЕРЕВНИ СОТНИКОВО

(пункт 18)¹

Деревня Сотниково находится в 10 км вниз по Селенге от г. Улан-Удэ, на левом берегу.

На расстоянии 1 км к северу от деревни к самой пойме реки подступает высокий горный массив — отроги хребта Хамар-Дабана — расчлененный тремя падами, по бокам которых, со стороны поймы, высятся живописные утесы. Здесь кончаются обширные селенгинские пастбища. За ними начинается тайга. Могилы, раскопанные здесь в 1935—36 гг. Г. П. Сергеевым и в 1948 г. А. П. Окладниковым, являются самыми северными в долине реки Селенги.

Могилы (вперемежку с кочевническими) разбросаны 9-ю группами по северному склону ближайшей к деревне Сотниковской пади и в соседнем распадке.

Некоторые из них лежат у самой дороги, выходящей по надпойменной террасе.

Группы состоят из следующего количества могил: одна из 2, четыре — из 3, одна — из 4, одна — из 6, одна — из 7 и одна из 9 могил.

Могилы четырехугольные. Размер их от 2,5 x 1,5 до 4,3 и 3,4 м. Есть и совсем маленькие, детские. Все они, очевидно, разграблены: у большинства из них плиты оградок выворочены или разбиты и увезены местным населением.

Наибольший интерес представляют могилы №№ 1, 12, 15, 17, 18, раскопанные Сергеевым.

Могила №1.

Единственно не разграбленная. Обставлена прямоугольной плиточной оградой (2,8x2 м), незначительно выступающей на поверхность и ориентировочной продольной осью с востока на запад.

На глубине 30 см. во влажном слое темного цвета лежал на левом «боку» почти полностью истлевший костяк с подогнутыми в коленях ногами и вытянутыми вдоль туловища руками.

Покойник был ориентирован головой, лежащей на гранитной плите, на В. Из костей скелета сохранились только длинные трубчатые кости (более плотные, чем остальные, истлевшие) и часть костей черепа. За его спиной около головы находились кальцинированные, раздробленные кости овцы. В поясной части скелета найдены сильно деформированные железные полусферические бляшки.

¹ Извлечены из дневника Г. П. Сергеева.

Могила № 12.

Прямоугольных очертаний. Размер оградки 4,37х3,40 м. Ориентировка продольной осью З—В. Плиты склонились внутрь и значительно запылились землей. Дневная поверхность внутри оградки была на 0,5 м. выше уровня почвы.

В выбросе на слое погребенной почвы были встречены раздробленные трубчатые кости крупных животных, зубы и нижняя челюсть коня. Кости имели зарубки и следы ударов острым орудием. На некоторых из них следы зубов собаки. За оградкой была встречена и большая часть керамических фрагментов. Внутри могилы — камни, наваленные в беспорядке.

В восточном углу могилы на камнях, «под дерновым слоем толщиной в 10 см керамические фрагменты без орнамента, с орнаментом в виде полукруглых гирлянд, спускающихся из круглых ямок, находящихся под наружным валиком венчика и с орнаментом, нанесенным по внешнему верхнему краю сосуда прямым лопатовидным штампом» (всего 106 черепков). «На этих же камнях раздробленные мелкие кости овцы и угли. Кости не были обожжены огнем».

Раздробленные кости встречались по всей могиле.

«На глубине 76 см от верхних концов боковых плит оградки обнаружен застил из больших каменных плит», под ним кости пальцев руки и костяной наконечник стрелы. Рядом ребра человека. В средней части западной стенки, под наклонной плитой, у ее нижнего конца лежали раздробленная трубчатая кость и угли».

В СВ углу между плит — костяной наконечник стрелы и пучек костяных пластинок (заготовок для игл) длиной от 4,3 см до 10,8 см, толщиной от 2 до 4 мм.

Восточная часть плиточного настила отсутствовала.

В ЮЗ части могилы «на глубине 1,3 м от верхних краев плит оградки, имевших 1 м высоты», в перемешанном гумусном слое на подстилке из тонких каменных плит лежали два скелета — мужчины и женщины, кости которых в грудной части были разрознены и перепутаны. Оба без черепов. Женский скелет лежал на спине головой на В. «Левая нога согнута в коленке под острым углом, пяткой внутрь, а правая согнута таким образом, что фаланги пальцев находились под тазом справа. Левая рука была положена на грудь мужчины. Пяточная и надпяточная кости правой ступни срослись вместе. Под грудной полостью была найдена скорлупа яиц водоплавающей птицы. Справа около верхних позвонков костяное шило».

Мужской скелет также лежал на спине, но с вытянутыми, несколько раскинутыми ногами, причем левая была закинута между ног женщины, касаясь пальцами ее согнутой колени.

Ступня правой ноги мужчины была смещена и лежала отдельно. Кости этой ступни были расположены в анатомическом порядке.

В грудной полости мужского скелета находились «три пластинки кремня прозрачно-молочного цвета и кусочек красной охры. (Комки такой же охры были обнаружены рядом с могилой под писаницей, нанесенной красной охрой же на утесе, возле которого находилась могила). Возле позвонков с северной стороны лежали пастовые бусы цилиндрической формы и одна бирюзовая». «Около бедер мужской правой ноги лежали кучкой, остриями к голове, 19 костяных наконечников стрел (трехгранных) и роговая квадратная пряжка с четырехугольным отверстием, а также костяная застежка с выгнутой спинкой. (Застежка

свободно проходит через отверстие пряжки). В крестцовой кости мужчины, лежавшей около начала шейных позвонков женщины, был обнаружен застрявший в ней наконечник стрелы из кости (длиной 3,2 см, шириной 1,5 см) четырехгранной формы, ромбического сечения (рис. 10, 18). Стрела вошла через мозговое отверстие второго (нижнего) сочленения, со стороны спины, с левого бока, снизу вверх. Вероятно, удар был нанесен с близкого расстояния и был настолько силен, что стрела пробила кость насквозь и задержалась в ней расширенным основанием наконечника, дав при этом раскол кости». «Никаких изменений кости в пораженном месте, характерных при сколь-либо продолжительной болезни не замечено».

С западной стороны у ног мужского скелета найдены фрагменты раковины двухстворчатого речного моллюска.

Среди костей скелетов были найдены разбитые кости животных.

«По верхнему краю восточной стенки могильной ямы под плитами оградки была красно-бурая минеральная пыль, покрывшая широкой лентой непосредственно почву. Здесь же лежали мелкие раздробленные косточки (одна изгрызена собакой) и фрагмент гладкостенной керамики».

Могила № 15¹

Расположена в группе могил, находящихся при дороге возле утеса, на одном из выступов которого обнаружена писаница.

Крайняя с юга.

Прямоугольная ограда (3,7 x 2,8 м) ориентирована продольной осью с востока на запад. Плиты слегка наклонены внутрь. У оснований их имеется для укрепления еще один ряд плит. Размер плит 145x85, 70x70 см.

У южной стенки в дерновом слое и ниже — кости животных и неорнаментированная керамика. У западной стенки на глубине 30 см. в верхнем слое почвы в одном метре от плит ограды — 108 фрагментов керамики и массивный отбойник для разбивания костей. Там же осколок кремнистого сланца. Часть разбитого сосуда была на отдельной плите, лежавшей на слое почвы, в стороне от остальных плит.

Сосуд имел баночную форму.

Внутри могила была завалена землей и камнями. Покрывавшие погребение плиты в ненарушенном положении находились только у западной стенки, а остальные в полном беспорядке.

«На глубине 30 см от верха насыпи, среди плит, в восточной половине могилы лежал скелет, с неестественно вывернутыми позвонками, на правом боку с подогнутыми ногами. Кости левой руки, согнутые в локте, уцелели на половину, череп отсутствовал, нижняя челюсть лежала поодаль. Кости ног ниже колен отсутствовали. Костяк ориентирован головой на В»². У южной стенки, около средней части скелета на одном уровне и ниже, лежали раздробленные трубчатые кости крупных животных, ребра и лопатка овцы.

«В западной части, на глубине 50 см от поверхности, на 20 см ниже впускного погребения, лежало несколько плит, покрывавших основное погребение, от которого уцелели только ноги, причем у левой ноги на месте не оказалось костей (кроме пяточной и надпяточной)»³.

¹ Г. Н. Сергеев. Селенгинская археологическая экспедиция 1935—36 гг., тетрадь 1

² Там же, стр. 15—16.

³ Там же, стр. 16.

Захоронение было на глубине 75 см, в вытянутом положении на спине, с ориентировкой головы на В, в светло-желтом глинистопесочном грунте.

«В середине могилы на уровне захоронения лежали обломки рога (изюбра) со следами разрубов. В ногах, около западной стенки, найдена псалия длиной около 10 см (конец ее отломлен) толщиной 1,8 см, вырезанная из рога, дугообразной формы, с тремя овальными отверстиями (среднее перпендикулярно другим). Под костями — расколотый астрал и дисковидный скребок из гранита.

Могила № 17

Прямоугольная (4x2 м). Ориентировка В-З. Самая высокая плита ее оградки возвышалась на 80 см. К СВ от нее — «сторожевой камень». Из описания Сергеева явствует, что камнями могила была завалена только до глубины в 80 см, до уровня горизонтального плиточного настила. В западной половине могилы на глубине 80 см одна под другой лежали две горизонтальные плиты — остатки настила. Под ними на глубине 1,3 м. и в линзе сухого чернозема находилась нижняя часть человеческого скелета с остатками одежды в полости таза. Остатки одежды здесь были обнаружены в виде обрывка кожи с пришитыми к нему с двух сторон посредством сухожильных нитей тремя бляшками: двух маленьких полусферических (диам. 2 см), с одной стороны, и одной большой дисковидной, слегка выпуклой, диаметром 6,9 см, — с другой стороны. Все три бляшки имели с обратной стороны соответствующие дугообразные петельки для пришивания и были пришиты по краям этого куска кожи. Кроме того, на наружной выпуклой стороне большой дисковидной бляшки были обнаружены прилипшие к ней два обрывка бараньей шкуры, а между ними шнур, «искусно сплетенный из двух шерстяных ниток, толщиной в 1 мм каждая». Все эти органические остатки одежды сохранились лишь благодаря сильному окислению медных бляшек.

Фотография прилагаемая к дневнику заставляет внести в это описание одну поправку: одна из маленьких бляшек — пуговиц вовсе не была пришита к куску кожи, а просто прилипла к нему своей наружной выпуклой стороной. На фотоснимке ясно видна дугообразная петелька на обратной стороне этой бляшки (см. IX, 10).

Нижние эпифизы бедренных костей погребенного в этой могиле человека были отломлены, а берцовых и прочих костей ног вовсе не было.

В восточной части могилы были обнаружены некоторые части человеческого черепа, черепки от глиняной посуды, угли, кости овцы, костяные пластинки, а также накладка от лука, сделанная из ребра какого-то животного¹. Все эти остатки, так же как и остатки одежды, в настоящее время утеряны, во всяком случае в Улан-Удэнском музее, где они должны были бы храниться, их нет.

Могила № 18²

На расстоянии 18 метров к югу от могилы № 17, прямоугольной формы (3x2 м). Вытянута с В на З. Плиты оградки выступали на поверхность на 20 см. Плиты южной стороны наклоненные наружу, северной —

¹ Г. П. Сергеев. Селенгинская археологическая экспедиция 1935—36 г., стр. 8—9.

² Там же, тетрадь II-я, стр. 5—6.

внутри. На глубине 10 см под дерном вскрылись камни — небольшие горизонтальные плиты.

В СВ углу на глубине 20 см от поверхности лежала гранитная плита, на которой были фрагменты глиняного сосуда (плоскостонного, диаметр верхней части 20 см, высота 9,7 см). На глубине 0,5 м от дернового слоя человеческие кости (позвонки, ребра, зубы, бедра) и кости животных. На той же глубине, около южной стенки, в средней части найдены три костяных стрелы с клинообразными черенками. Жальца у двух наконечников шестигранные, у одного четырехгранное (рис. 10, 13, 14). В этом же месте найдена медная бляшка в виде пуговицы диаметром 3,5 см с гладкой слегка выпуклой поверхностью, с дугообразным ушком на обратной стороне.

У северного борта ямы, на дне, среди костей животных найдена челюсть какой-то рыбы.

В остальных могилах, раскопанных Сергеевым (№ 7, 14, 16), были найдены только фрагменты керамики, обломок костяного шила и бронзовая полусферическая бляшка с насечками по краям (№ 16), при этом в могиле № 16 около головки правой бедренной кости покойника, лежавшего в вытянутом положении, был найден комок красной охры.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2. ТАБЛИЦА ОСНОВНЫХ СВЕДЕНИЙ О ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛАХ¹

№№ на карте	Местонахождение могильника	№№ раскоп.	Размер плиточного ограждения	Ориентировка погребения	Скелет погребенного			Наличие угля в могиле	Кости животных	Погребальный инвентарь	Где опубликовано	ПРИМЕЧАНИЯ
					Сохранность	Положение	Пол, возраст					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	Наушки	1	3,04×2,8×1,5×1,8	ВЮВ	обломки ребер, часть бедра					Костяной наконечник стрелы	Окладников 1951-в	
		2	2,7×1,65	В	зубы, часть верхн. челюсти		ребенок			Осколки серого лощеного сосуда с волнистым налепным узором и грубого сосуда без узоров		
		6	2×1,95×1,5×1,4	В	кости стопы голей и бедер, ребра	вытянут	М					
		7	2,6×2,3×1,1×1,2	ЮВ	кости ног	вытянут						
		8	1,85×3×1,3×3	ЮЮВ	кости голени и стопы, обломки ребер, фаланги	вытянут				Пирайки пастовых бус, бронз. бляшки, 3 кост. наконечника стрелы, накладка на лук, раковины Сердоликовые и пастовые бусы, точильце, медная бляшка	Окладников 1950-в	В остальных сеп-ми могилах окладников только осколки
2	Керексун-ури	1	2×1,5	В	скелет с черепом	вытянут	М 40 лет					

¹ После печатания текста рукописи автор переделал таблицы погребений, объединив четыре таблицы в две, но сохранив нумерацию погребений. РЕДАКЦИЯ.

3	Деревенская гора	1	ЮЮЗ	фаланга и др. мелкие кости		Обломок перламутро- вой раковины		костей человека и зубов лошади
		2	ЮЮВ	кости голеней, таз, ключица, ребра	вытя- нут	Осколки серого глиня- ного сосуда	Талько- Гринцевич, 1900-а	
4	Дюрбены	1		отдельные ко- сти		Осколки красного гру- бого горшка с рубча- тыми валиками		
		2				Осколки серых горш- ков		
		3				Осколки серых горш- ков с круговой орна- ментацией		
		4						
5	Субуктуевский мыс	2		слезы пере- жившей кости			Там же	В могиле № 1 ни- чего не оказа- лось
6	Шаманский камень	1	ЮВ	скелет с чере- пом	вытя- нут	Бронзовое зеркальце, красные и серые череп- ки (один с резной ор- наментацией)	Там же	
		2						
		3						
		4		нижняя челюсть		Толстые серые череп- ки (среди них обломок быка)		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
7	Сухой ключ	5 26 27 29 7 4	3×2 3×2 3×2 3×2 4×3 гроб, обстав- ленный пли- тами		осколки костей				быка быка лошади обломок рога оленья баран	поддона)	Талько- Грыцевич, 1900-а Талько- Грыцевич, 1896.	
8	Черный камень	4 5 6	2×2,5 2×2,5 3,5×1,5		некоторые длинные кости		Ж				Талько- Грыцевич, 1900-в	Могила № 2 ока- залась пустой
9	Убур-Билютай	97 99 101 102	2,45× 1,2×1,65 3,7×2,4 3,7×1,7 2,6×2	В В ВЮВ В	отдельные ко- сти череп и др. трубчатые ко- сти	вытя- нут вытя- нут	М	угли	лопатка барана зубы ло- шади и овцы лошади и овцы зуб ло- шади обл. рога	Розовые черепки с штриховкой и оттиска- ми грабчатого чека- на от большого сосуда Две бронзовые пугови- цы с нарезками по краю Три костяных наконеч- ника стрелы	Сосновский, 1941.	

10	Енисей	103	3,9×2	В	раздавленный череп и др.		бика, зуб овцы	Бронзовая пуговица с нащечником	
		104	3×1,8	ВЮВ	кости столы и руки	угли		Бронзовая пуговица	
		106	2×1,5	ЮЮВ	череп, кости ноги	вытянут			
		107	1,9×1,3	ВСВ	череп и др.				
11	Б. Ботый	51	3×2,6	В	обломок черепа, трубчатые кости	вытянут			
12	Окрестности Селенгинска	1	4,2×2,4	ВСВ				Кост. наконечник стрелы, костяной эллипсис с отверстием	Заметка. 1876 (о раскопках Леонова)
		2			несколько костей		лошади и овцы		
13	К-3 им. Куйбышева	1	2×1,9×1,2×1,6	В		угли		Бурятская красностенная керамика в верхнем слое	Окладников, 1930-в
14	Гора Ирдыева	5	3,4×1,2		кости ног	вытянут			Там же.
15	Гора Тологой	8	4×3	ЮВ	два черепа и др. кости	1) ско- рчен. 2) не- опр.	череп лошади	Черепок с налетным орнаментом (штрихованный), кусочек халцедона	Сосновский, 1933. Кроме того еще 5 очень разрушенных могил (№ № 6, 9, 7, 18, 90); в
		19	Диаметр насыпи 4,8 м.	В	погребенный скелет	вытянут	лошади	Черепок, сердоликовая, пастовые и раковинные бусы, иглодынк	Архив ЛОИИМК, фонд 42, № 9.
		89	5×4	В	отдельные кости		зубы быка и др.	Черепок с гребенчатым штампом и другой штрихованный	них об- наруже- ны толь- ко от- дельные черепки
16	Саянгуй (на южном склоне "Падного камня")	3	3×6	ЮВ	разбросан кости		барана, челюсть лошади	"Пастовые" бусы	
		15	6,5×7	В	кости разбро- саны		челюсть лошади		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
	(На западном склоне „Падного камня“)	16	5×4,5	ВЮВ	скелет без черепа	вытянут	Ж	угли	зуб лошади	Сероголубые и одна «пастовая» буса		
		87	4,4×3,3	ЮВ	разрозненный скелет без черепа	вытянут						
	(На восточном склоне „Падного камня“)	88	4,75×3	ЮВ	кости ног	вытянут	ребенок			Три низки «пастовых» бус		
	(На южном склоне „Падного камня“)	4	3×5,5	В	обломки костей			угли	зубы лошади	Сердоликовая бусина, черепки		
		10	3,1×1,9×2,3	3	почти целый скелет с черепом	вытянут		угли	неопр. кости	Бронзовые кельт, кинжал и решетчатая трубка, костяной наконечник стрелы		
		12	3×2	В	позвонок				неопр. кости	Гладкие черепки с рубчатым валиком		
		13	3×2	В	отдельные кости ног		ребенок		неопр. кости			
		14	2,7×2	В					неопр.			
		15	7×5	В	позвонок			угли	обл. лопатки барана			
		78	1,75×0,85	ВЮВ	обломок трубч. кости				лошадь и обломок челюсти барана			
		79	2,5×2,6	ВСВ					зубы лошади и овцы			
		80	1,5×3	ВСВ	скелет без черепа	вытянут	Ж	угли	зубы барана и лошади	Костяной игольник с иглами, «пастовая» бусина		
		81	2,5×1,25	ВСВ	обл. берц. костей и ребра				череп лошади и кости овцы			

(На .Городской земле*)	91	3×1,75	В	кости ног двух покойников	Осколок 2) вы- тянут	ребен- ок	золь- ное платно	ископ.	Бронзовое зеркало с боковым ушком	Сосновский, 1941
Ташкар	93	2×1,2	В	скелет				лошади	Три «пастовых» буси- ны	
	59	3×2,2	ВЮВ	обломки чере- па, ребер, кости ног	вытя- нут			лошади	Бронзовая пуговица, три костяных пластин- ки, продолговатый брон- зовый предмет	
	68	3,3×1,8	ВЮВ	почти весь ске- лет с черепом	вытя- нут				Бронзовая пуговица с ушком; п-образный предмет	
	66	3,1×1,7	В	бедро, 6 бер- цовая				челюсть лошади, кости ног барана	Обломки глаткостен- ного плоскодонного со- уда	
	60	2×1	ЮВ	кости голеней и др	вытя- нут				Бронзов. наконечник стрелы, 2 кост. наконеч- ника стрел, костя- ное шило	
	61	3×2	ВЮВ	скелет без черепа	вытя- нут			резец ло- шади и др	Бронз. нож, кост. ло- шшло, 3 кост. наконеч- ника стрел	
	62	2×1,5	ЮВ	отд. кости				кости живот- ных, зу- бы ло- шади	Кост. игольник, сердо- ликовая бусина, буси- на из раковин, штри- хов, черепки	
	73	2,5×1,4	ЮВ	отд. кости					Костяной игольник с иглами.	
	74	2,5×2	В	кости голен и др.	вытя- нут				Кост. игольник с игла- ми, 86 «пастовых» бус	
	77	3,3×2,2	ВЮВ	фрагмен черепа				кости лошади	Тонкие черепки со штриховкой и толстые без орнамента	
	69	2,6×1,9		отдельные кости					Обломок рогового пса- лия, черепки	
	63	4×2	ВЮВ	челюсть, кости и некотор. др.	вытя- нут	стар- рик		части че- сти	Поддон бронзового котла	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
18	Сотниково	67	2,5×1,2	ВЮВ	бедра и раздвоен. череп отдельные кости	скоро-чен на левом боку	юноша		репа лошади	Железная полусферическая бляшка	Сергеев, 1935	В могилах 7, 14, 16 были найдены черепки, бронзовая бляшка, комок охры, обломок костяного шила
		70	4,2×2	В	кости	скоро-чен на левом боку			овцы			
		1	2,8×2	В	костный скелет	1) вы-тянут 2) ско-рчен.	1) М 2) Ж	угли	лошади овцы скорлупа	Комок охры, роговая пряжка, черепки, украшенные арочным орнаментом, бирюзовая и "пастовые" бусы, наконечники стрелы и др. Черепки, отбойник, псалля.	(рукопись)	
		12	4,37×3,40	В	два скелета на одном уровне	1) вы-тянут 2) ско-рчен.						
		15	3,7×2,8	В	два скелета в два яруса	1) на правом боку 2) вы-тянут		угли	челюсть рыбы	Накладка на лук, черепки, медные пуговицы и круглая бляшка		
		17	4×2	В	кости ног					Три костяных наконечника стрелы, медная бляшка	Талько-Гринцевич, 1900-а	
19	Убур-Суджи	18	3×2	В	позвонки, ребра, зубы, бедра							
		8	2,5×1,5		левая берцовая, следы ребер	М		угли	осколки черепа лошади череп и остраг. барана	Три медных пуговицы	Там же.	
20	Ара-Суджи	1	2,5×2	СВ								
		2	2×2									
		3	3×2,5									
		4	4×4									
		5	3×1,5	ЮВ	осколки черепа					Красноглиняные черепки с линейной орнаментацией	Сосновский, 1941.	
21	Суджи	38	3,6×2,8	В	разрушенный череп, ключица							

22	Капчеранка	24	5×3,5	В	Обломки костей	угли	обломок челюсти лошади	Три черепка	Там же.
		25	4×2,7	В					
		24	3,8×2						
		20	3,5×2,5	ВСВ					
		21	4,5×3,5	В					
		27	4×3,2	В	Обломки костей в беспорядке				
		32	1,8×1,8	В					
23	Штаб-лекарская заимка	1	3×2						Талько-Грыцневич, 1902-6
		5	3×2		осколки таза и берцовых костей				
24	Доро-Харатологой	1	3×1,2	В	малоберцовые кости	М	челюсть козы	Две медные пуговицы	Талько-Грыцневич, 1900-а Там же.
25	Дэра-Харатологой	1	4×2,5	СВ	голень человека	угли	обломок голени барана	Бронзовая пуговица	Сосновский, 1941.
26	Верхне-Килгангуйский улус	42	3,5×2,2	В	осколок детского черепа.		осколок кости	Верхняя часть сосуда, украшенная налетным рубчаткам	
		43	4×2,6	В	кости юноши				
		44	2,1×1,45	В	череп и кости верхней части скелета				
		45	2,9×1,43	В	кости ног и предплечья	скорчен	обломок берцовой кости		
27	река Тамир (Мангирская падь, утрюмовка)	2	5×3	В	истлевший скелет		барана неопр.	Обломок венчика сосуда с налетным валиком	Талько-Грыцневич, 1902-6

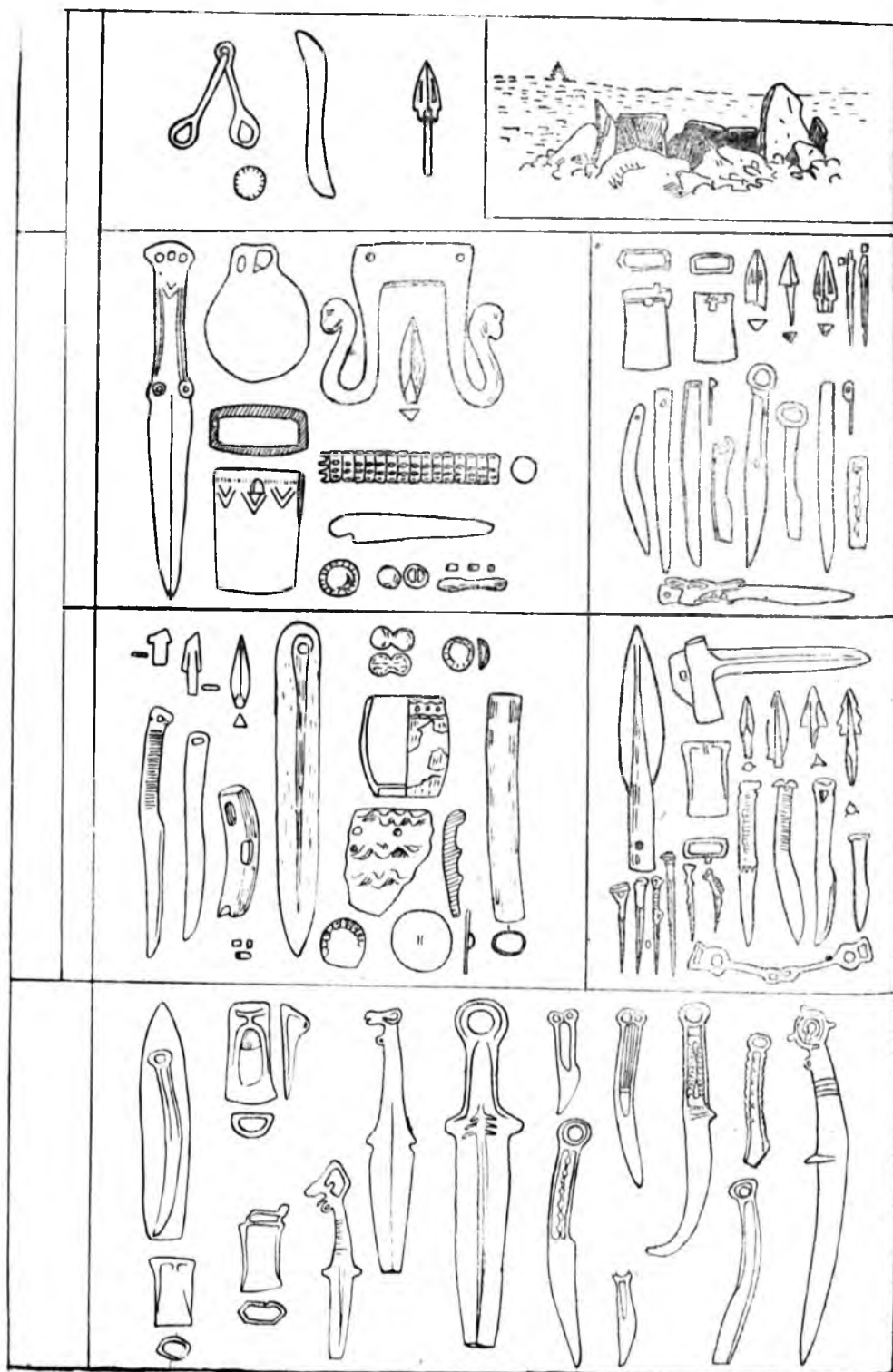
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
28	река Хилек (Сахюрта)	3	3×2	ЮВ	ислевший скелет				кости быка	Костяной кружок с от- верстием	Талько- Грынцевиц, 1902-в	
		1	3,5×2	В	осколок луче- вой кости и зубы				барана, лошади			
		2	4×2,5	В	кости рук и ног и осколок черепа		М		барана			
		3	2,5×2,5	В	трубчатые кос- ти и обломки черепа		М		барана			
29	река Джидла (Тохойский ху- тор)	1-2	5×3	В					быка	Осколок глиняного гор- шка	Талько- Грынцевиц, 1912-в	
		3-4	4×2						быка			
30	река Джидла (Хара-усу)	2	2×1,5		череп и длин- ные кости		Ж	угли		Костяные цилиндриче- ские бусы и круглая бу- са на ямши	Талько- Грынцевиц, 1902-в	
		3	2×3		следы челове- ческих костей							
		4	3×2		следы челове- ческих костей							
31	река Джидла (Улан-Халдык)	1	3×2		следы человек. скелета	Ю				Штрихованные черепки с рубчатым валиком		
		2	3×2		следы человек. костей				лошади			
		4	3×2		осколки трубча- тых костей							
		5	3×2		осколки чело- веч. костей				лошади	Осколок горшка		
32	Ихерик	1	1,2×3			В			лошади		Талько- Грынцевиц, 1900-а	
		3	3,5×2		темен. кость							
		4	2,8×2		осколки черепа левая лучевая		Ж			Осколки серого глина- ного сосуда Черепки, бирюзовая бу- сна		

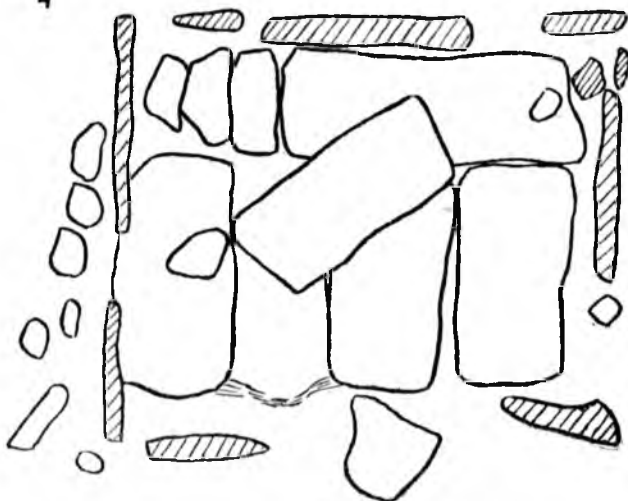
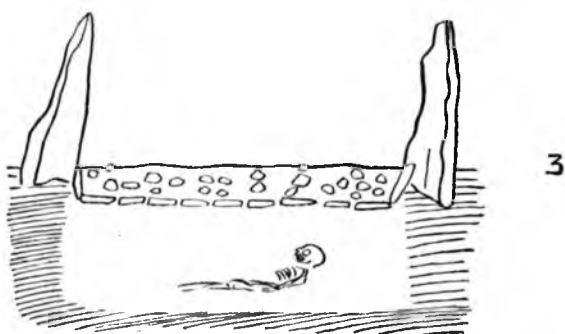
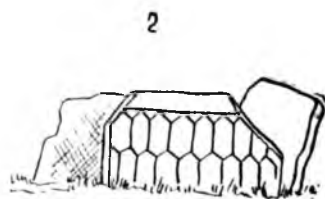
7	5×55	осколки локтевой и лучевой костей				Железный пропеллеро-видный псалый	
8	2×1						
9	1×5×1	следы челюст. костей					
10	2×1,5	следы грубчатых костей				Медная «пуговица» с нарезками.	
11	3 м. в поперечнике						
12	1,5×1						
13	1,5×1						
14	1,5×1						
15	2×1,5	бедро и берцовые кости	М		быка	Железные удила с разъемными кольцами	Радлов, 1894.
1	высокая прямоугольная ограда.	скелет без черепных и плечевых костей	М		овцы, рога изюбря		
2	низкая прямоугольная ограда				кости лошади		
а	3,5×2,1	скелет без черепа		угли		Черепки	Давыдов, 1858.
б	3,75×2,4	1) череп 2) скелет с черепом		угли		Черепки	
	3,7×3	В		угли	лошад	Осколки горшка	Там же
	3,7×2,9	В			зубы неопр.	Два черепка	Там же
1-6	разных размеров (разрушены)	следы костяков (один череп)			зубы животных	Необожженные черепки и сердоликовая бусина	Першин, 1886.
1		скелет				Камень, костяные бусы и нефритовый браслет	Логиневский, 1899.
33 Шибета-Халда							
34 Гора Мухуйта							
35 Цаган-Кондуй							
36 Санный мыс							
37 Ингода							
38 Близ Буруинского караула							

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
39	Усть-Куэнга									30 бронзовых овальных обоймиц-бляшек, и бронзовый нож «у лев-вой руки» «Спиральнообразное кольцо»	Этикетка к ножу в Чи-тинском му-зее. Про-Пел-лер, 1915.	Могила 1, 2, 3, 4, — пусты
40	Река Нерча (Катаргана)	5	прямоуголь-ная ограда со дворм	В	кости рук, череп				зубы ло-шадь			
41	Окрестности Нерчинска	6	могила обло-женная кам-нями	В					кости ло-шадь	Бронзовый нож, укра-шенный изображением головы барана	Вестник РГО, 1858.	
42	Городище на р. Шилке	1—15									Радлов, 1894.	
43	Бальзы		4,6×2,3	В	кости не сох-ранились				быка, ба-рана	Несколько черепков	Н. Попов, 1877.	
44	Агинская управа	1—2			разложившие-ся кости					Черепки, железные пе-рержавевшие предметы, золотая спираль (2 гр.)	Кузнецов, 1892.	
45	Оловянная	3	5×3,5 с разрушен-ной тройной оградой.	ЮВ	остатки скелета без черепа				з у б		Из финлянд-ской архео-логической литературы, 1911	
46	Барун-Кондуй	4	3,6×2,9		череп, обломки и некоторые др.		Ж 40—45 лет			Золотое нашейное укра-шение в виде дугооб-разной полоски и два длинных височных коль-ца	Теплоухов, 1920, Ар-темьев, 1935, Попов, 1926.	
47	Чиндачи		3,3×1,8	В	исслеваемый скелет	скор-чен, полу-сидя-чий			зуб ло-шадь	Черепок глиняного горшка	Кузнецов, 1925.	
			2,6×1,4	В	следы разру-шенных костей	неоп-ред.				Отпечаток железной пряжки на куске глины	Баженев, 1846. Кузнецов, 1925.	

48	Кара-Баян (Черный бо- гач)	9×6 (9,6×9,8)	В	2 черепа, кости рук, ребра	неоп- ред.	Бусы	Павлуцкий, 1867. Нестеров, 1885 Кузнецов, 1925.
49	Ниже Харанхая	1	3,5×2	СЮ			Окладников, 1950-в
50	Сосновая падь	113	длина 9,5 м	СЮ	остатки скелета вы- нут	угли	Сосновский, 1941, два пят- на пе- режен. земль
51	Ниже Улан- Цуцун.						Окладников, 1950-в
52	Гора Ирдые- ева	1	3,6×3,3	СЮ	отдельные кости ног	угли	Там же часть ко- стей обожже- на
53	Падный камень	17	4×2	ССЗ	з у б		Сосновский, 1941.
54	Тапхар	75	5,9×4,2	ЮВ	кости рук, ног и др.		Там же

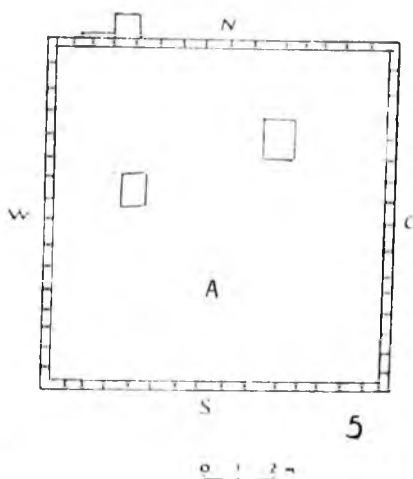
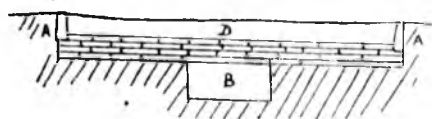
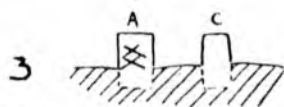
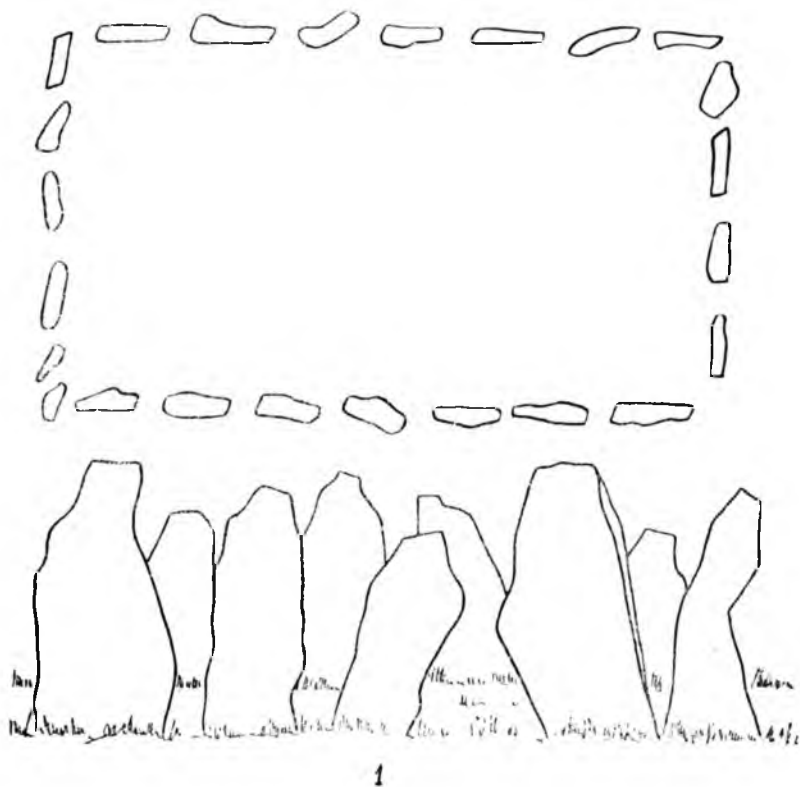
ПРИЛОЖЕНИЕ №3. ТАБЛИЦА ОСНОВНЫХ СВЕДЕНИЙ О ФИГУРНЫХ ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛАХ

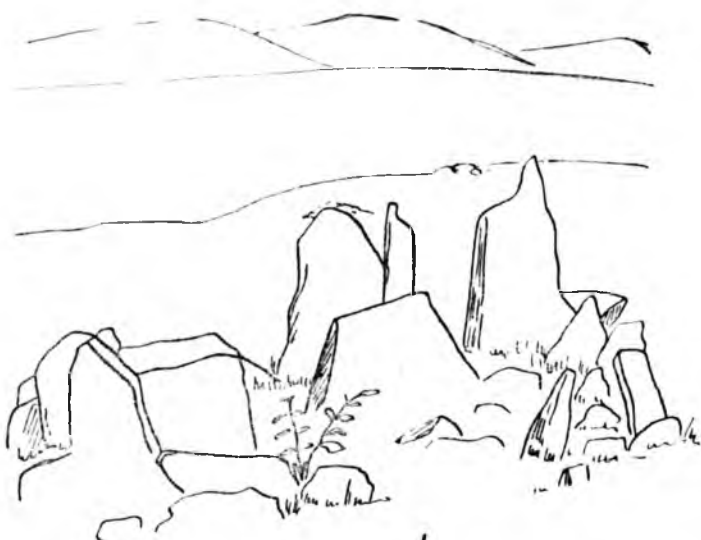

0 1 m

III.

IV.

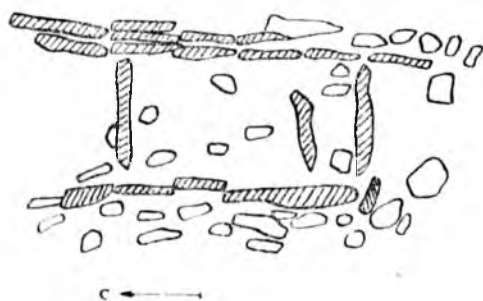
1

2

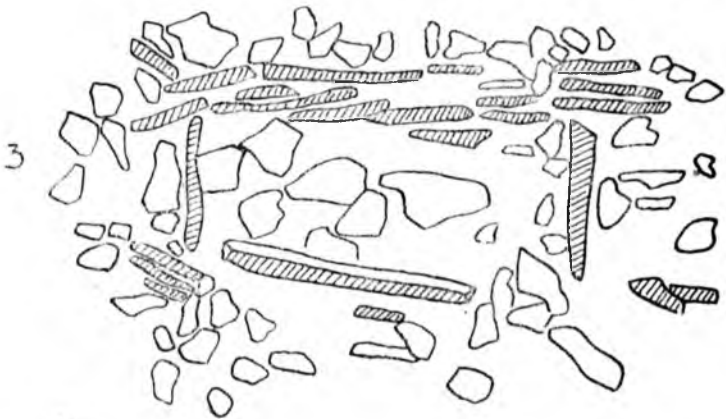
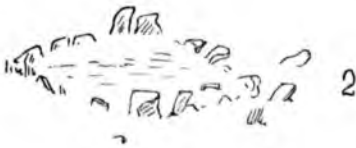
3

0 1 m

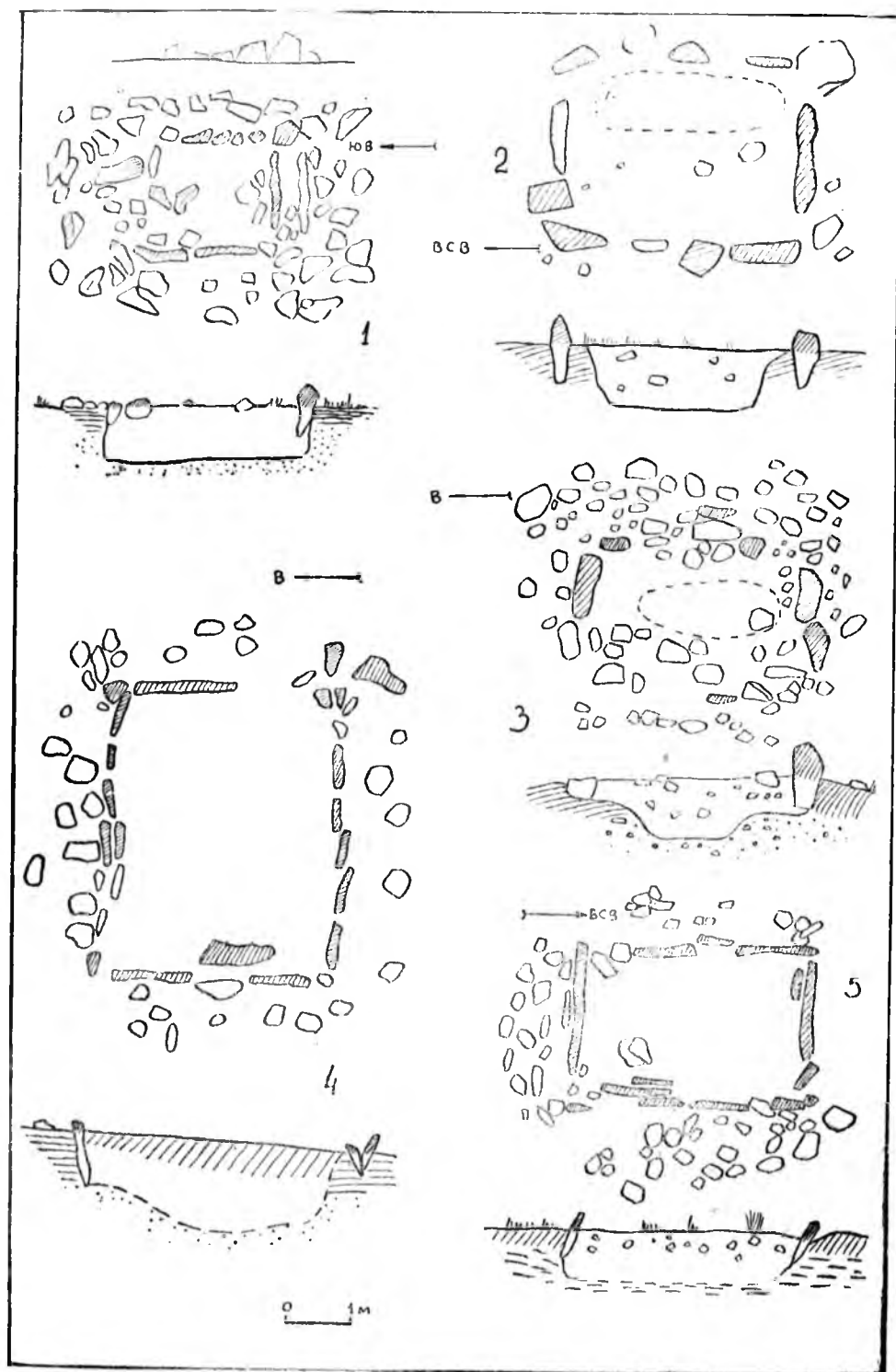
4

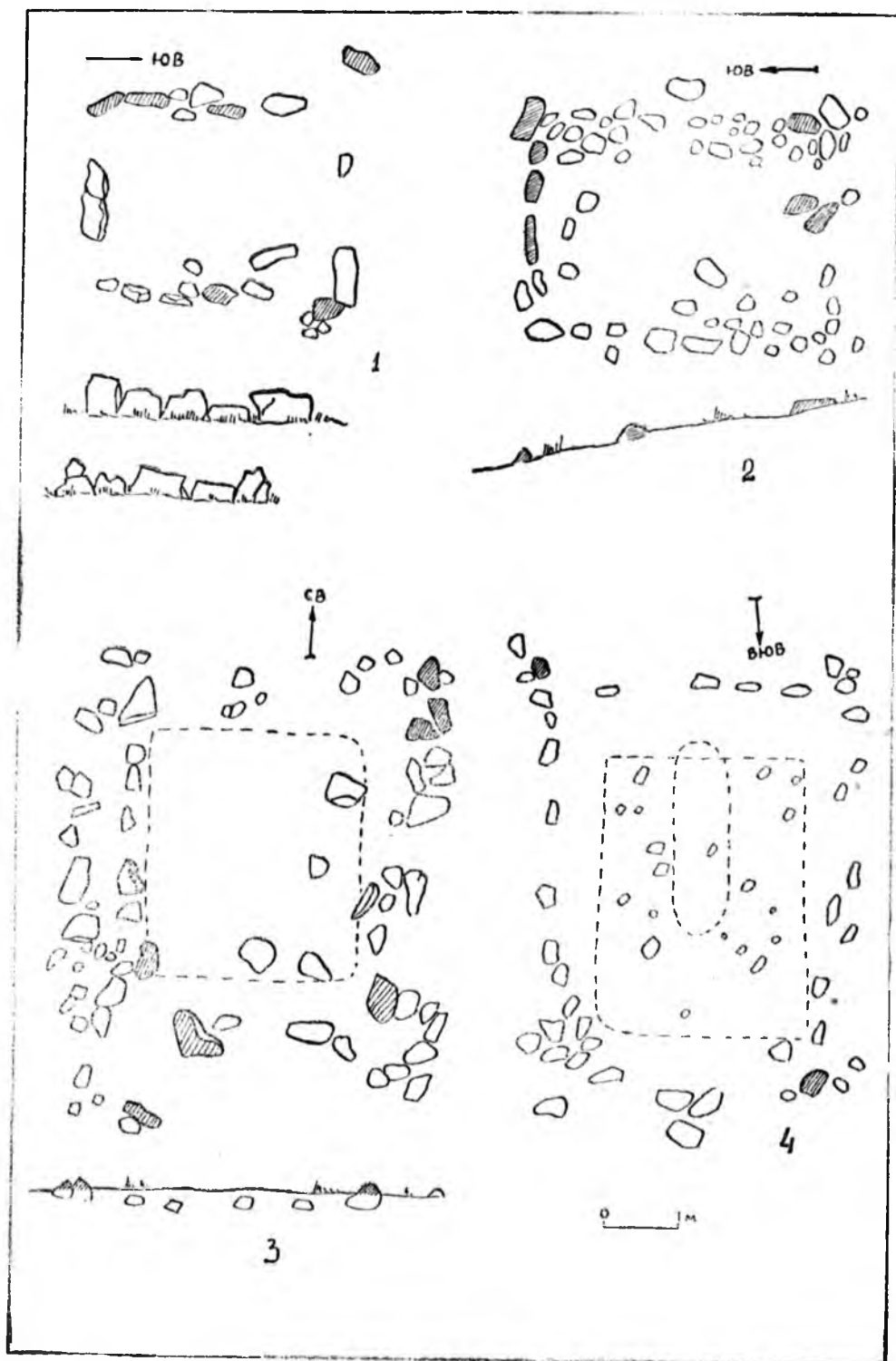
0 ————— 1 m

→ B10B

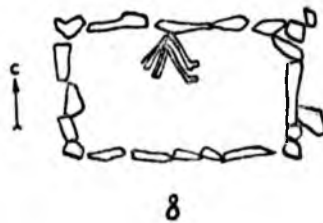
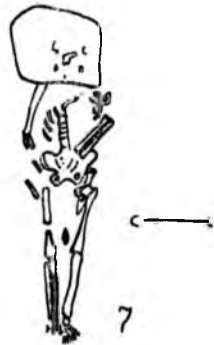
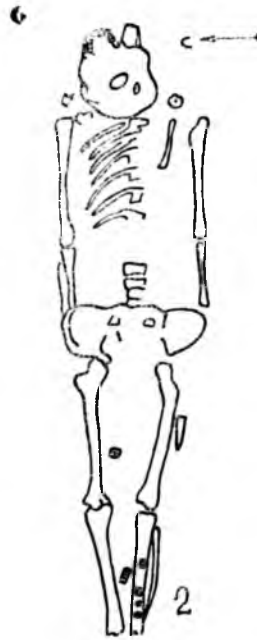
VI.

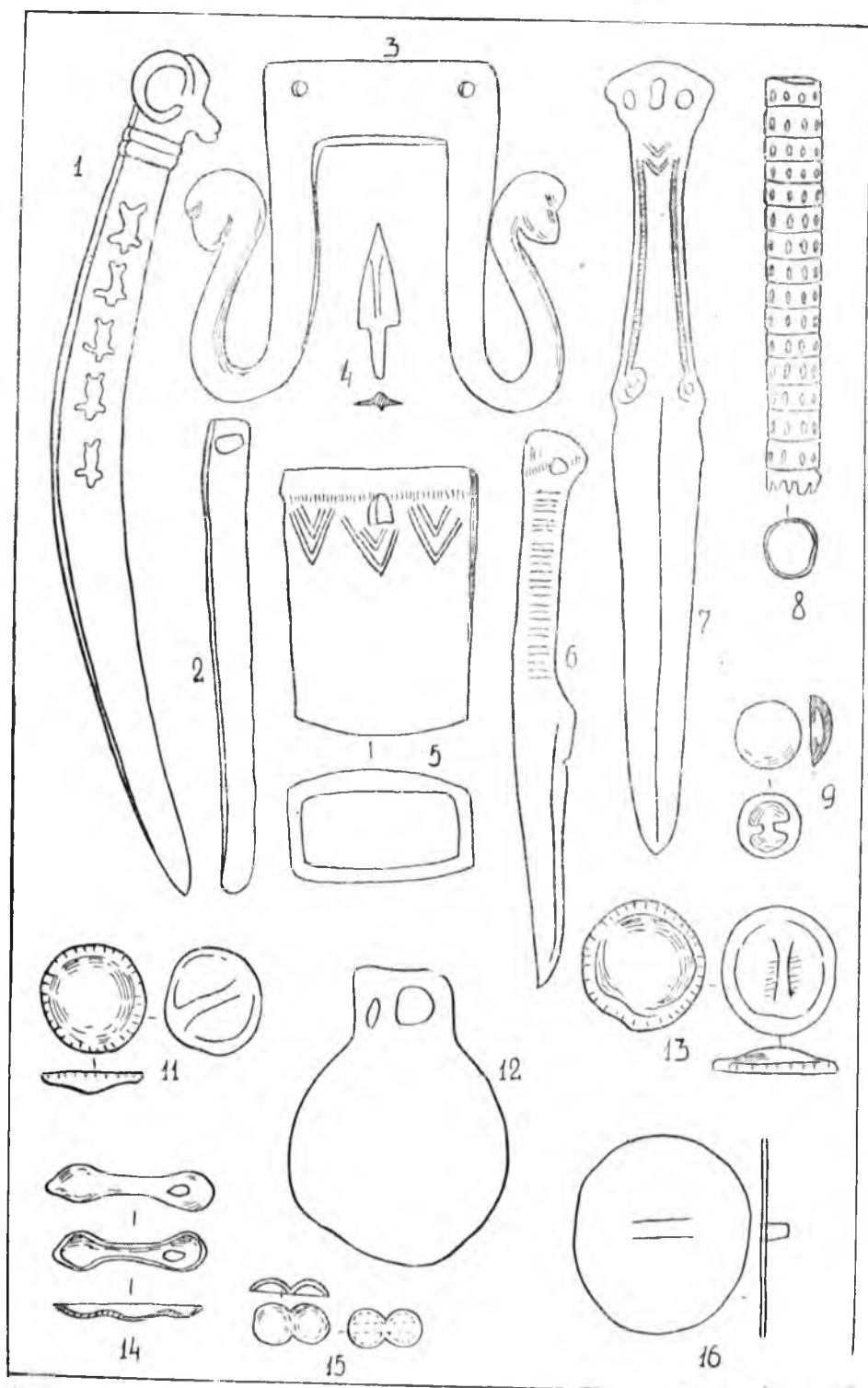

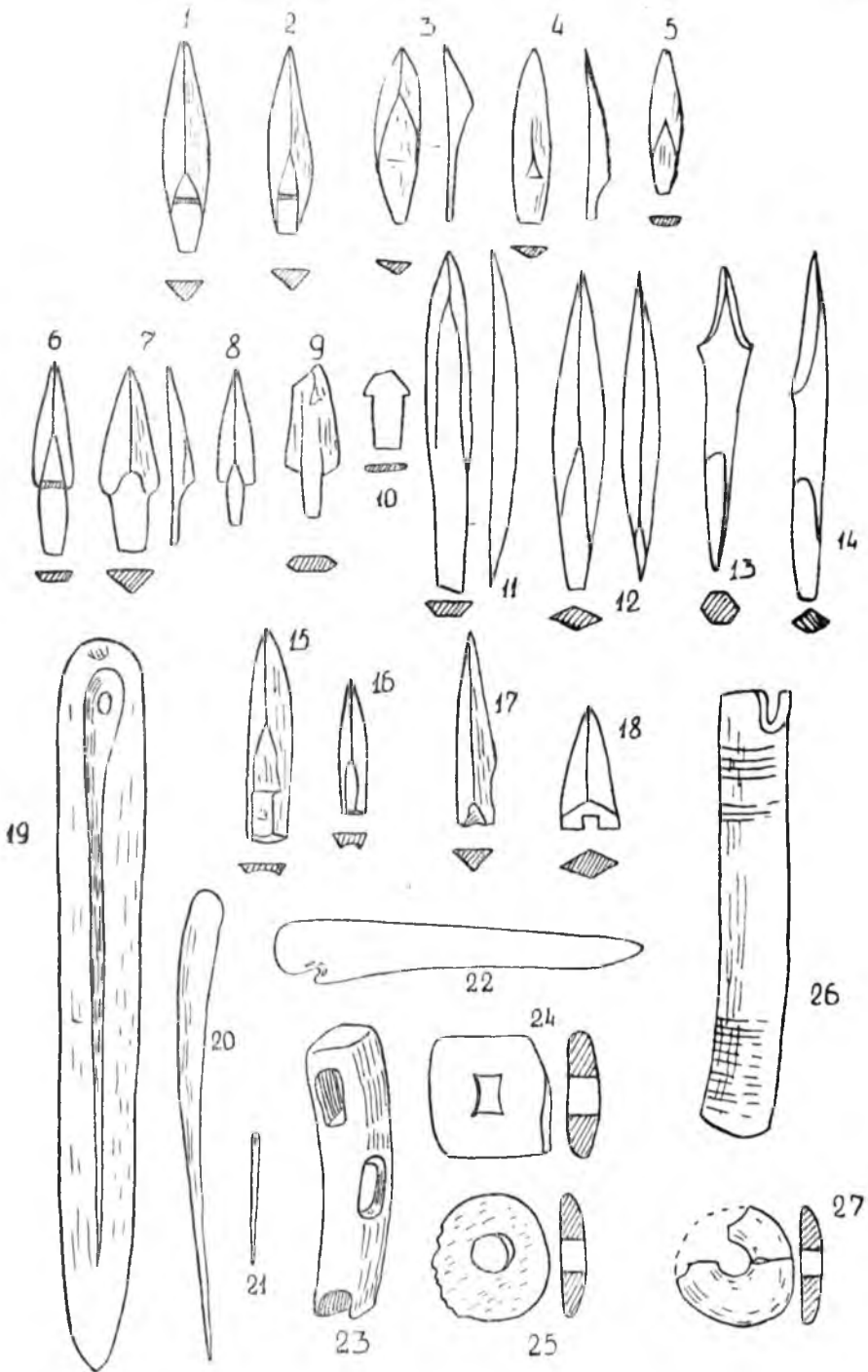
VII.

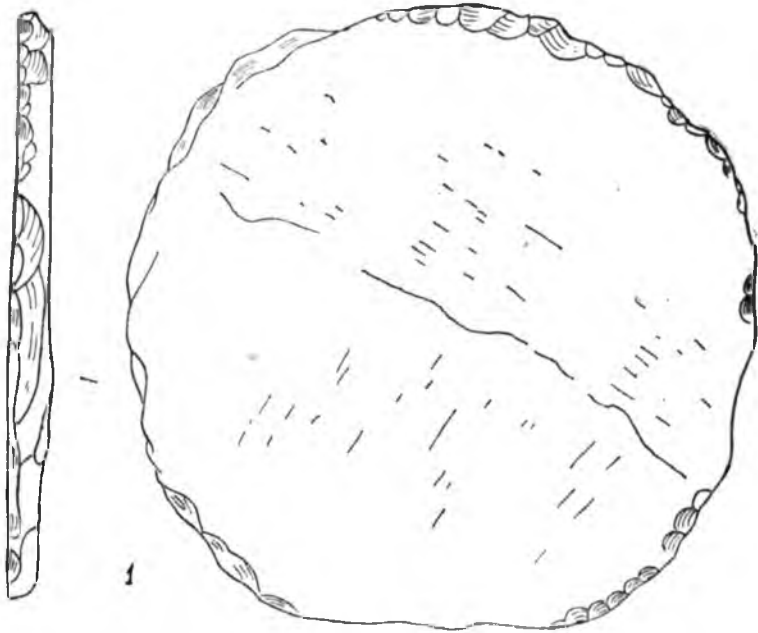

VIII.

1

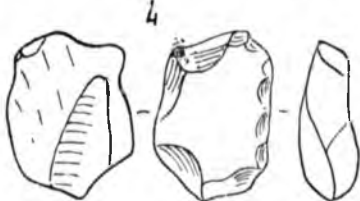
1-a

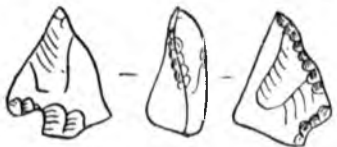
2

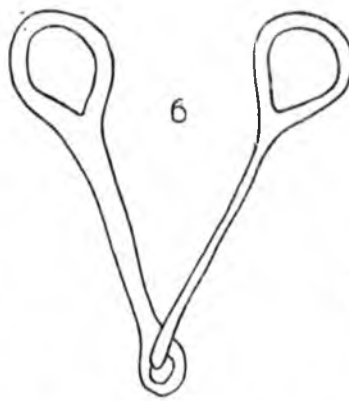
3

4

5

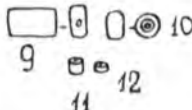
6

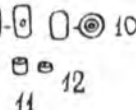
7

8

9

10

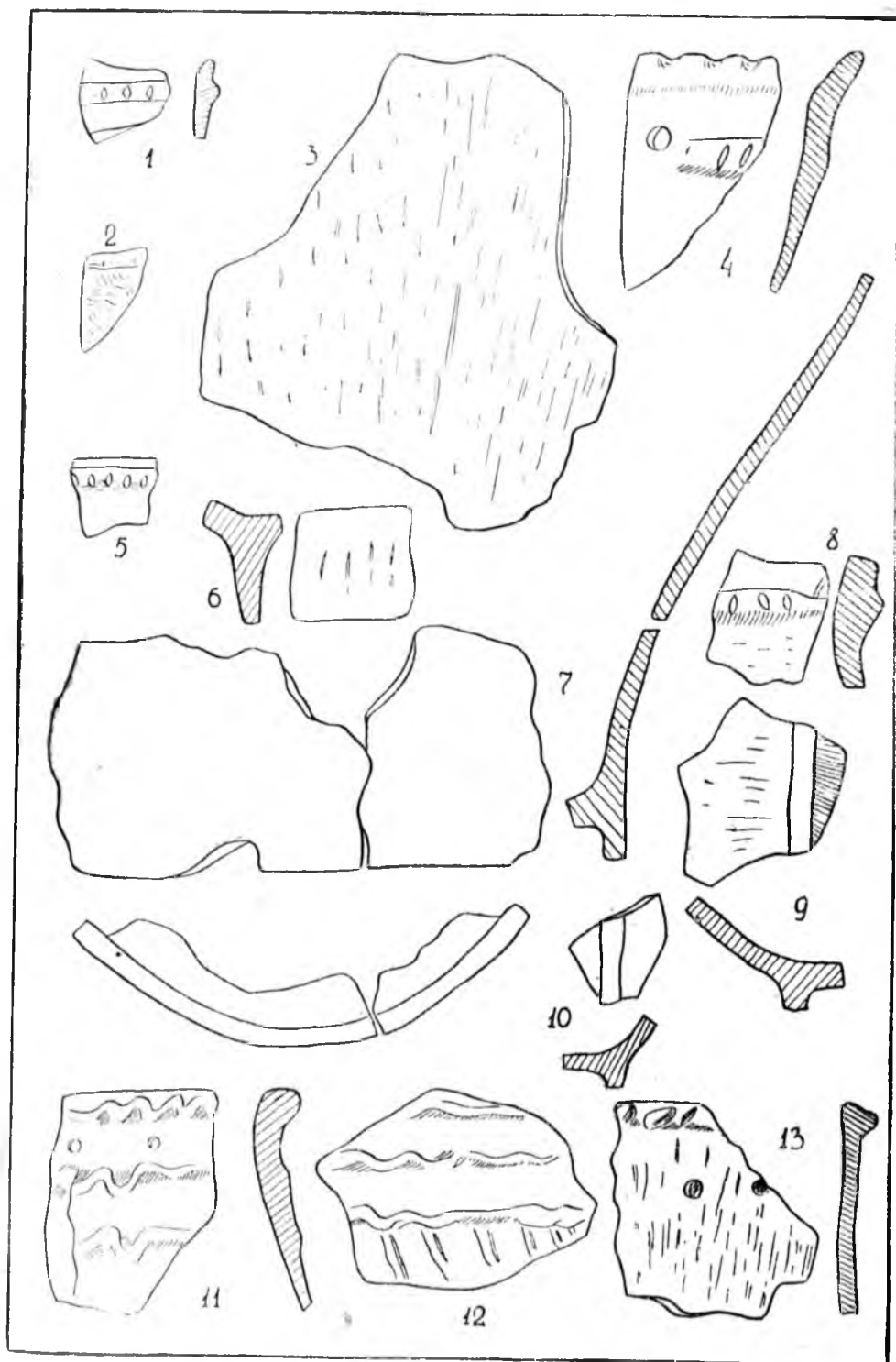

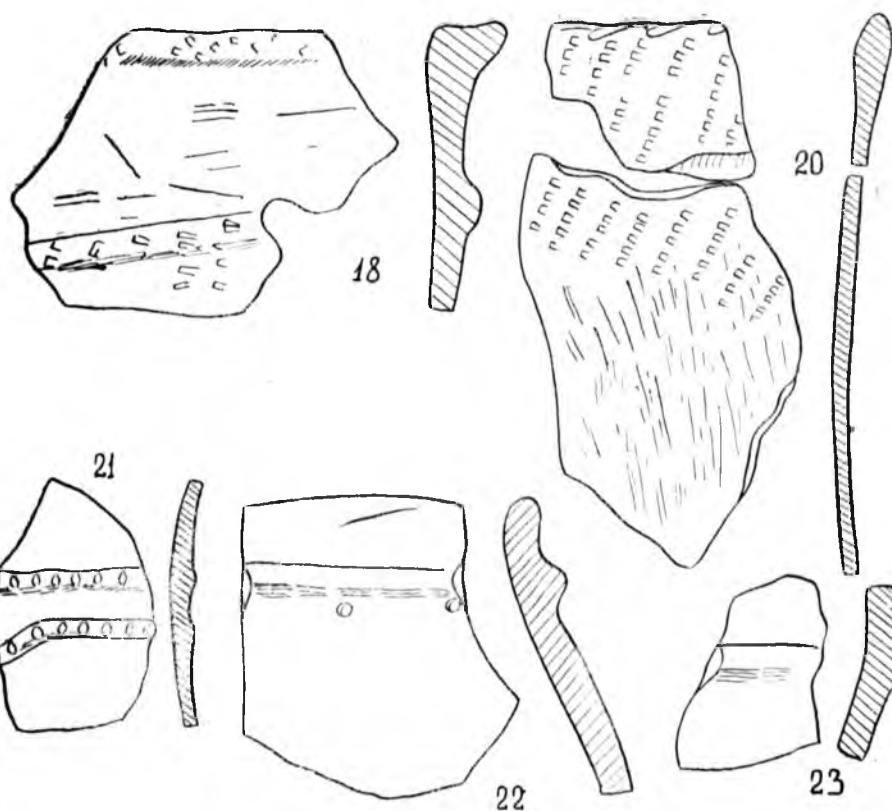
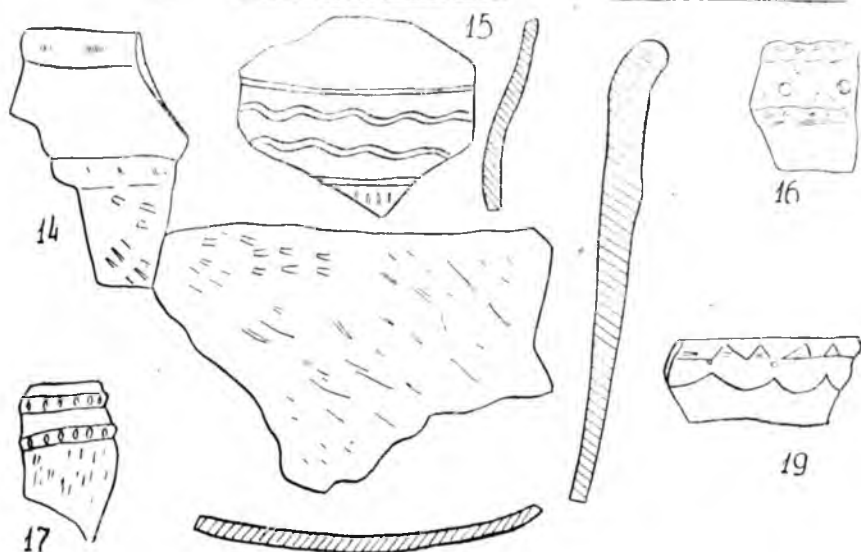
11

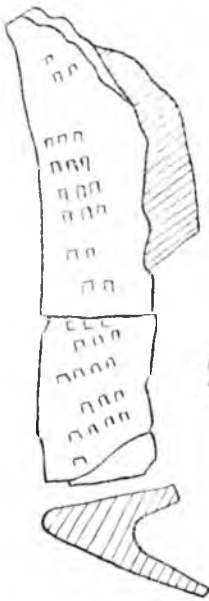
12

XII.

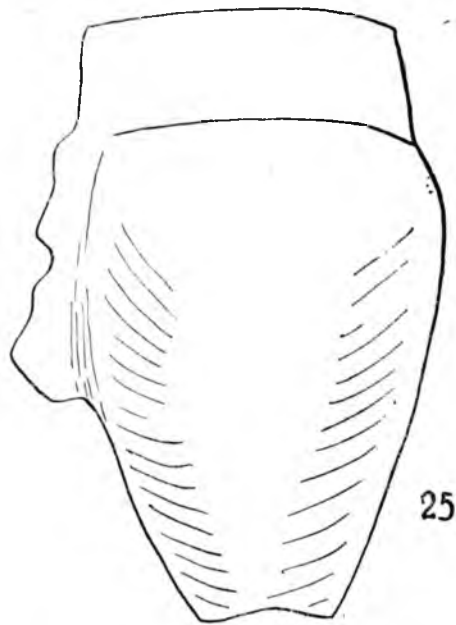

XIV.

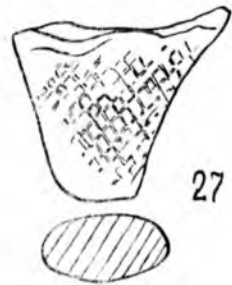
24

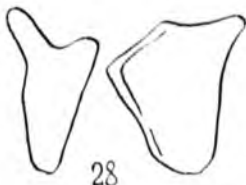
25

26

27

28

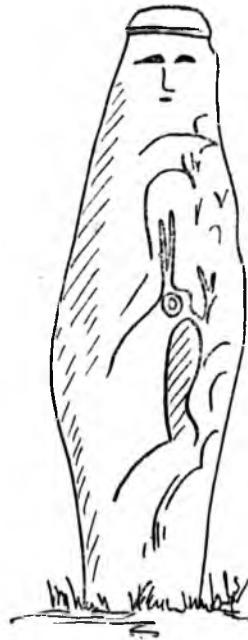
29

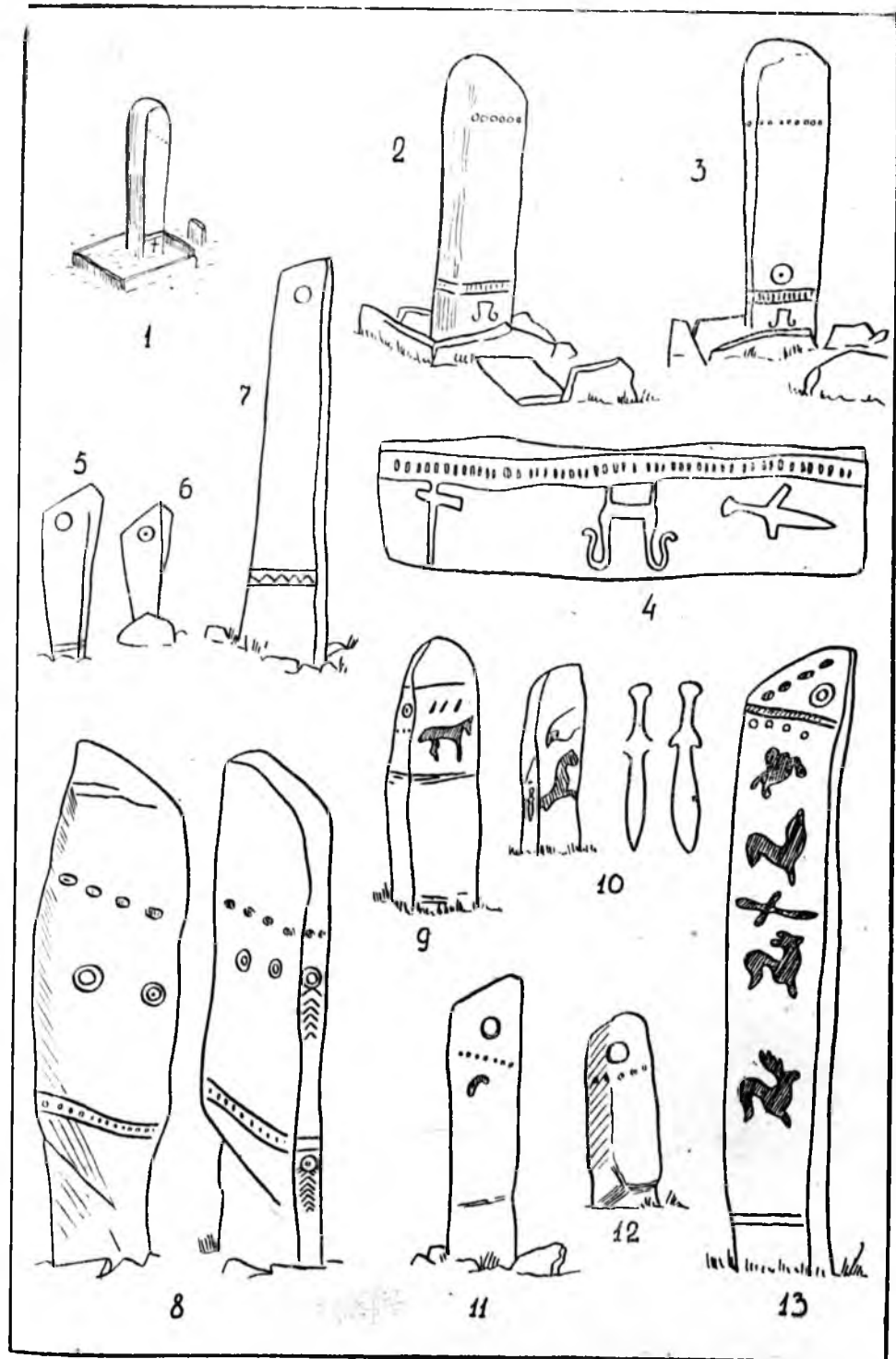

30

31

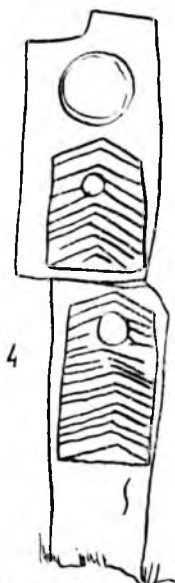
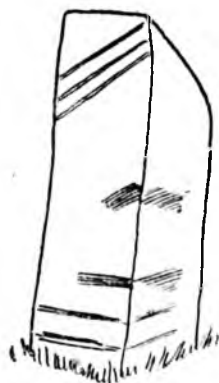

XVII.

1

4

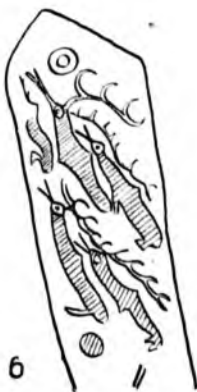
5

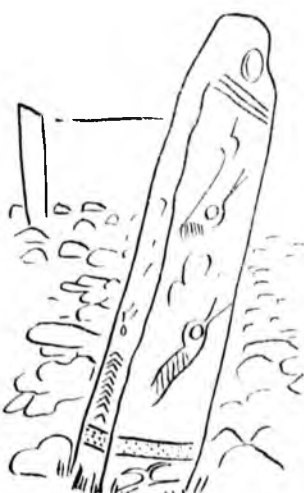
2

3

6

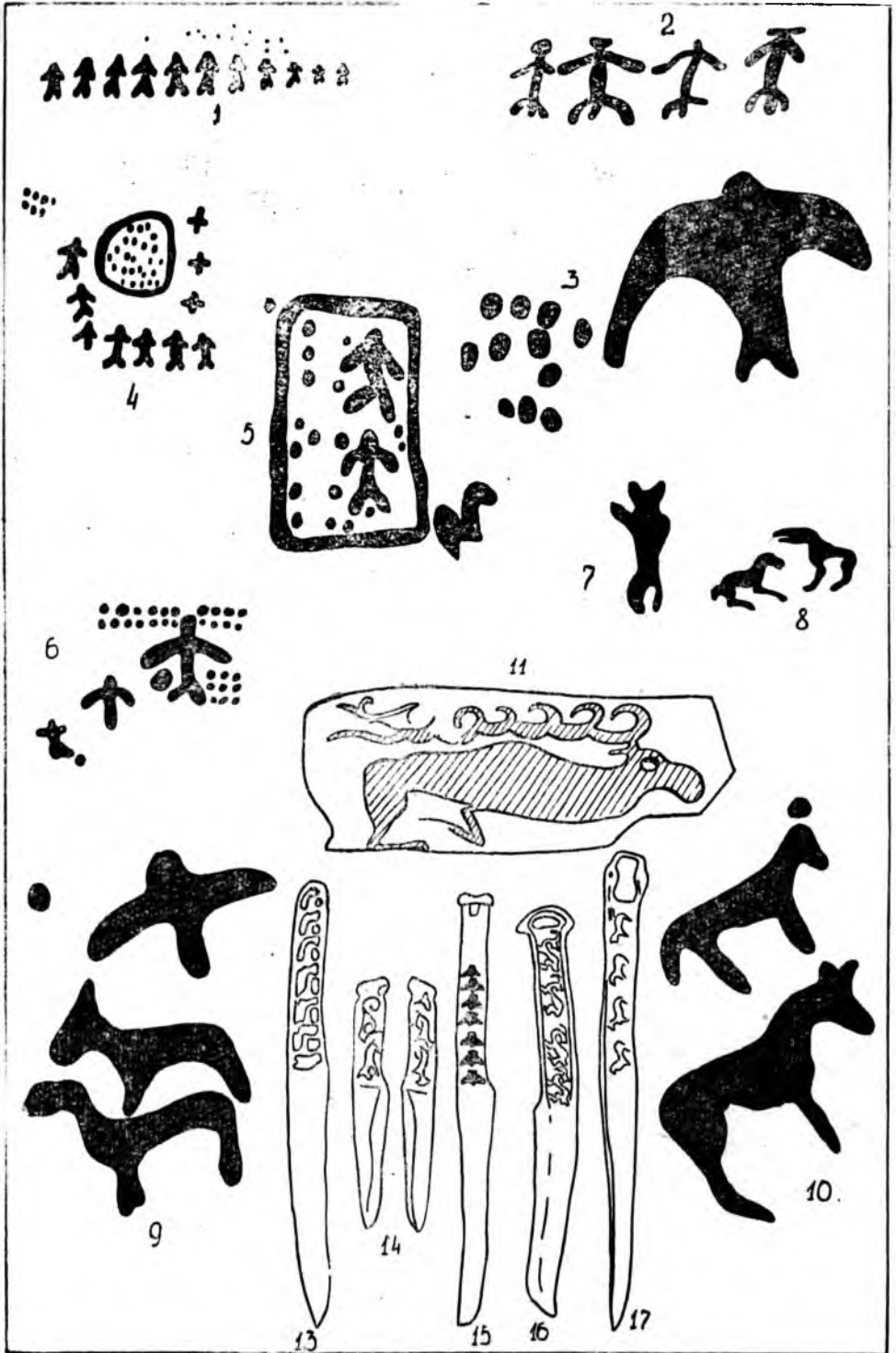
7

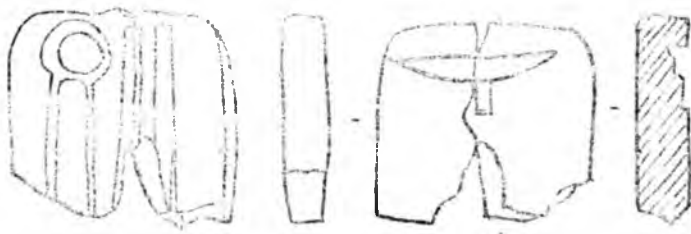

8

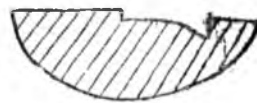
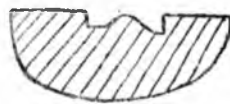
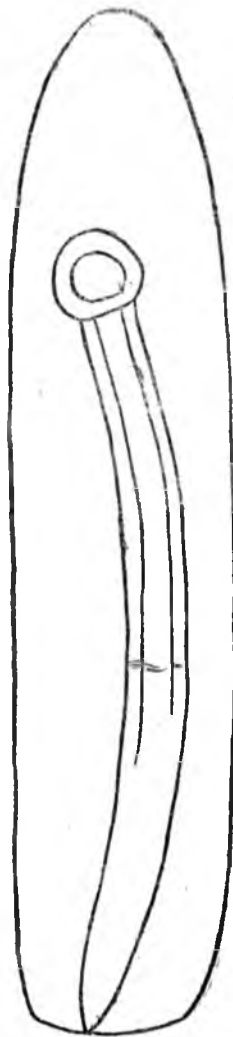

9

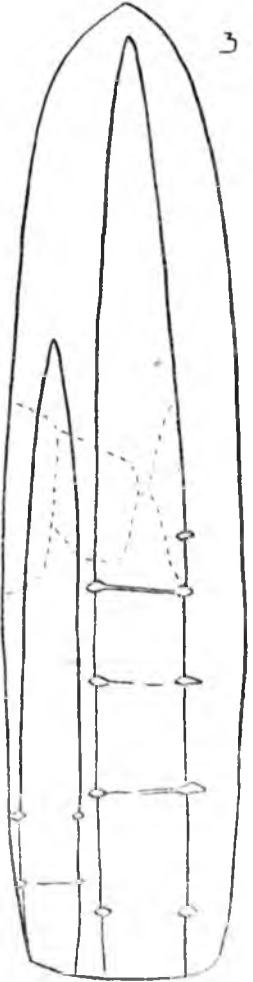
1

2

1

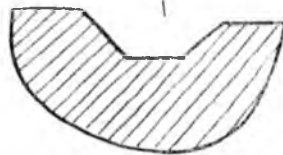
3

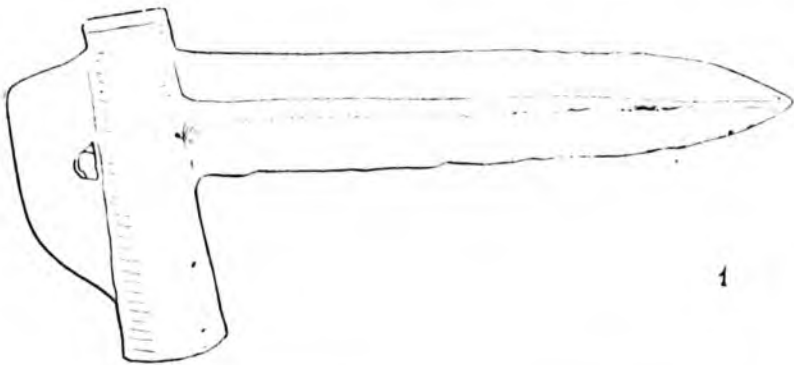

4

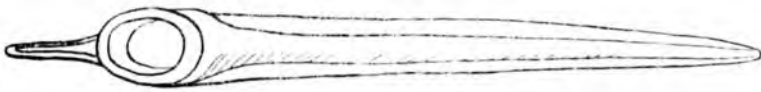

5

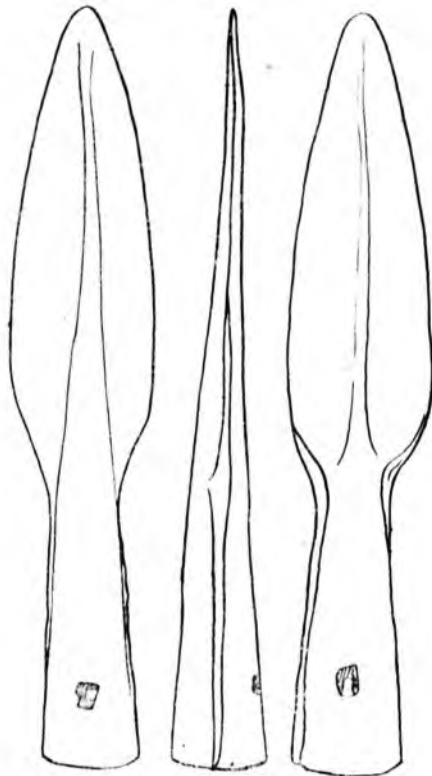

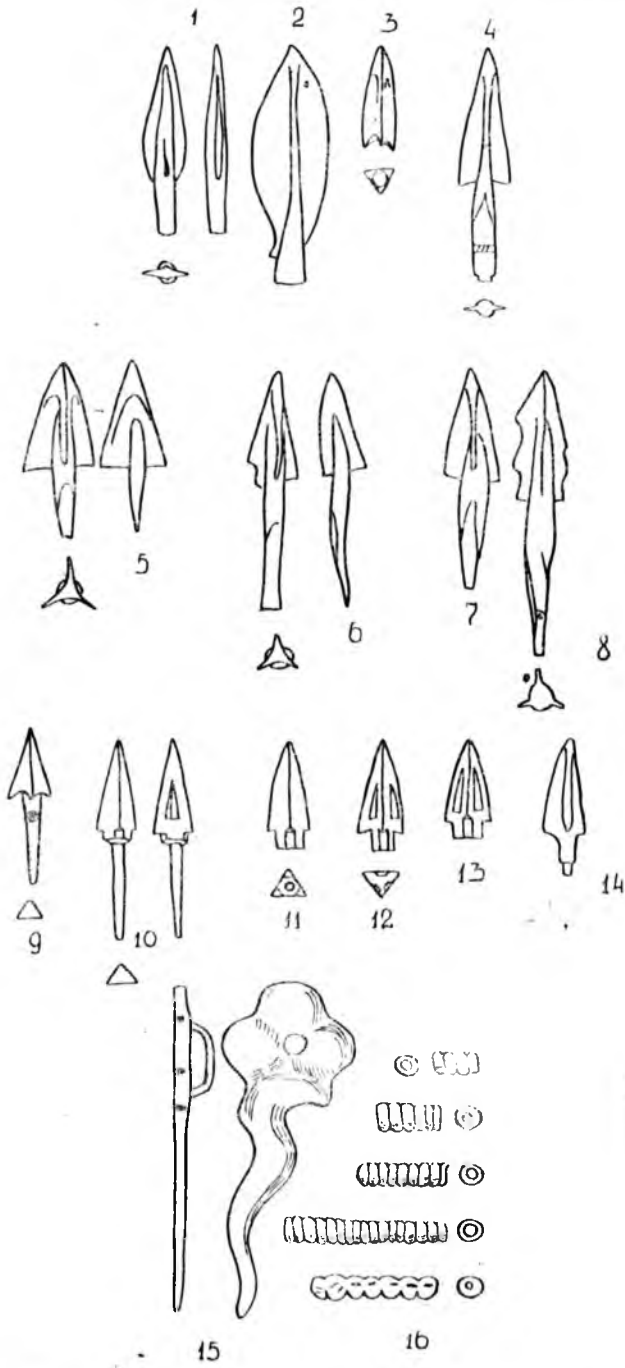
1

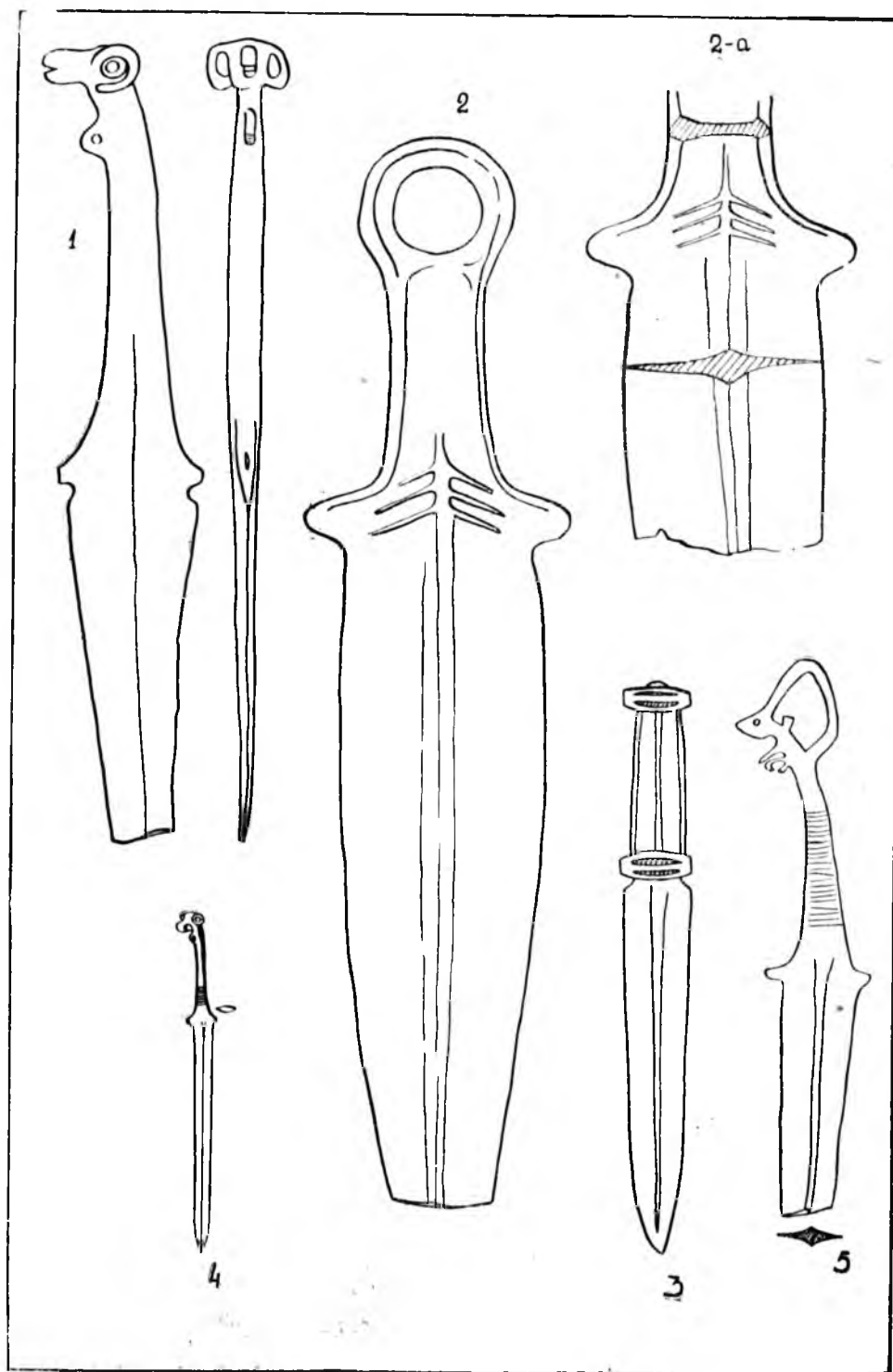

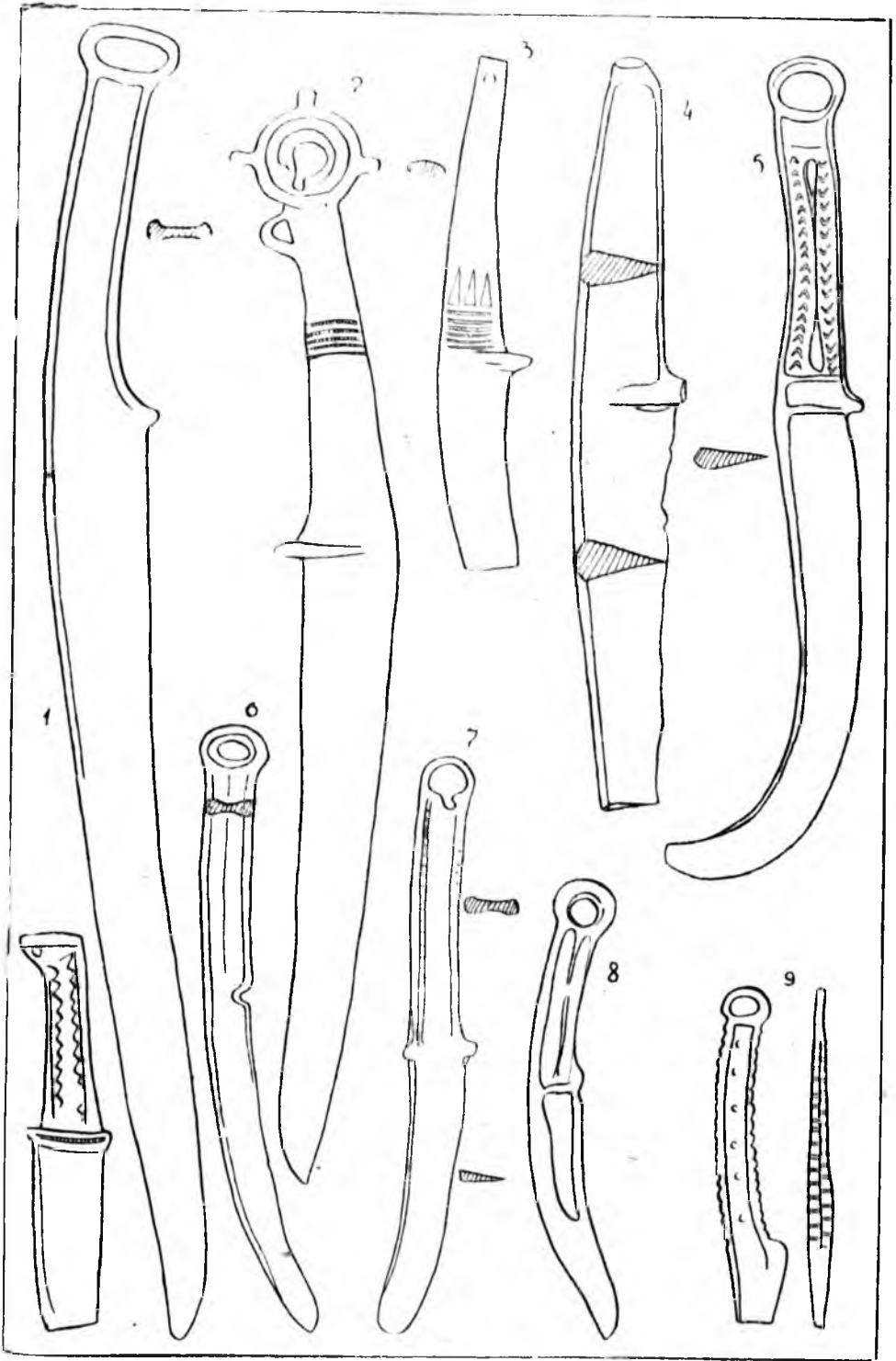
2

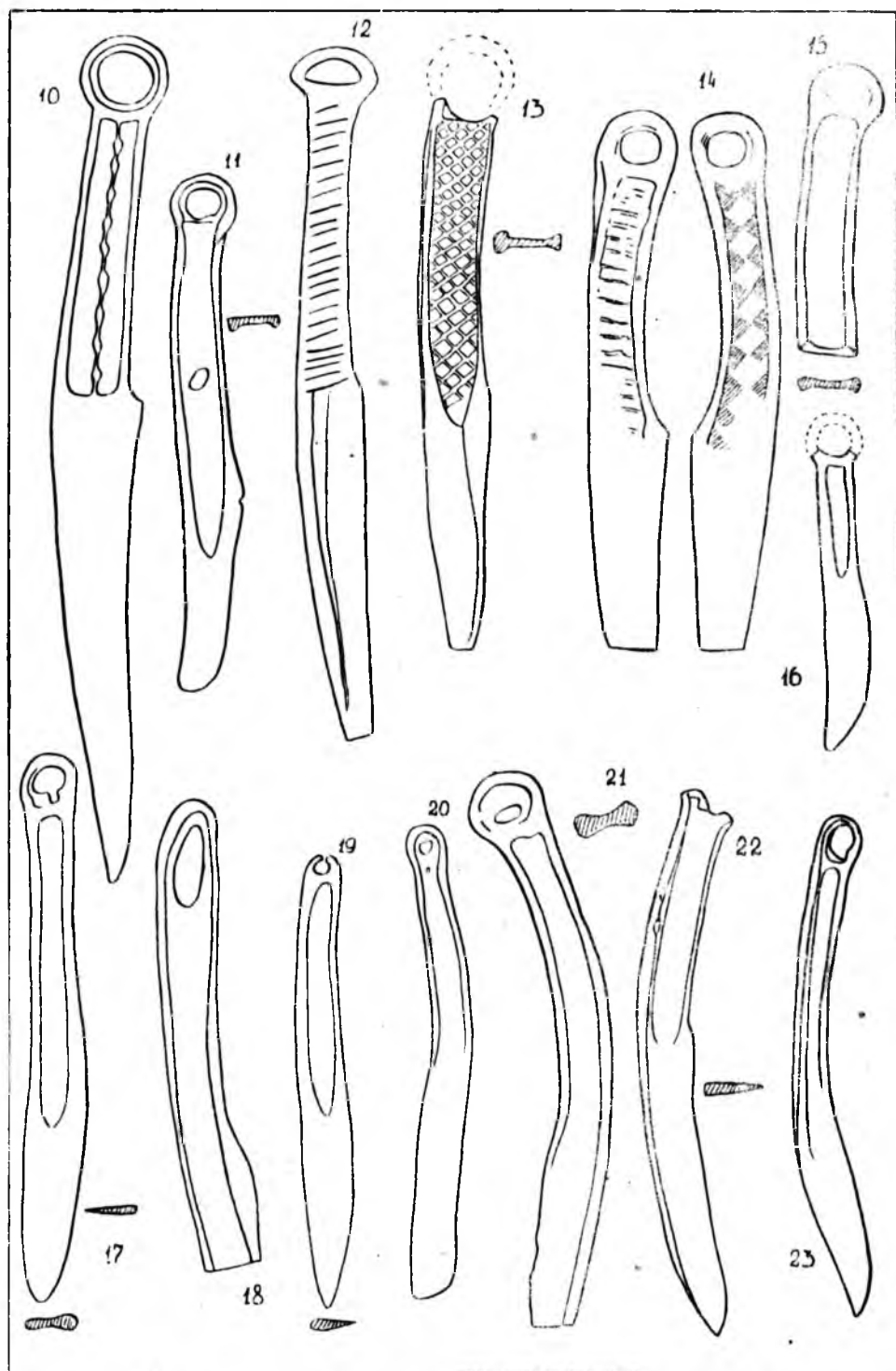

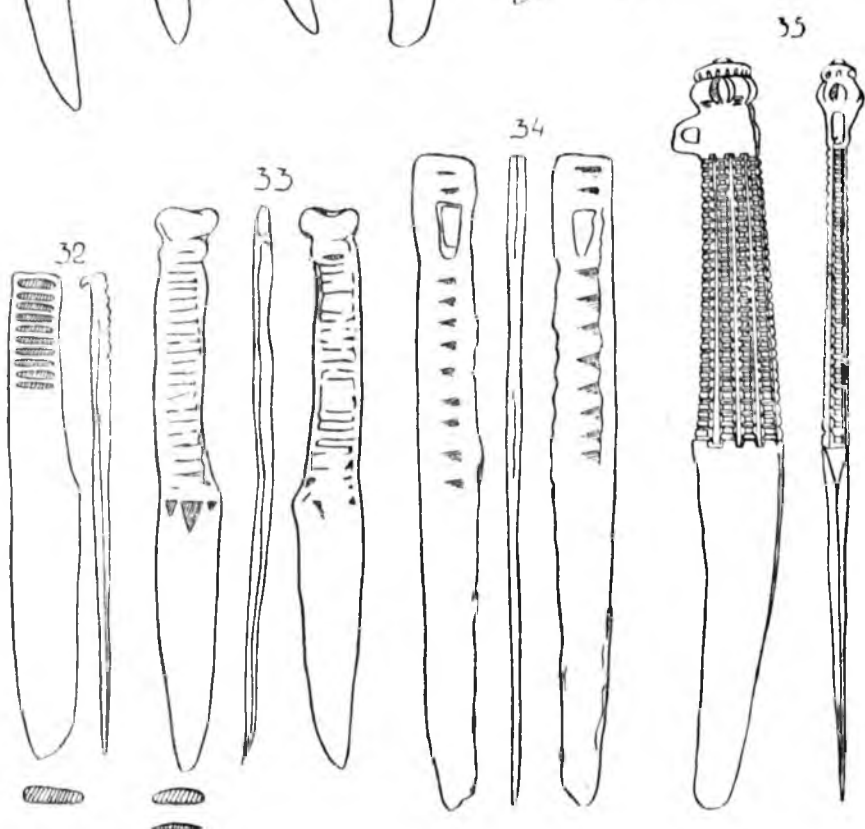
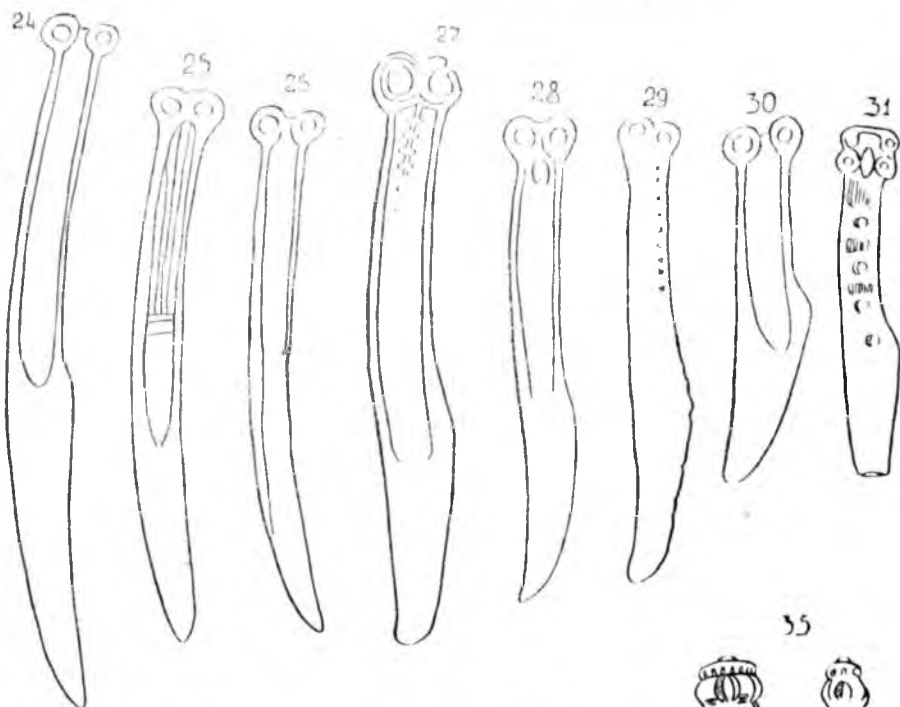
3

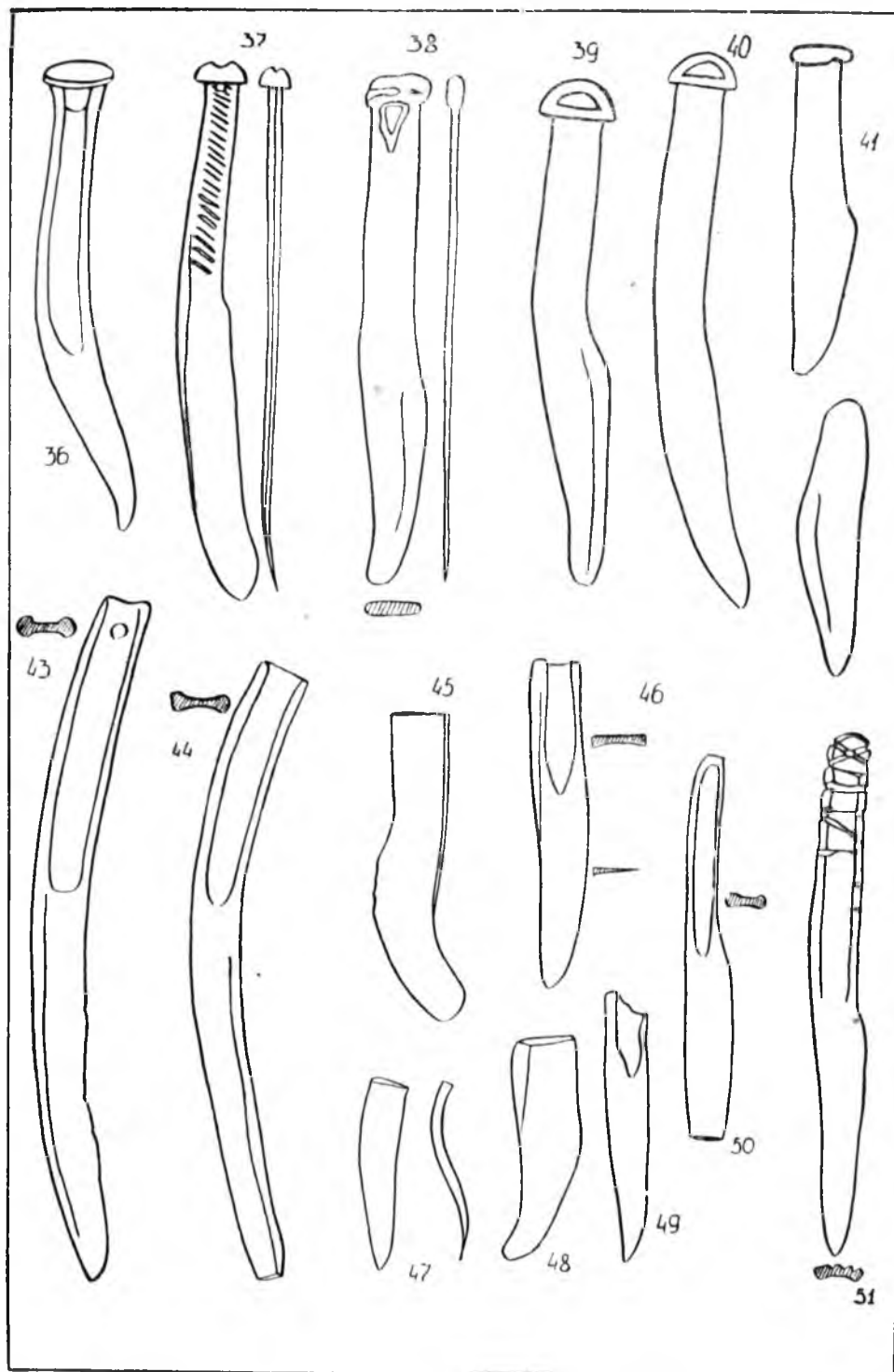

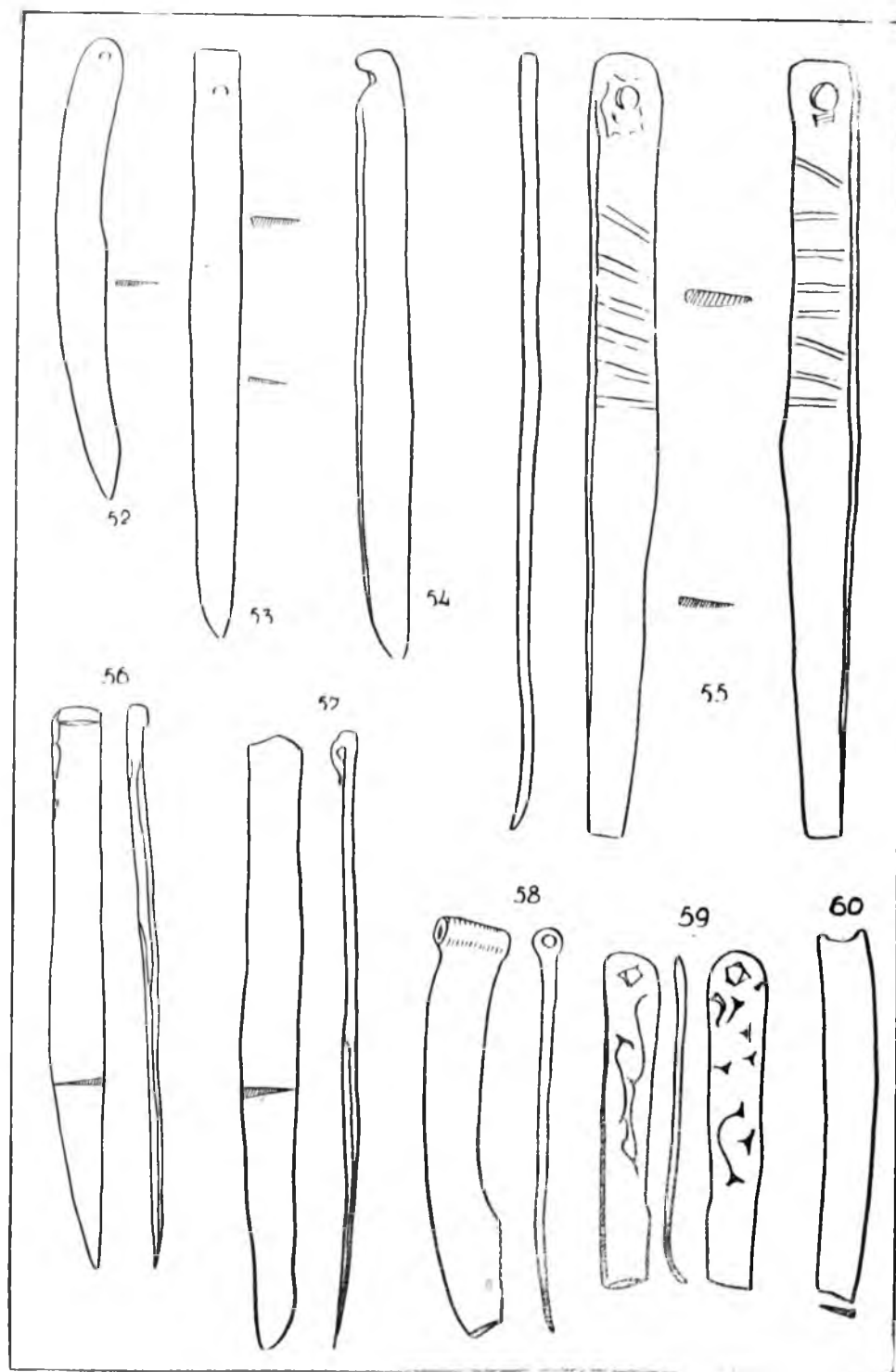

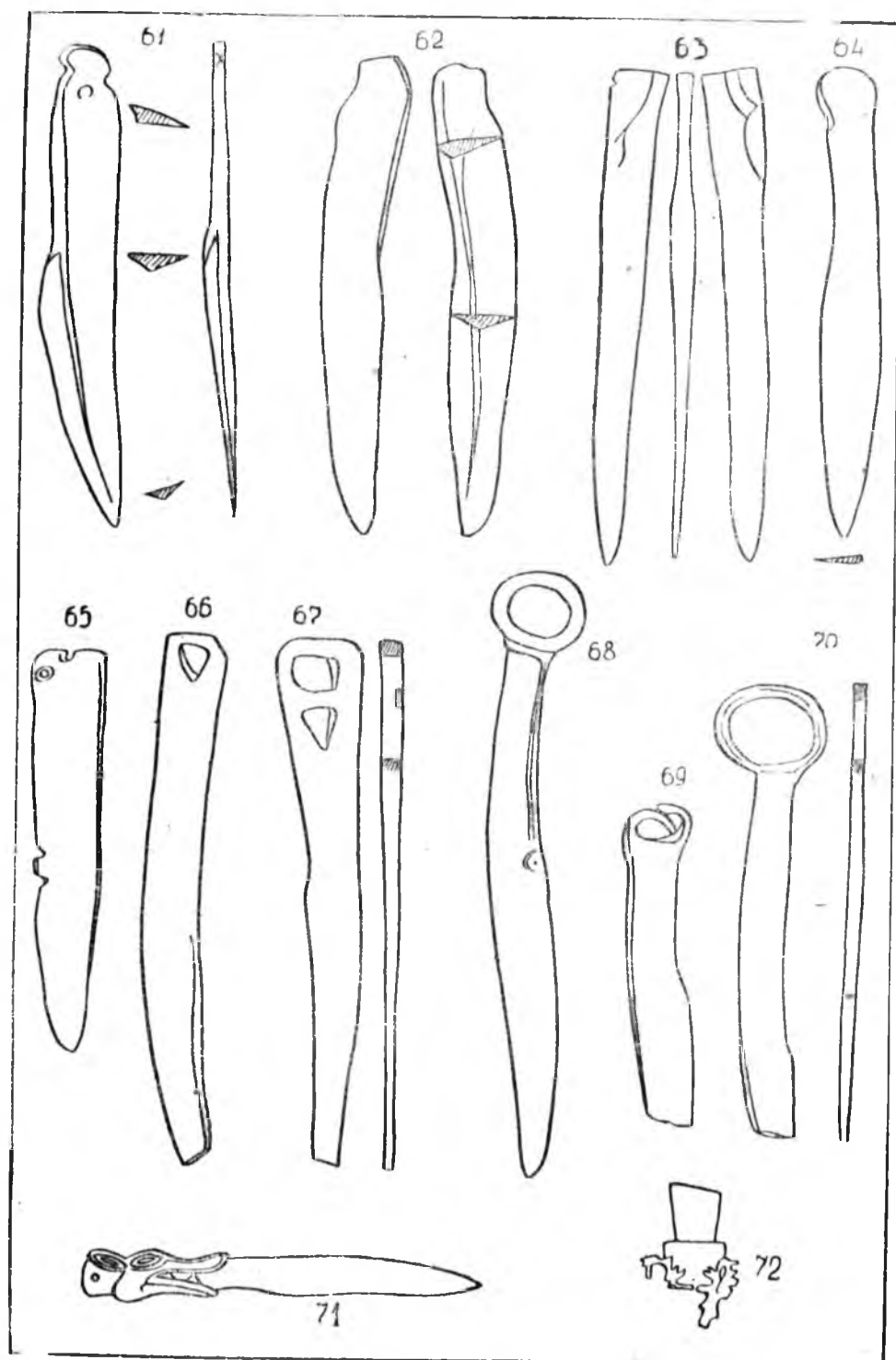

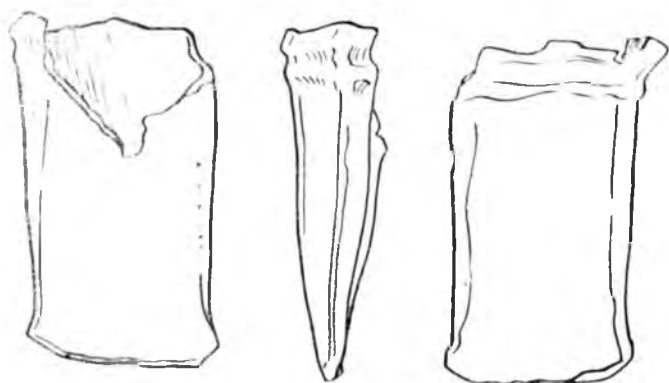

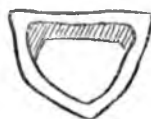
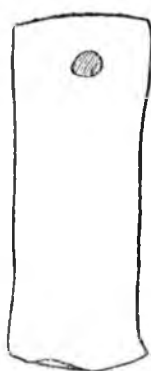
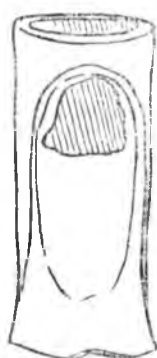

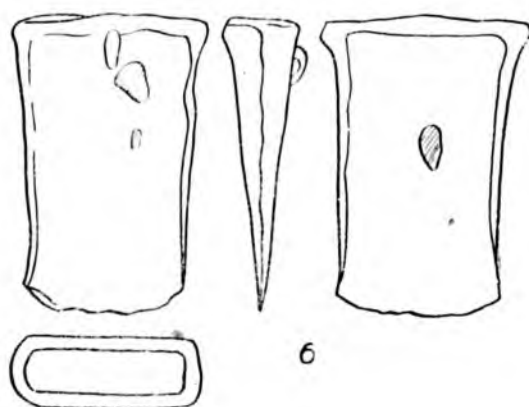
1

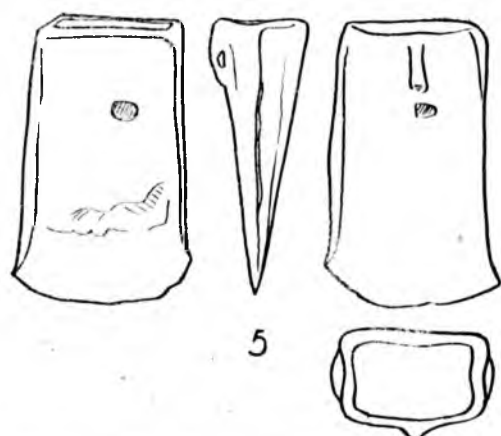
2

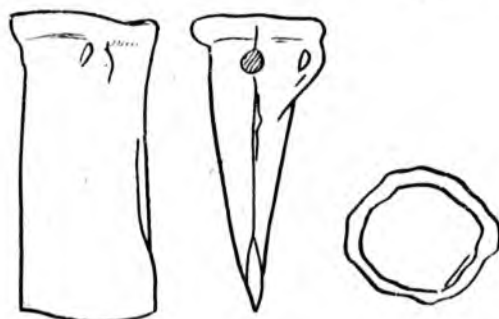
3

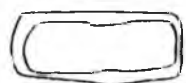
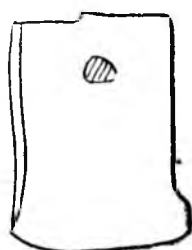
6

5

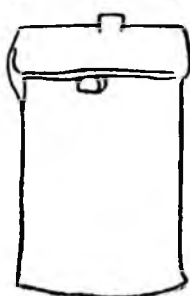
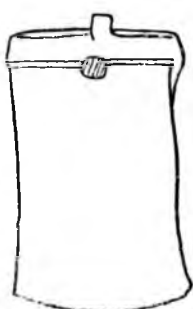
4

10

9

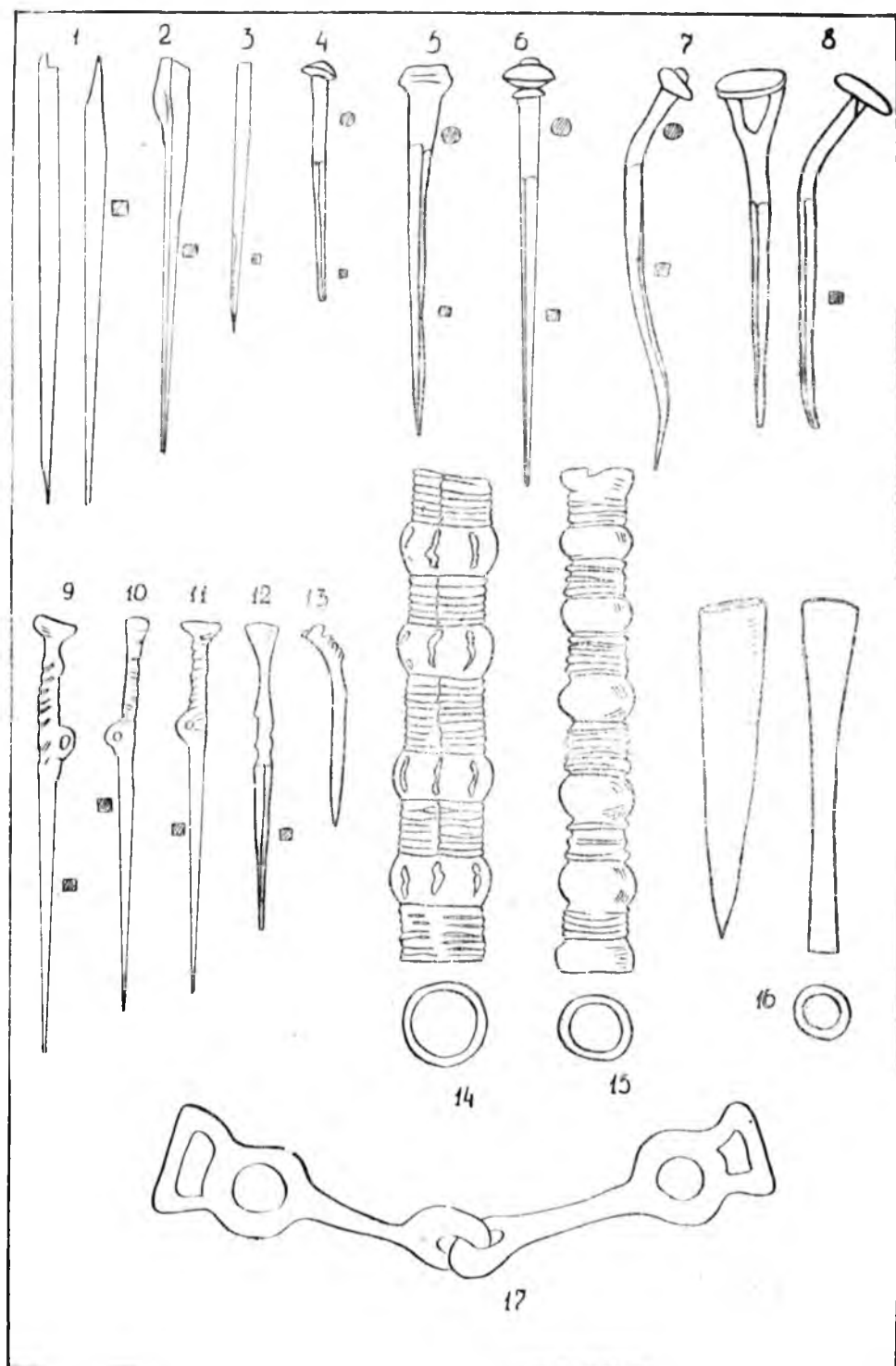

8

7

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	стр. 3
ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗА- БАЙКАЛЯ	7
КЛАССИФИКАЦИЯ И ДАТИРОВКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИ- КОВ	25
1. Общая характеристика плиточных могил	25
2. Местные особенности плиточных могил	31
3. Периодизация и датировка плиточных могил	32
4. Оленные камни	43
5. Писаницы	46
6. Случайные находки	49
7. Выводы	53
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	55
1. Ранний и средний бронзовый век	55
2. Поздний бронзовый век. Талхарский и Саянтуйский этапы	57
а) техника, металлургия, хозяйство	57
б) общественный строй	61
в) религия	63
3. Культурные связи	64
4. Самобытность культуры и этническая принадлежность населения Забай- каля в бронзовом веке	66
БИБЛИОГРАФИЯ	73
РУКОПИСИ	81
ПОЯСНИТЕЛЬНЫЕ НАДПИСИ К ТАБЛИЦАМ РИСУНКОВ	81
ПРИЛОЖЕНИЯ	
№ 1. Могилы у деревни Сотниково	89
№ 2. Таблица основных сведений о плиточных могилах	94
№ 3. Таблица основных сведений о фигурных плиточных могилах	105
№ 4. Альбом (таблицы) рисунков	106

Н. Н. ДИКОВ
„БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЗАБАЙКАЛЬЯ“

Ответственный за выпуск *П. Т. ХАПТАЕВ.*

Технический редактор *В. В. Мисников.*
Корректор *М. И. Бердникова*

Сдано в набор 20/XI—1958 г.
Подписано в печать 25/XII—1958 г.
Н—01423. Бум. 70×108¹/₁₆
Печ. л. 11,98, уч. изд. 10,36
Зак. 1044. Цена 6 руб. Тир. 500 экз.

Типография Министерства культуры Бур. АССР г. Бабушкин

ДОПОЛНЕНИЯ

1. Масштаб рисунков на таблицах IX — XIV и XIX — XXXIII — 1/2 н. в

2. На таблице I альбома рисунков отражены следующие этапы (снизу вверх): средний бронзовый век, поздний бронзовый век (Талхарский, Саянтуйский этапы), ранний железный век.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
8	8 сверху	Часть	Честь
54	3 сверху	Улан-субуктуйскую	Талхарскую
62	6 снизу	указывание	указание

Цена 6 руб.